S.T.A.L.K.E.R.

Сергей Слюсаренко

КУБАТУРА СФЕРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Зона — всего лишь территория, где сталкеры сопровождают туристов, приезжающих кто просто из любопытства, а кто и в поисках незамысловатых мелких артефактов… Но на сей раз в Зону отправляются не любопытствующие бездельники, а группа «Табигон» Центра Аномальных Явлений. Цель исследования — выяснить, есть ли истина в самой странной легенде Зоны — легенде о таинственной Золотой Сфере, обладающей уникальной способностью модулировать реальность, и найти хоть какие-то следы предыдущей группы Центра, исчезнувшей в Зоне при загадочных обстоятельствах. Против людей из «Табигона» — все: и официальные лица, и охрана, и бандиты, контролирующие сталкеров, и даже сама Зона, подкидывающая ученым все новые и новые опасные сюрпризы. Но исследователи упорно продолжают свою миссию, и все яснее понимают: Зона — далеко не то, чем кажется. В ней что-то происходит. И это «что-то» может перевернуть весь мир…

- Сергей Слюсаренко
  -
  - От автора
  - ГЛАВА 1
  - ГЛАВА 2
  - ГЛАВА 3
  - ГЛАВА 4
  - ГЛАВА 5
  - ГЛАВА 6
  - ГЛАВА 7
  - ГЛАВА 8
  - ГЛАВА 9
  - ГЛАВА 10
  - ГЛАВА 11
  - ГЛАВА 12
  - ГЛАВА 13
  - ГЛАВА 14
  - ГЛАВА 15
  - ГЛАВА 16
  - ГЛАВА 17
  - ГЛАВА 18
  - ГЛАВА 19
  - ГЛАВА 20
  - ГЛАВА 21

- ГЛАВА 22
- ГЛАВА 23
- ГЛАВА 24
- ГЛАВА 25
- ГЛАВА 26
- ГЛАВА 27
- ГЛАВА 28
- ГЛАВА 29
- ГЛАВА 30
- ГЛАВА 31

Сергей Слюсаренко

Кубатура сферы

Издательство «Астрель», Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК84(2Рос=Рус)6-44

С47

Художник И. Хивренко
Компьютерный дизайн С. Шумилина
Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 24.11.09.
Формат 84x108 S
Бумага газетная.
Печать высокая с ФПФ.
Уел, печ. л. 20,16.
Тираж 80 000 экз.
Заказ 2029.
Слюсаренко, С.
С47 Кубатура сферы: [фантаст, роман] / Сергей Слюсаренко. — М.: АСТ: Астрель, 2010. — 380, [4] с.
ISBN 978-5-17-064004-1 (ООО «Изд-во АСТ»)
ISBN 978-5-271-26359-0 (ООО «Изд-во Астрель»)

Зона — всего лишь территория, где сталкеры сопровождают туристов, приезжающих кто просто из любопытства, а кто и в поисках незамысловатых мелких артефактов… Но на сей раз в Зону отправляются не любопытствующие бездельники, а группа «Табигон» Центра Аномальных Явлений. Цель исследования — выяснить, есть ли истина в самой странной легенде Зоны — легенде о таинственной Золотой Сфере, обладающей уникальной способностью модулировать реальность, и найти хоть какие-то следы предыдущей группы Центра, исчезнувшей в Зоне при загадочных обстоятельствах. Против людей из «Табигона» — все: и официальные лица, и охрана, и бандиты, контролирующие сталкеров, и даже сама Зона, подкидывающая ученым все новые и

новые опасные сюрпризы. Но исследователи упорно продолжают свою миссию, и все яснее понимают: Зона — далеко не то, чем кажется. В ней что-то происходит. И это «что-то» может перевернуть весь мир…

ББК 84 (2Рос = Рус)6-44
© С. Слюсаренко, 2009
ISBN 978-985-16-7811-8 (ООО «Харвест»)
© Transavision Ltd., 2009
© ООО «Издательство Астрель», 2009

От автора

Возможно, читатель, знакомый с серией книг С.Т.А.Л.К.Е.Р., в первый момент может не увидеть здесь знакомой Зоны, отважных героев и страшных аномалий. Но это только вначале. Настоящая книга является приквелом ко всем событиям, которые известны по блестящей межавторской серии.

Как появилась та, страшная и непознаваемая Зона? Ведь не всегда зона отчуждения вокруг 4-го реактора Чернобыльской АЭС была центром аномалий, который описан в серии. Автор попытался проанализировать возможный ход событий, предшествующий локальному апокалипсису — образованию Зоны С.Т.АЛ.К.Е.Р.а. В работе помог личный, очень скромный, опыт участия в ликвидации, связанный с первой профессией автора, и многочисленные беседы и рассказы тех, кто работал на Чернобыльской АЭС до взрыва, тех, кто работал и работает в зоне отчуждения, тех, кто родился и вырос в Припяти, но оставил родные места навсегда.

Мысленно пройдя шаг за шагом самые тайные места вокруг реактора, послушав тех, кто своими руками возводил Монолит, кто бегал на танцы в ДК «Энергетик» и выдавал книжки в библиотеке, автор попытался понять — в какой момент в Зоне сломался хребет цивилизации. В 1986 году, в 2006-м или в 1088-м? А может, и в 2004-м. Ответа нет. Вернее, есть несколько ответов. Возможно, читатель найдет их в книге.

Автор благодарен Людмиле Одинцовой за титанический труд по правке рукописи, Владимиру Васильеву за поддержку, Сергею Каташу за консультации по миру Зоны, Илье Новаку за понимание, Анне Китаевой и Михаилу Васнецову за добрые советы, а также Елене Якущенко за описание мирной Припяти.

> И проснулся Яхве на восьмой день творения и взроптал: «О Господи!»

Библия, неопубликованное каноническое издание с учетом первых четырех поправок

ГЛАВА 1

Таможенный контроль осуществляется с целью обеспечения соблюдения государственными органами, предприятиями и их должностными лицами, а также гражданами порядка перемещения через таможенную границу Украины товаров, транспорта и других предметов.

Ст. 21-я Таможенного кодекса Украины

Второй пилот открыл люк и, придерживая тросик, чтобы не зацепился, выбросил наружу трап. К грохоту двигателя прибавился свист вращающегося ротора. Сквозь запах керосина и холодного металла в кабину ворвался поток влажного, настоянного на осенней листве воздуха.

— Все, прибыли, выгружайся! Мы тут долго торчать не будем! — проорал пилот и ткнул пальцем в толстой перчатке в сторону люка.

Малахов подхватил свою сумку и первым ступил на трап. Он задержался на секунду, положив руку на облезлую обшивку видавшей виды транспортной «вертушки», словно оценивая обстановку. Спрыгнул на землю и быстро, торопясь скрыться от осточертевшего шума, потопал в направлении домика на краю вертолетной площадки. Вадим даже не оглядывался, он прекрасно знал, что вся группа последовала за ним. Только Клава останется на некоторое время — проследит за выгрузкой внедорожника.

До обшарпанного здания диспетчерской было не более сотни метров. К тому времени, когда Малахов поднялся на порог этого мрачного строения, вертолет уже взвыл всей мощью двигателя и ринулся на восток, спеша убраться от греха подальше. Зону приезжие не любили, не любили даже ее окрестности. Вертолетная площадка — или, как называлась она официально, «Воздушный терминал дальнего базирования» — располагалась недалеко от шоссе, почти на опушке редкого леса, с двух сторон подступавшего к реке Припять. Осенний лес выглядел уныло и

бесполезно.

— А, бойцы невидимого фронта прибыли. — Из-за архаичного канцелярского барьера выплыла недовольная физиономия хозяина диспетчерской. — Чего так долго?

Человек за стойкой был немолод и не слишком опрятен. Небритая рожа на жирной шее выглядывала из растянутого воротника толстого свитера. Поверх свитера была надета жилетка на манер репортерской. На столе, вплотную приставленном к перегородке, вперемежку с мятыми квитанциями лежали остатки еды. Сам хозяин пил чай, не вынимая пакетика из чашки, давно не мытой, судя по коричневой кайме. Рядом лежал кусок писчей бумаги, на которой, оставляя жирные круги, валялись объедки копченой рыбы. Воздух в диспетчерской был затхлым, словно тут никогда не проветривали. Застоявшийся табачный смрад въелся в мебель и стены.

— Был бы фронт… — буркнул Вадим. Грязная контора его раздражала. — Я — Малахов, это моя группа.

За спиной Малахова стояли два человека. Не было сомнения, что это и есть группа.

— А пропуск на четверых с транспортным средством заказан, — брюзгливо проворчал небритый.

— Средство на улице, мне его сюда закатить? — Малахов представил, как Клава на своем «Патриоте» вламывается в помещение этой задрипанной конторы, и мечтательно улыбнулся.

— Шутники, — констатировал диспетчер, обтер руку о живот и протянул ее Малахову через стойку, слегка приподняв зад над стулом. — Я — Сулима, я тут дольше всех держусь. И каждый прибывающий почему-то норовит пошутить. Только что-то те, у кого получается вернуться, не шутят. Вот пропуск. Карта, я думаю, у вас есть. А то приезжают иногда…

— А вам разве не сообщили о нашей группе подробностей? Я уверен, что вы информированы больше, чем делаете вид. — Малахов, чуть склонив набок голову, глянул на Сулиму.

— Да сюда столько контор посылали своих следопытов, что, наверное, уже весь песок из Зоны повывезли. И каждый сообщает, что он под крышей кого-то, кто выше самого господа бога. А Зоне плевать. Кто туда не лезет — тот живой. — Сулима лениво зевнул, мелькнув гнилыми зубами. — Ладно, берите пропуск и езжайте. Стемнеет скоро. После моста не гоните особенно. В Леливе обязательно отметьтесь. Они мне звякнут. Я обязан доложить о вашем прибытии.

— Так прибыли уже, — из-за спины Малахова буркнул Гера Тельбиз, Сулима вытянул по-гусиному шею, пытаясь его разглядеть. Гера не был похож на обычного сотрудника

спецслужб, он выглядел, скорее, как вечный студент перед сессией — взъерошенный, чуть склонный к полноте от сидячей работы. Однако при этом Тельбиз смотрел на диспетчера уверенным, жестким взглядом.

— Прибыли, говорите? Ну-ну, — кивнул Сулима. — Только вечером до Лелива доезжает половина таких вот храбрых. Носили вас черти где-то. Вы же должны были с утра прибыть! А мне потом отвечай.

Малахов взял лист бумаги с лиловыми печатями, который Сулима выложил на барьер, и молча повернулся на выход. Его товарищи, не дожидаясь команды, тоже покинули конторку. Уже в двери Малахов оглянулся и сказал Сулиме:

— Нас черти не носят. Инструкции, которые получили, выполняйте. Строго выполняйте. Отчитываться и докладывать о миссии будем только мы сами. Понятно?

На пороге домика Тельбиз вытащил из нагрудного кармана прибор, очень похожий на наладонник, и тихо проговорил:

— Выходит на связь. Спутниковый «Иридиум». Вот скотина, написано же в инструкции — визит не разглашать!

Малахов выразительно глянул на Тимура Рымжанова — с виду хрупкого смуглого молодого человека с длинными волосами, заплетенными сзади в лихую косичку, придающую ему хулиганский вид. Тимур беззвучно открыл дверь и скользнул в помещение диспетчерской. Раздалось невнятное восклицание, потом приглушенный звон упавшей чашки.

Рымжанов появился на пороге, держа в руках телефон с толстой антенной.

— Не успел, гад. Я надеюсь, у него только одна спутниковая трубка. — Тимур довольно потряс своей добычей. — Ведь сказали мерзавцу — исполняй инструкции.

— Я и не сомневался, что он сразу начнет стучать. — Тельбиз взял телефон и, сдвинув на тыльной стороне крышку батарейного отсека, вытащил аккумулятор. — Так надежнее.

— И сотовый забрал? — улыбнулся Малахов. — Он у него в нагрудном кармане был.

— И еще тот, который в столе. — Тимур стал вытаскивать из кармана трофеи.

— Это все?

— Ну, там у него еще «стальки» кусок был. Видать, мзду берет. — Рымжанов разжал ладонь. Небольшой кругляк отсвечивал металлическим блеском. — Судя по весу, может до двух грамм золота нагнать.

— Не выбрасывай, по возвращении сдашь, — предупредил Малахов. — Ладно, Гера, поставь ему колпак.

Он не спросил, почему Тимур так легко узнал «стальку». Впрочем, подготовительный инструктаж слушали все.

Тельбиз кивнул и направился к стоящему рядом с диспетчерской внедорожнику. Клава подогнала его поближе, но на всякий случай не вплотную к диспетчерской. Открыв заднюю дверь машины, Гера достал металлический рифленый ящик. Заученными, доведенными до автоматизма движениями откинул запорные замки, извлек несколько небольших прямоугольных блоков и жгут проводов. Захлопнул крышку и на ней, как на монтажном столе, быстро соединил блоки. Потом вернулся к дому и запихал собранную конструкцию под невысокий порог между прогнившими досками.

— У него теперь только полевушка работать будет. И то если провод не перебьют, — удовлетворенно сообщил Гера. — А колпак он вряд ли догадается искать.

— Тогда — по коням! — Малахов двинулся к машине. — А то и вправду темнеет.

— А чего это он пугал? — спросила Клава, прежде чем повернуть ключ стартера. — Ведь местность до Лелива даже Зоной назвать нельзя.

— Да понты это! Привык дилетантов запугивать. Небось и проводника нам хотел навязать, — ответил

Вадим. — Но в темноте действительно не стоит кататься.

Малахов отметил про себя, что группа, как всегда, работает слаженно — выполнение обычных рутинных инструкций происходит автоматически. Вот, например, Клава, готовя машину в дорогу, не забывала общий аудиомониторинг.

Машина энергично поелозила по грязи, широко разлитой затяжной осенью вокруг вертолетной площадки, выскочила на асфальт и ринулась по разбитому шоссе на запад. Через несколько минут, перемахнув чудом сохранившийся мост через Припять и слегка визгнув резиной на перекрестке, внедорожник уже несся к контрольно-пропускному пункту в Зону «Лелив». Вдали виднелся полосатый шлагбаум и белый куб КПП под серой шиферной крышей. Ближе к пропускному пункту удалось разглядеть старенький бронетранспортер поддержки, скромно спрятавшийся среди еще не облетевших щемяще желтых берез. Из здания вышел человек в камуфляже и в защитной полусфере на голове. Охранник держал наперевес М16. Американская винтовка смотрелась диковато в этих местах. Весь вид охранника говорил о нерушимости границ, по крайней мере здесь, на въезде в Зону.

— Ишь, хохлы, под НАТО норовят мимикрировать, — буркнула Клава, тормозя у опущенного шлагбаума.

— Унутрення мытна сэрвиция Украйины. Выйдить з автивки

та предъявыть докумэнты, — произнес человек с ружьем заученную фразу, пахнув самогонкой в открытое окно машины.

Он решительно выхватил пропуск и паспорта всех членов группы из рук Малахова и скрылся в здании. Сразу же оттуда вышел другой. Он тоже был в военной форме со странными коричневыми шевронами и околышем того же цвета. Судя по трезубам на погонах — лейтенант.

— Мыныстерство по Чернобылю. Автивку до догляду, будь ласка. — Опять выученная фраза. Офицер произнес ее строго, уверенно, не глядя на прибывших.

— Смотрите, — безразлично ответил Малахов.

— Видчынить двиркы.

— Что? Вы извините, товарищ военный, но мы по-украински не очень. — Малахов, конечно, понимал, чего хочет проверяющий. Он так же прекрасно понимал, что надо скорее проехать в Зону, но что-то ему подсказывало, что нельзя идти на поводу у этих капэпэшников. Вадим спинным мозгом чувствовал, что пропускать их не хотят.

— Москаль мени не товариш! — грубо отрезал человек в форме. — Нэ розумиешь — йидь до своей Моськвы.

— Да мы только оттуда приехали. Вы же читали документы? У нас международная миссия, она под протекторатом и нашего, и вашего президентов.

— Я таких папирьцивь надывывси стока, — вяло протянул лейтенант и неожиданно сообщил: — Всэ, повертайтэ назад. Я нэ можу вас пропустыты.

— Это чего вдруг? У вас тут что, местная незалежность?

Эта фраза совсем взбесила проверяющего.

— Ты, сука, нашу незалэжнисть нэ чипай, за знущання над национальными святынямы криминальна видповидальнисть. Руки у гору, зараз ты у мэне зрозумийешь, дэ тут хто!

Военный резким движением выхватил из кобуры пистолет. Сделал он это эффектно, но допустил одну, ошибку. На мгновение бросил взгляд на свою кобуру, сбрасывая кожаную петлю с рукоятки пистолета. Когда он опять перевел глаза на Малахова, ему прямо в лоб смотрел ствол модернизированной «беретты» калибра десять миллиметров. Охранник скорее всего и не видел никогда такого странного оружия. Вроде и похоже на пистолет, но явно мощнее.

— Бросить оружие и лечь на землю! — медленно, почти по слогам, проговорил Вадим.

Лейтенант оторопел и замешкался, не желая нюхать осеннюю дорогу, да к тому же остаться совершенно безоружным. Резкий удар по руке выбил оружие, вторым ударом Тимур положил

незадачливого вояку лицом на мокрый асфальт, не забыв дать пинка напоследок. Клава была уже за рулем, Гера Тельбиз наводил порядок внутри домика КПП.

Малахов достал из багажного отделения «Патриота» небольшой темно-зеленый тубус и, огибая здание КПП слева, осторожно двинулся к БТРу. Крадучись он подошел вплотную к боевой машине. Бронетранспортер был пуст, видимо, техника обслуживалась теми воинами, которых сейчас били в помещении КПП. Вадим отошел метров на пятнадцать, привел тубус в боевое положение, выпустил ракету, целясь в двигатель БТРа. Ракета резко ударила по броне и прошла навылет, навсегда лишив транспорт способности двигаться. Когда Вадим подходил к КПП, таможенная служба уже была полностью обездвижена. Четыре человека лежали на асфальте как бревна. Длинные и неподвижные. Возле них, держа таможню под прицелами, стояли Тимур с Германом. Клава, прислонившись к машине, со скучающим видом осматривала придорожный лес.

— Господа, расскажите нам, чем мы обязаны столь пристальному вниманию с вашей стороны? — поинтересовался Малахов.

— Ты подохнешь, москаль, — ответил один из тех, кого скрутили внутри будки, и, тихо взвыв после короткого пинка Тимура, продолжил: — Сулима звонил, велел не пропускать.

— Как он мог звонить? Что ты несешь? — Малахов взревел. — И с каких пор диспетчер драной вертолетной площадки руководит у вас армией?

— Только что звонил, у него «зеленая сопилка» есть.

— Вот блин, — тихо ругнулся Тельбиз. — Они тут за счет Зоны имеют неплохую экипировку. Кто мог знать?

— Это я виноват, — вздохнул Тимур. — Надо было лучше искать. Правда, ведь было только словесное описание, и я…

— Сейчас придется вернуться и добыть образец, чтобы впредь не ошибаться, — прервал его Вадим. — Ты, коричневый, покажи, где твоя «сопилка»?

Почему-то Малахову захотелось поднять именно того, свидомого лейтенанта, который вел себя так нагло и оскорбительно. Тот с готовностью вскочил и затараторил, отряхивая мундир:

— Сейчас, товарищ начальник! Вы ж не подумайте, мы ж не со зла! Просто нам тут всю ночь сидеть, а если не выполнить, шо Сулима скажет? А до утра можно и «соплю синюю» поймать, а как с ней потом жить?

— О, русский язык вспомнил. Веди, воин. — Вадим рук таможеннику на всякий случай не развязал.

Лейтенант заколебался, он хотел подобрать свою фуражку, которая валялась в грязи. Тимур сжалился и нахлобучил головной убор на пленного, придав тому совсем несуразный вид.

— Так мы ж на службе, товарищ начальник, на службе не можно по-русски, а только ридной мовой, а если застукают, так и погоны содрать могут. — Лейтенант семенил к домику пропускного пункта, сохраняя униженно-подчиненную позу.

— Меньше бояться надо! Такие боязливые полицаями становились и от страха нам в Крыму в спины стреляли. А в итоге — где твоя родина? Львовская республика да чернобыльский анклав? Все просрали.

— Я в крымскую в тылу был, интендантом, — опять засуетился охранник. А вот командир наш, так он в сотне имени Бандеры, Бахчисарайский фонтан штурмовал. Говорят, лютый был. Вы его убейте. И гадом меньше, и нам тут повышение будет.

— Вот блин, народ! Не трепись, показывай свою чертову дудку. — Малахов зашел в помещение КПП вслед за пленным.

«Зеленая сопилка» оказалась черным предметом, напоминающим кастет. Только с тремя отверстиями. При этом ничего общего с описаниями, которые были получены при инструктаже, не имела.

— Как это работает? — Малахов с недоверием вертел артефакт в руке.

— Да просто. Хочешь вот с человеком поговорить — так и говори. Я бы показал, товарищ командир, тока руки связаны.

— Ничего, ты на словах. — Малахов ни на минуту не сомневался, что его собеседник при первой возможности постарается проломить ему череп и смыться.

— Ну, это просто. На руку надел и говори. Тока у того тоже сопилка должна быть. — Связанные руки не позволяли жестикулировать, и лейтенант компенсировал недостаток убедительности гримасами.

— Ага, а как оно выбирает, с кем говорить?

— А хто его знает. Как-то само. Типа знаешь, с кем говорить, — оно и говорит с ним. А тут все так работает. Это очень ценная вещь. Мало у кого есть. Вы, может, хоть немного за нее заплатили бы, товарищ начальник, а то ж дома сами понимаете, жинка, зараза, шоп ее, и кабанчика годуваты надо, а тут работа эта…

— Пошли, а то сейчас, кажется, заплачу по ребрам. — Малахов кивком показал на выход. — Что-то еще есть из артефактов?

— Так, может, у командира нашего, пана капитана Зайця, шо и есть, я ж говорил, вы бы его того… А у меня ничего. Святой истинный крест.,- Военный попытался, как показалось Малахову,

перекреститься, но из этого получилось одно дерганье.

— Ладно, хватит крестить себе задницу, замнем эту тему, топай.

У шлагбаума Малахов отдал приказ — Клаве с Тимуром вернуться назад и изъять «сопилку». Правда, перед этим заставили главного из капэпэшников связаться с Сулимой и сообщить, что москалей отправили в сторону Рыжего леса. Откуда никто не возвращался. Было слышно, как Сулима ехидно заржал в ответ. Несмотря на пистолет у виска, у охранника был достаточно естественный голос. Охранник понимал, что худшее уже позади и его больше бить не будут, и поэтому охотно сотрудничал.

От Сулимы вернулись минут через двадцать. Доложили, что жить будет, но при этом будет часто бояться. «Сопилку» добыли. Перед тем как покинуть КПП, с охранников взяли честное благородное слово, что те ни словом ни духом. Кроме того, пообещали об инциденте не распространяться, дабы не уронить честь мундира таможенников. Особенно президентам недружественных стран. Охрана уныло сопела. Но выбирать — молчать или пуля в затылок — не стали. О том, что никто убивать их не собирается, таможне решили не говорить.

Малахов хорошо себе представлял, что военным не выгодно рассказывать, как им накостыляла какая-то научная группа. А дырявый бронетранспортер можно списать на причуды Зоны. Тем более что про гранатометы с невзрывной боеголовкой еще мало кто знал.

До первого пункта, в котором можно было нормально, если это слово подходит для Зоны, переночевать, оставалось примерно восемь километров. Шоссе было вполне сносным, впрочем, для Клавы не имело никакого значения — по шоссе ехать или по бурелому. Со стороны казалось, что Клава совсем не обращает внимания на машину и сидит, просто положив руки на руль. Если бы «Патриот» ехал сейчас по городской улице, его бы обязательно остановил какой-нибудь особо жадный гаишник. Конечно, хрупкая женщина, блондинка с несерьезной прической кудряшками на тяжелом внедорожнике, — странное зрелище. Как правило, после таких остановок гаишники оставались в полном смятении чувств и со страхом скорого увольнения. Клавино удостоверение и ее способность общаться с применением методов психологического давления сказывались на боевом духе стражей дорог не наилучшим образом.

Осенний лес по обе стороны шоссе был тих, и даже внутри кабины казалось, что воздух наполнен запахом грибов и преющих листьев. Через пятнадцать минут машина остановилась у одноэтажного здания. Белый силикатный кирпич с годами

посерел, но окна светились, значит, внутри здания были люди. Фары внедорожника высветили прибитый над крыльцом фанерный щит с надписью: «Готель «Гранд Копачы». Бэд та брэкфаст. Атрактывни цины».

— Я надеюсь, это у них все-таки юмор такой? — предположила Клавдия, ставя машину на ручник.

— Ну, на проживание нам дали достаточно гривен, так что гранд-отель осилим, — ответил Гера. Он по совместительству с должностью главного электронщика отвечал за финансы, если операции происходили за границей.

Малахов отправил Тимура на разведку, выяснить ситуацию с гостиницей. Из машины было видно, как открылась дверь, осветив силуэт Рымжанова и щербатый цементный порог. Совершенно явственно раздался грустный скрип несмазанных петель. Тимур скользнул в помещение. Оснащенная банальной пружиной дверь поприветствовала его громким хлопком. Через мгновение Рымжанов опять показался на пороге и помахал рукой — мол, все в порядке. Все спокойно вышли из машины. Тельбиз помог достать из багажника большие сумки. Малахов и Тимур, закинув багаж на плечи, двинулись в гостиницу. Гера на секунду задержался, попытался взять сумку Клавдии, но она только хмыкнула в ответ. Как только группа покинула внедорожник, с неба как по команде рухнули дождевые струи. Унылая гостиница попалась в нужное время и в нужном месте.

Холл отеля напоминал вестибюль общежития, если бы не регистратура. Вахтерша необъятного размера сидела в клетке, сваренной из толстых арматурных прутьев. Такая клетка была уместна в зоопарке, в разделе «Хищники». Но, видимо, этого требовали местные особенности. Стены холла были окрашены зеленой больничной краской. В глубину гостиницы вела широкая лестница их трех ступенек, оканчивавшаяся архаичным порталом с гипсовой лепниной.

— Добрый вечер, у вас остановиться можно? — вежливо улыбнувшись, спросил Малахов.

— Какой же добрый. — Толстая тетка за решеткой кивнула в сторону окна. — Вон как припустило, теперь до утра лить будет. Деньги за неделю вперед.

Баба производила отталкивающее впечатление своей старой засаленной трикотажной кофтой и торчащими из-под заколок седыми космами.

— А отчего же за неделю? — удивился Вадим. — Нам всего на день.

— Сразу видать, первый раз тут. Несешь полную чушь, как все приезжие городские. — Тетка брезгливо скривилась. —

Проводника я вам что, из кармана вытащу?

— Да зачем нам проводник, мы и сами.

— Сами? — с сомнением в голосе переспросила вахтерша. — Ну, тогда… восемь тысяч гривен. Паспорта давайте.

Тетка пятерней потянула к себе за решетку четыре паспорта в кожаных обложках.

— Ишь ты, — проговорила вахтерша, осматривая документы, — из Москвы самой, а жизнь свою не жалеете.

— Да чего ее жалеть? — Малахов протянул даме несколько купюр, которые передал Гера. — А вот ваши друзья на КПП не очень радовались, что мы из Москвы.

— Шакалы они, а не друзья, — отрезала тетка, сгребая со стойки восемь цветных бумажек с портретом Петлюры. — Любого на выходе оберут до последней нитки. Хотя вам это и не грозит.

— Чего так? Побоятся?

— Да кто вас побоится? Без проводника или вокруг дома потопчетесь или не вернетесь. Не любит Зона таких, пришлых. Вот возьмите, блок двухкомнатный. — На стойке звякнула худенькая связка ключей. — Поесть в корчме сможете. В стоимость не входит.

— А как же «брэкфаст» с рекламы? — вмешалась Клава.

— Ты бы, милочка, лучше домой ехала. — Гостиничная тетка смотрела на Клавдию снисходительно, как врач на душевнобольного. — Ну, мужики — понятно, а ты бы еще детей нарожала, счастлива была. А туда же… Корчма вот — прямо тут.

Кивком вахтерша показала на дверь напротив регистратуры. Дверь была самая обычная, на ней кнопкой был прикреплен листок из тетрадки в клеточку. Вблизи можно было разобрать надпись шариковой ручкой: «Корчма Ириш-пуб».

— Название какое-то странное, — сказал Тельбиз, внимательно изучив вывеску. — Нет, чтобы назвать, «Галушка» там или «Стчи». Или вот, к примеру, красиво так — «Лейка».

— Это ты у них спроси, — возмутилась хозяйка. — Пустила сюда, вроде место людное, а толку никакого. Думала, ресторан сделают, а тут… Гэндэлык! Выгоню, наверное. Идите поселяйтесь, не толпитесь на входе, мешаете постояльцам. А почему «Лейка»?

— Так глупее не придумаешь! — улыбнулся Герман.

— Можно и глупее, — пробормотала Клава. — Лишь бы деньги приносило.

Надо сказать, что за все это время в помещение не вошла ни одна душа, да и дверь в корчму выглядела совершенно уныло, словно за ней была мертвая зона.

Блок, как его назвала хозяйка, начинался маленькой прихожей. Прихожая освещалась тусклой лампочкой, света ее

хватало только на то, чтобы рассмотреть три двери, одна вела в туалет с душем, две другие — в одинаковые скромные комнаты с железными кроватями. Панцирные сетки от времени растянулись и провисали даже без нагрузки. Одну комнату отдали Клаве, а лишнюю кровать перетащили туда, где устроились мужчины. Пока обустраивались, явилась хозяйка с охапкой влажных сероватых простыней и наволочек. Хмыкнув, она не стала комментировать перемещения и потребовала, чтобы пошли с ней получать матрацы. Тельбиз с Тимуром отправились за хозяйкой, и через десять минут все было готово к ночлегу. После этого решили наведаться в корчму. Сухой паек приберегли на потом, а отказываться от нормального ужина не имело никакого смысла.

Под сверлящим осуждающим взглядом дамы за решеткой подошли к двери «ириш-пуба».

— Ну что, добро жаловать в ресторан! — Тимур толкнул дверь и пропустил впереди себя Клавдию. Он даже в таком месте оставался галантным. За дверью оказался классический буфет или, скорее, маленькая заводская столовка.

— Точно, здесь раньше была общага ПТУ каких-нибудь механизаторов сельского хозяйства, — заключил Гера, оглядывая помещение. Слева находилась стеклянная витрина, отгораживающая от зала кассу, вход на кухню, если, конечно, там была кухня, и судки с готовой пищей. Пахло кислыми щами. Из сумрака кухни выплыла фигура в белом халате, требующем незамедлительной стирки. Это, похоже, был хозяин, он же официант, а также главный повар заведения. Исходно белый халат обтягивал жизнерадостное брюшко этого лысоватого, немолодого мужчины. Из нагрудного кармана торчали авторучка и расческа из дешевой пластмассы.

— Добро пожаловать! — излишне воодушевленно поприветствовал вошедших хозяин и живо бросился навстречу клиентам.

Он пытался подвести каждого под руки к столику, незаметно стряхнув крошки и пепел с нестиранной скатерти. Потом, когда гости расселись, застыл в вопросительной позе. Готовый на все, даже штурмовать Эверест, ради дорогих клиентов.

— Всегда рады посетителям. Вы устраивайтесь поудобнее, сейчас вас обслужат. Зина! Тут посетители! — громко оповестил толстяк кого-то на кухне.

Оказалось, персонал корчмы состоял не из одного человека, и пока команда выбирала столик и рассаживалась, Зина, худенькая женщина без признаков либидо, молча ожидала в стороне, крепко сжимая в руке блокнот и карандаш.

— Что заказывать будем? — обратилась она почему-то к

Тельбизу лично, словно угадала в нем главного.

— А меню у вас есть? — поинтересовался Гера.

— Есть первое, второе и десерт. Но десерт кончился, — безапелляционно сообщила официантка.

— А первое — это… — попытался натолкнуть Зину на мысль Малахов.

— Первое — суп, — объявила Зина, как прокурор на суде.

— Ладно, тогда давайте второе, — Малахов решил на всякий случай не выяснять, из чего состоит второе, — и…

— Хлеба сколько? — перебила Зина, возмущенная бестолковостью посетителей.

— Ну, по паре кусочков, наверное. — Малахов растерянно посмотрел на товарищей.

— Белого, черного? — Официантка была раздражена до крайности.

— Так! — не выдержала Клава. — Милочка, слушай сюда. Четыре отбивных, и не вздумай пережарить, на гарнир картошка и зеленый горошек, потом салатик из помидоров. Потом так: пива по большому бокалу, пока будешь жарить мясо, ну и бутылочку водочки. И рюмки помой!

Зина, восприняв указания совершенно спокойно, отправилась в глубь кухни. Через пару минут вернулась с пивом в разных бокалах, с графином водки и рюмками, еще влажными после мытья.

Клава удовлетворенно глянула на товарищей, довольная своей скромной победой. Надо сказать, что хоть по штату она была инструктором боевого вождения, психфак и кандидатская по бесконтактному вербальному и невербальному воздействию в военное время иногда давали о себе знать. Водка в графине оказалась не паленая.

Тут Гера заприметил в дальнем углу пыльный раритетный телевизор «Электрон» времен тотального дефицита.

— Эй, шеф, — обратился он к хозяину заведения, который копошился за прилавком, — а телик можно включить, новости, там, или футбол?…

— Да не работает он, — с сожалением протянул бармен.

— Я гляну, может, чего получится? — Гера поднялся из-за стола.

— Да смотри, ради бога, мне-то что.

Тельбиз подошел к запыленному ящику с экраном, пощелкал выключателем и, не добившись ничего, снял заднюю крышку. Поковырявшись в потрохах древнего прибора, Гера поставил крышку назад и вернулся к столу.

— Дохлый совсем, — громко, так чтобы услыхал хозяин,

сказал Тельбиз.

Во время еды говорили о чем угодно, только не о сегодняшних событиях. Годы работы приучили автоматически соблюдать режим секретности. Когда отмороженная Зина принесла мороженое, которое не заказывали, у всех четверых уже был слегка осоловелый вид, как у обычных путешественников или искателей приключений. А другие, видимо, сюда и не забредали.

— У вас свободно? — Бородатый мужичок, который уже несколько минут безнадежно топтался в зале, наконец решился и подошел к столу, где сидела группа. — Не помешаю?

Был мужичок бодр и суетлив. Из-под длинного не по размеру плаща торчали носки давно не чищенных сапог. Он был похож на сельского кладовщика на пенсии. Когда уже никому не нужен, а выпить еще хочется.

— Ну вообще-то нас четверо за четырехместным столом, — ответил Тимур, не глядя на пришельца.

— Да ну что вы, не беспокойтесь! — оживился гость. Он быстренько подтащил стул и втиснулся между Клавой и Тимуром. — В тесноте, да не в обиде! Мы тут народ такой, гостеприимный.

Рымжанов было поднялся, чтобы отсадить мужичка, но Малахов придержал его за руку.

— А вы искать где будете? — Мужичок уже вытащил из бесформенного плаща мятый пластиковый стаканчик и успел плеснуть себе из графина оставшейся водки. — Я ведь не просто так, меня тут каждый знает. Вы мне скажите, куда собрались, я вам сталкера найду. Пару дней — и точно найду. Вы любого спросите про Мыльникова. Я — Мыльников, тут каждый меня знает. Зина, ты меня знаешь? — крикнул он через плечо.

Невнятный возглас из кухни должен был подтвердить, что. знает.

— Вот вы пойдите и спросите у кого хотите, может Гаврила Павлович плохого посоветовать? Так и скажут — не может, — не унимался Мыльников.

— Гаврила Павлович, мы по грибы приехали, — перебил его Малахов. — Вы уж извините. Где тут маслята водятся?

Мужичок оторопел.

— Так грибы из Зоны, они же… — И шутливо погрозил пальцем. — Я понял, вы прикалываетесь, да? А!!! Хитрые! Ну не хотите, не говорите. Но все равно сталкеров я всех знаю. Без меня никуда!

— Как только, так сразу. Спасибо, дорогой. Нам спать пора. — Малахов встал, всем видом показывая, что аудиенция окончена.

— Мужики, а вам, может, свисток нужен? — Мужичок

торопливо вытер бороду от пивной пены и поспешил следом за Вадимом.

— Какой свисток? — не понял Вадим.

— Ну, есть у меня один, вонючий. Беду отводит.

— Это, вероятно, Гаврила Павлович имеет в виду негативный аромагенератор, — тихо произнес Тельбиз. — В описаниях не было общепринятого названия.

— Да его по-всякому зовут. — Мыльников оживился. — Я недорого, за штуку отдам!

— Мужик, мы по грибы! Насобираем — приходи, угостим! — отрезал Малахов, и группа направилась прочь из корчмы.

Мыльников догнал их уже в коридоре и стал что-то нашептывать Клаве. Та громко рассмеялась и отрицательно покачала головой.

— Эх, дамочка, от женского счастья отказываешься! — сокрушенно произнес Гаврила и, потеряв всякую надежду, вернулся в корчму.

— А тебе что он норовил продать? — поинтересовался Тимур.

— Ага, так я тебе и сказала! Чего только на Зоне не найдут… — Клава еле сдерживалась от смеха. Видимо, предложение и вправду было заманчивым.

ГЛАВА 2

2. Прежде, чем войти в лифт после автоматического открывания дверей, убедитесь, что кабина находится перед вами.

3. Войдя в кабину, нажмите кнопку.

Правила пользования пассажирским лифтом с автоматическим приводом дверей.

Всю ночь не переставая шел тяжелый осенний дождь. Сейчас черноту раннего октябрьского утра подчеркивали мокрые желтые листья, налипшие снаружи на окна. Проснулись еще затемно. Без особых разговоров стали готовиться к выходу. Малахов про себя отметил, как тихо щелкнула входная дверь — Клава отправилась к машине. Ей надо было перевести свою технику в боевой режим.

Сам Вадим открыл сумку и достал оттуда черный пластиковый футляр. Несколько отработанных сотнями тренировок движений — и на кровати уже лежали готовые к работе карабин под реактивный боеприпас и автомат ПП-2000. Из того же футляра Малахов извлек два лазера подсветки цели. Один передал Рымжанову, второй положил рядом с оружием на кровать. Потом из сумки на свет появилась разгрузка из нановолокна — широкие наплечники, узкие ремни подвески. В несколько секунд оружие было закреплено так, чтобы его можно было пустить в дело быстро и беспрепятственно. На запястье лег браслет с информационным блоком. Посторонний мог его принять за гламурный палм, но на самом деле прибор скрывал в себе не только мощную систему навигации, но и средства связи, слинкованные с терагерцовым сканером, установленным на «Патриоте», и еще много интересных устройств.

Наладонник Малахов получил от Геры — тот как раз занимался синхронизацией информационных систем для всех членов группы. На тумбочке в ряд лежали оставшиеся три палма. Когда с синхронизацией было покончено, Тельбиз передал товарищам средства аудиовизуальной связи. С виду — темные очки, отливающие зеркальным блеском выпуклые стекла, может,

слегка толстоватые дужки. Гера первым проверил, как работает устройство. Надев очки, он голосовыми командами выяснял их работоспособность. Инфракрасное усиление, проекция на зрачок тактической ситуации, текстовая связь, сонар, отчет о работе приданных средств электронной разведки — все работало прекрасно. Через минуту все, кроме Клавы, получили электронику от Геры и вошли в общую систему обмена данных. Клава подсоединилась со своего терминала в машине.

Пока шла проверка вооружения и связи, Тельбиз, кроме обычной подготовки личного оружия, в очередной раз протестировал навигационную систему, за которую отвечал, и обновил данные по маршруту, пришедшие ночью из Центра. Тимур, врач и эксперт-биохимик, убедившись в полной работоспособности микролаборатории, закрепил ее за спиной. Кроме того, повесил на разгрузку пару боевых ножей, без которых он на операции никогда не ходил.

Убедившись, что группа готова, Малахов коротко скомандовал:

— Пошли.

Хозяйка гостиницы мирно храпела на топчане, который стоял в глубине клетки у стены. Тетка не отреагировала на демонстративное покашливание и пришла в движение только после настойчивого постукивания ключами по арматурине решетки.

Вахтерша пробормотала что-то невнятное, поднялась и, бурча проклятия в адрес ранних посетителей, добралась до стойки. Там она с трудом продрала глаза и увидела вчерашних гостей, все как один одетых в свободные куртки, разрисованные под осеннюю листву. На шеях у них болтались неуместные для глубокой осени солнечные очки. И рюкзачки тоже были какие-то несерьезные. Сразу видно — столичные штучки решили легко взять хабар.

— Мы уходим, вот ключи. — Вадим положил на стойку связку. — Спасибо за гостеприимство.

— Карту хотите? — совершенно безнадежным голосом спросила гостиничная тетка. — Хорошую?

— А чем же она хороша? — поинтересовался Малахов. — На мове?

— Это самого Листореза карта, — убедительно заявила вахтерша. — Там все аномалии отмечены. Пять тысяч гривен. Это только ксерокс.

— Самого Листореза? — повторил вопрос Малахов, водрузив на нос очки. Клава вовремя отреагировала на посыл и немедленно сделала поиск по ключевому слову. Вадим тут же получил полное досье на Листореза. «Листорез. Собака породы

южнорусская овчарка. Ближайший помощник сталкера Птицына. Оба исчезли в районе НИИ Агропром два года назад».

— Конечно, самого! Он как последний раз в Зону шел, так мне и сказал: «Тетя Соня, сохрани это и отдай хорошему человеку».

— Ладно, не надо, уважаемый царь Соломон, мы поехали. — Малахов направился к выходу, не обращая внимания на фырканье тети Сони.

Уже устроившись на переднем сиденье машины, в зеленоватом сумраке приборов кокпита, Вадим тихо произнес:

— Ну что, тронулись.

Машина, словно оснащенная антигравитационным двигателем, без всяких ускорений, толчков или рывков устремилась по шоссе на северо-восток. Клава, не включая фар, доверилась инфракрасному преобразователю. Если бы сейчас в кабине сидел посторонний человек, то скорее всего он бы сильно нервничал. Внедорожник, летящий по ночному шоссе без всякого освещения, был похож на корабль инопланетян.

Дождь остервенело лупил в лобовое окно, «дворники», повизгивая, сбрасывали слои воды со стекла, машина подминала под себя шоссе. Гера тем временем решил проверить системы внедорожника. Поелозив пальцем по сенсорному экрану центрального компьютера, он удовлетворенно хмыкнул. Спрятавшаяся в муляже двигателя турбина работала на минимуме мощности, миниатюрный реактор под днищем был в полном порядке, спутниковая навигация контролировала соответствие маршруту, центральный процессор постоянно передавал в центр оперативные данные. Дисплей, весело мерцавший на торпедо у пассажирского места, показывал дорогу. Изображение было синтезированным по данным трех спектральных диапазонов, два из которых были недоступны человеческому глазу. В который раз группа шла на задание.

Когда на мониторе вырисовалось еще не заметное в темноте здание заброшенного склада горюче-смазочных материалов, справа на обочине проявилась из ниоткуда странная фигура, похожая на тощего караульного в длинном дождевике с капюшоном и винтовкой за спиной. Человек поднял руку, прося остановиться. Или, может, приказывая?

— Тормозни, Клава. Что за почтальон Печкин? — вполголоса произнес Малахов, словно боялся спугнуть фигуру. — Не рядом с ним. Тимур, Гера — проверьте, чего он хочет.

Машина мягко остановилась посреди шоссе, не сворачивая на обочину. Клава включила верхний инфракрасный прожектор, освещая человека невидимым для него лучом. Тимур вышел из

машины первым, за ним Тельбиз с автоматом наизготовку.

— Привет, что случилось? — дружелюбно спросил Рымжанов, остановившись метрах в трех от незнакомца.

— До знака подбросите? — глухо спросил человек.

— До какого знака? — не понял Тимур.

— Ясно, — без эмоций проронил человек в дождевике. — По этой дороге если ехать, то будет знак «Припять». Надпись из громадных бетонных букв. Там я и сойду. Вы с кем едете?

— Да сами с собой, а что?

— Ясно. Подбросите — я заплачу… — Человек опустил руку в карман плаща, словно показывая, что он сейчас оттуда достанет плату. — Да и вам до знака легче доехать будет.

— Конечно, подбросим, только вот винтарь твой… — Тимур получил добро от Малахова по коммуникатору. — Пока в машине — отдашь? Сам понимаешь, места такие.

Сканирование показало, что у субъекта никакого серьезного оружия, кроме карабина на плече, с собой не было, так что опасности он особой не представлял.

— Я Сухой. — Человек в плаще протянул Тимуру руку. — Меня тут все знают. Хотя вы же сами по себе…

— Пусть садится, — передал через коммуникатор Малахов.

— Давай грузись. И денег твоих не надо, мы же не бомбилы какие-то. — Тимур пропустил Сухого впереди себя. Так, невзначай, но вроде взяв попутчика под конвой. Пока они дошли до машины, Малахов успел изучить полученное досье. Сталкер, неагрессивен. Специализируется в основном на поиске «стальки». В общем-то обычный человек Зоны. Перед тем как пустить попутчика в кабину, Клава отключила все нестандартные приборы. Теперь внутри машина казалась простым внедорожником.

— В Зоне денег не предлагают, — произнес Сухой, устроившись на боковом сиденье в багажном отсеке. Винтовку он без всяких слов отдал Тимуру. Тот положил ее на пол под ноги. — Я обычно «сталькой» плачу.

— Сказали же тебе — не надо платы. — Рымжанов обернулся назад и улыбнулся. — Далеко путь держишь?

— До знака.

— А потом? — не отставал Тимур.

Сталкер промолчал, словно не услышал вопроса. Он некоторое время отрешенно смотрел через стекло на обочину дороги, потом словно вспомнил что-то и повернулся к Вадиму.

— Машина у вас хорошая, жалко ее, — произнес он, проведя пальцами по стеклу рядом с собой.

— Конечно, хорошая, последняя разработка УАЗа. Теперь ни

у кого язык не повернется его «козлом» называть, — ответила Клава.

— А чего жалко? — включился в разговор Гера. — Клава хорошо водит, в кювет не улетим.

— Вы одни пошли. Это неправильно, — угрюмо продолжил попутчик. — Зона не любит чужаков. Нельзя так.

— Да нам ничего и не надо. — Малахов, не оборачиваясь, включился в разговор. — Мы просто приехали посмотреть. Мы официальная комиссия, должны отчет об общей обстановке в Зоне написать.

— Ну-ну, — скептически протянул сталкер. — Пишите. Все пишут. Так скоро про Зону и книжки начнут писать.

— Угу, — улыбнулся Герман. — Игрушку сделают. Кубики — сложи Зону.

В какое-то мгновение показалось, что машина попала в плотный туман, взявшийся невесть откуда. Но полоса тумана оказалась очень узкой. И уже через несколько секунд внедорожник катил по шоссе, освещенном восходящим солнцем. Вокруг зеленел весенний лес, и небо очистилось от тяжелых туч до пронзительной синевы. От леса ощутимо пахло цветущей липой.

— Добро пожаловать в Зону, — произнес Сухой, увидев удивление на лицах его попутчиков. — Зона встречает каждого по-своему. Вам повезло, она вас приняла. Пока. Считайте, это аванс.

— А что, могла и прихлопнуть? — поинтересовался Тельбиз. — Ляп ладошкой по крыше, и все? Кишочки по асфальтику?

— Я с вами ехал, значит, не могла прихлопнуть, — отрезал сталкер.

— А ты можешь Зоной управлять? — удивился Малахов.

— Зоной управлять нельзя, ее чувствовать надо. — В голосе Сухого не было никакой патетики.

Дорога поворачивала направо, оставляя чуть в стороне железнодорожную колею.

— Вон, слева, — продолжил сталкер, — уже и не скажешь, что это было Рыжим лесом, вон как заросло. Прям хоть на прогулку иди. Только войти туда просто, а вот выйти… Тут пикники лучше на обочинах разбивать. А еще лучше не заходить дальше осевой.

— Фон большой? — спросил Гера и сразу же продолжил: — Не так страшен фон, как его боятся.

— Фон — игрушки, — согласился Сухой. — Только под тем фоном такие зверушки бегают…

— А наружу выходят? — Тимур очень заинтересовался. —

Увидеть можно?

— Кто их видел, уже ничего не расскажет, — мрачно сообщил сталкер. — А вот уже и знак виднеется. Тормозните, да?

Машина как раз подъезжала к перекрестку, растянутому на манер Андреевского креста. Уходящая налево дорога опять шла параллельно рельсам, пересекающим полусгнивший трубопровод, а на развилке, у самого перекрестка, возвышался величественный бетонный знак города. Конструкция была похожа на вытянутую наковальню, на которую взгромоздились облезлые бетонные буквы, складывающиеся в слово «ПРИПЯТЬ». Возле этого сооружения и остановился «Патриот».

— Так не приехали еще, — удивился Гера. — Чего выскакивать?

— Да, мы же дальше едем, может, до места довезем? — согласился с Герой Малахов.

— Дальше мне на машине нельзя, — отрезал сталкер.

— А нам можно? — удивился Малахов.

Сухой не ответил, распахнул заднюю дверь, соскочил на асфальт и, обойдя машину, постучал в окно, за которым сидел Тимур. Тот открыл дверь. Сталкер молча взял свой карабин и, помедлив, сказал:

— Вы свой выбор сделали, вам и решать. Все, что я могу посоветовать, — возвращайтесь, если получится. А не хотите, так я все равно не смогу объяснить, что и как. Прощайте, спасибо, что подбросили.

Он опустил руку в карман своего необъятного дождевика и протянул сжатую ладонь Тимуру. На колени упал кругляшок «стальки».

— Да брось ты! Не дури! — Тимур попытался вернуть «стальку», но Сухой по-детски убрал руки за спину.

— Нельзя не платить за помощь. — Сталкер повернулся и медленно зашагал в сторону знака.

— Черт-те что. — Малахову очень не понравились слова Сухого. — Интересно, он в проводники так набивался или?… — Клава — активируй локаторы.

Клава, сохранявшая всю дорогу молчание, набрала комбинацию на пульте, расположенном на подлокотнике слева, и вернула кокпиту машины предыдущий вид. На экране локатора была спокойная картинка. Метка сталкера двигалась к гигантскому указателю «ПРИПЯТЬ», лес за железнодорожным полотном на экране локатора выглядел темной однородной массой без каких-либо отклонений.

— Ну что, дальше по плану? — Клава повернулась к Малахову, готовая пустить машину в путь.

Тихо, но настойчиво пискнул зуммер тревоги — с севера, примерно оттуда, где должна была находиться библиотека, курсом прямо на внедорожник неспешно летели два боевых вертолета. Малахов не успел сказать ни слова, как Гера скупо сообщил:

— Мы попали в захват системы «воздух-земля», время до поражения тридцать секунд.

— Защиту в актив, — кратко скомандовал Вадим. — И не будем в дальнейшем про планы…

Но Клавдия уже включила все, что было предусмотрено протоколом. Мирный, обтекаемый багажник на крыше ожил. Крышка отъехала назад, обнажая стройный ряд реактивных снарядов. Казалось, система защиты действовала автономно. Словно стая бойцовых собак, фыркая от нетерпения, ракеты ринулись в небо. Несколько мгновений — и красные отметки на мониторе погасли. Только через лобовое стекло было видно, как за лесом на севере вспухают черные столбы дыма.

— Что это было? Местные решили с нами разобраться? — спросил Гера, пытаясь выяснить у навигационной системы хоть какие-то данные об уничтоженных вертолетах. — Это все? Или нас еще что-то ждет?

— Хрена, — прорычал Герман, — шестнадцать объектов, люди, пешие. Вооружение — легкое стрелковое, скорее всего «калаши», два гранатомета. Подходят из-за железки. Я бы на их месте засел в развалинах одноэтажного дома. О! Так и есть…

— Гера, кто это?

— Ничего хорошего от них ждать не стоит, они вели плотный радиообмен с теми «вертушками». Одна шайка-лейка.

— Уходим? — Тимур не сомневался, что ответ будет отрицательный.

— Так, Клава, Герман, откатите направо, к Саркофагу. Два километра, там выходите на связь. Мы с Тимуром прикроем отход и постараемся разобраться, чего им от нас надо, если получится. Вот, держи.

Малахов протянул девушке «зеленую сопилку».

— Вторая останется у нас. И следите, чтобы данные по этой пехоте нам на коммуникаторы передавались постоянно.

— Вадим, давай уйдем вместе, не рискуй, — попробовала Клава остановить начальника. — Наплюй на них. Они не успеют.

— Побежим сейчас — все время будем бегать, надо понять ситуацию. На фига тогда в разведку пошли? Откуда тут такие толпы народу? Уж если решили разведку делать, но надо ее делать, а не уклоняться. Пошли, Тимур.

Приказы не обсуждаются. Рымжанов, подхватив сумку с

боезапасом, выскочил вслед за Малаховым.

— Туда, к знаку, — скомандовал Вадим.

В два счета перебежав шоссе и мягкую землю обочины, они пробрались к бетонному монстру. Конструкция из циклопических железобетонных букв была хорошей защитой и позволяла расположиться на двух уровнях. Уже возле знака Малахов подсознательно отметил, что Сухого не видно. А ведь он вышел буквально минуту назад. Спрятался, что ли?

— Кстати, где этот хренов сталкер, Сухой?

— Нет его, — передал Гера, всматриваясь в главный монитор. — Растворился.

— Дыхание у наступающих сбилось, скорее устали, чем волнуются, — доложил Тимур данные с монитора. Он уже устроился под мягким знаком слова «Припять» и выбирал наиболее выгодное положение для обзора. — Значит, бандиты. Нет специальной подготовки.

— Не факт. Сейчас у них такой спецназ, что и в бандиты не возьмут. Но главное, что это люди… Готов? — почти беззвучно, так, что сигнал был воспринят только через коммуникатор, спросил Малахов. — Готовь захват целей.

— Если они так и будут кучей переть — смогу захватить всех. — В голосе Тимура чувствовалось некоторое злорадство.

Он извлек из заплечника небольшую прямоугольную коробочку и пристроил ее так, чтобы ничто не закрывало обзор между ней и вероятным местом выхода противника. Через секунду на мониторе появилась отметка — локатор и система подсветки цели синхронизированы. Внутри невзрачной коробочки активировался мощный неодимовый лазер. Система развертки устремила его тонкий, незаметный для человека инфракрасный луч на затаившихся врагов. Развертка работала так, что на противнике появились отметки, которые сразу же захватила система управления огня на оружии Тимура и Малахова. Реактивные пули с самонаведением в толстых, непривычных на вид магазинах активировались. Бандиты были уверены, что находятся в полной безопасности, укрывшись кто за деревьями, кто в развалинах дома. Но система лазерного наведения, постоянно сканируя пространство, смогла найти незащищенное место у каждого из наступавших.

— Секунду, не спеши, вдруг это просто грибники какие-то, — предупредил Малахов. Хотя представить себе грибников с «калашами» он не смог.

— Анализ выдоха — адреналин повышен, психическое состояние — агрессия и страх. — Впрочем, Тимуру говорить и не надо было — Малахов тоже получал данные анализа.

— Гера — можешь меня вывести на ту частоту, на которой они вели радиообмен?

— Соединяю, — кратко ответил Тельбиз. В коммуникаторе Малахова послышалось сопение и тихая ругань.

— Это кто там крадется, чего надо?

После небольшой паузы в ответ послышалось:

— Хитер, сука! Ты чего сюда приперся? Тут чужим нет места! — Голос был хриплым, слова вылетали как собачий лай — резко и нервно.

— Ты бы представился, прежде чем рычать, — спокойно ответил Малахов.

— Кишки тебе выпущу сейчас — ты у меня быстро представишься. — Шутка понравилась говорившему, и он заржал, довольный своим остроумием. — Ты про Бузу слыхал? Так вот на его территорию заходить нельзя. Никогда и никому!

Гера сразу же послал запрос на этого самого Бузу. Через несколько секунд Малахов уже знал, что Буза — мелкий бандит из Зоны, его отряд насчитывает около двадцати человек. Так как у бандита не было собственных вертолетов, то, скорее всего, он нанял их на стороне. Вот только почему такой интерес у бандитов вызвала группа Малахова, было непонятно.

— Слышь, может, поговорим нормально? — Вадим до последнего надеялся на мирное разрешение ситуации. — Мы же все разумные люди. Ты видел, что с вашими «вертушками» случилось. Зачем зря кровь проливать?

— На понт берешь? — продемонстрировал знание фени бандит. — У меня приказ, так что никаких разговоров.

— А может, к Бузе пойдем? Обсудим…

Малахов не договорил. Из-за развалин одноэтажки раздался громкий хлопок. Снаряд от гранатомета пролетел над рельсами и ударил в торец буквы «П», рассыпав бетонное крошево.

— Огонь, — кратко скомандовал Вадим.

Тихонько, словно лопались старые надувные шарики, фыркнуло оружие. Отметки о целях на сканере замерли, система сообщила о поражении основных жизненных функций. Наверное, нападающие даже не смогли понять, откуда на них налетела стая стальных жал. Несколько секунд — и на месте боевой группы остались только растерзанные тела. Опушка леса наполнилась запахом крови и фекалий.

— Так, с этими ясно. Клава, ты там как? — Малахов говорил скупо, рублеными фразами. Но на вопрос не последовало никакого ответа. — Тимур, что у них?

— Связь в порядке, системы действуют, мониторинг с главного компьютера идет. Но голосовой связи нет. Да и

текстовой тоже.

— Блин, да что… — Малахов не успел договорить, как резкий звук взрыва прямо над головой оглушил и его, и Тимура. Россыпь сигнальных ракет расцвела в небе. Системы контроля словно взбесились. Примерно полсотни красных точек высветилось на мониторах. Теперь другая группа двигалась широким полукольцом — от хранилища отходов и от Саркофага. Перемещались быстро и слаженно, сжимая клещи в том месте, где находились Тимур с Малаховым.

— Система не справится, придется самим, — без тени пессимизма сообщил Рымжанов.

— Отходим. — Малахов принял решение. — Что-то тут многолюдно. Ярмарка перед днем конституции…

— Куда?

— Уходим в Рыжий лес. Иначе может плохо кончиться. Ты уверен, что машина не захвачена?

— Так там же мутанты… — попытался возразить Тимур.

— Лишь бы не люди, — проворчал Малахов. — Ставь завесу.

Веером, словно зерна в пашню, Рымжанов выбросил пригоршню микроскопических дымогенераторов. За несколько секунд воздух наполнился белым маревом. Быстро, почти бегом Вадим с Тимуром ринулись назад, где тупым треугольником в перекресток упирался Рыжий лес. За первыми же соснами залегли, приготовившись к обороне. В окрестностях знака еще висело марево завесы, и прямого визуального контакта с нападающими не было. Мониторы показывали, как враги неотступно приближаются, захватывая дорожный знак в смертельные клещи.

— У нас есть пять минут, пока дым держится. — Тимур готовился к бою основательно. Установил на сошки свой тяжелый автомат, положил рядом несколько рожков. — Пока они поймут, что…

Договорить ему не довелось. Стало ясно, что там, возле знака, происходит что-то странное. Сначала белая пелена дымзавесы покрылась рябью, словно море под утренним бризом. Потом пространство вокруг начало пульсировать, искажая воздух, как в мираже… Бешеный вихрь сжал туман, и бетонные буквы, которые в нем скрывались, завертелись, хлопая, как крылья раненой птицы. Мгновение — и в звеняще чистом воздухе осталась только куча строительного мусора. А чуть дальше — открытый строй нападающих. Люди в незнакомой униформе. Казалось, «воронка» совершенно не задела их, а появилась только для того, чтобы показать им как на ладони Малахова и Тимура.

Свинцовым градом ударили автоматные очереди по деревьям,

сшибая на голову кору и хвою. Вадим по-звериному помотал головой, стряхивая сор, и открыл огонь одиночными. Как когда-то в юности, он ощущал только две точки в пространстве — ствол и цель. Не целясь, не задерживая дыхание перед выстрелом. Просто отправляя смерть из-за ствола сосны туда — за сотню метров от опушки Рыжего леса. Тимур хоть и отличный стрелок, но отстреливался не так экономно. Короткими очередями он прижимал к земле врагов, не давая им приблизиться. В пылу боя Малахов только успевал отмечать, как гасли одна за другой на мониторе отметки врагов. Как сначала замедлилось, а потом стало кривиться полукольцо оцепления. Еще через несколько мгновений атакующие совсем остановились, потом развернулись и отступили.

Тихо звякнула последняя гильза и упала в прошлогоднюю хвою. Вадим только сейчас понял, что он дышит тяжело, как после долгого бега. Чуть дрожал воздух над раскаленным стволом автомата, устраивая микроскопический мираж. Деловито зажужжала муха, до сих пор прятавшаяся от шума среди веток ближайшей ели. Пожужжала и села прямо на мушку еще горячего оружия. И стала чистить крылья. Что-то странное было в этой черно-радужной мухе. Малахов, тренированный на распознавание необычного, быстро сообразил. У нее было девять лап. И вместо привычного хоботка — короткие жвалы. Муха словно почувствовала, что на нее смотрят, и, прекратив умываться, вцепилась жвалами в легированную сталь мушки. Оторвав кусочек, рванулась прочь. «Ишь ты, какая цеце», — подумал Малахов.

И тут истошный, даже не звериный, а какой-то адский вопль пронесся по лесу. Вадим резко развернулся навстречу страшному звуку. Тимур уже был рядом и настороженно всматривался в тенистый сосновник. Вой прекратился, лес замер и стал похож на декорацию театральной сцены. Застыл и как будто открыл кровавое чрево. Черный ком, в котором угадывалось сплетение ужасных тел, вылетел из тени. Огонь, который открыли Тимур и Вадим, казалось, только раззадорил мерзкое образование. Мгновение — когтистая лапа смела с лица Малахова коммуникатор, разнесла вдребезги анализатор на запястье, разорвала разгрузку. Еще мгновение, и Вадим остался один на опушке леса. Он даже не смог определить тот миг, когда злобное исчадие скрылось, увлекая за собой Тимура. Вадим стоял один, сжимая в руке автомат. Без связи, без команды, без надежды на чью-то помощь.

Из архивов особого отдела при правительстве России.

Личное дело номер 014.
Хранить вечно.
Количество экземпляров — один.
Заполнять ТОЛЬКО от руки.
Уровень допуска — ноль.
Имя: Вадим Иванович Малахов.
Дата рождения: 17.05.1975.
Социальное происхождении.- служащий.
Позывной: Тираторе.
Специальность: стрелок-радист.
Звание: открытое — капитан, пенсионное — генерал-лейтенант.
Образование — высшее, кандидат психологических наук, специальность: «военная психология», тема диссертационной работы «Психология ближнего боя с применением классифицированных стрелковых средств». Защищена на сессии закрытого ученого совета Института военной психологии 19 апреля 2000 г. Результаты голосования — негативные. Звание присвоено решением Председателя ВАК. Время привлечения в группу «Табигон» — 12 апреля 1995.
Участие в операциях группы «Табигон»:
1997 — «Непрерывные молнии»
1999 — «Свердловск. НЛО».
1999 — «Оптовый рынок».
2001 — операция «09.11».
2004 — «Минский НЛО»
2005 — операция «Чат»
2006 — «Олгой-хорхой»
2010 — «Пьющий из ступы»
2011 — «Мимикрия»
После операции 2001 года подал заявление о выходе из группы. Переведен в неактивный состав. Восстановлен в активном составе в 2002 году.

Награды и звания:
1995 — Отличник Российской армии.
1996 — медаль «За отвагу».
1997- «Герой Российской Федерации» с вручением медали «Золотая Звезда»
1998 — Орден Андрея Первозванного.
1999 — Дважды Герой России.
2001 — Почетная грамота президента России.

2001 — Орден Пурпурного сердца (США), орден Почетного Легиона (Франция), «За заслуги перед отечеством» первой степени.

ГЛАВА 3

Хера ты вылупился?До хера знаешь?

«Командные слова». Приложение к Общевойсковому Уставу, стр. 270, раздел «Для заметок». Ордена Трудового Красного Знамени военное издательство Министерства обороны. Москва, 2011

Двадцать лет назад.

В армии Вадиму было тоскливо с первых дней. Но угнетали его не «тяготы и невзгоды армейской службы», а давила убогость бытия. Все, чему учили в учебке, было примитивно до раздражения. Казалось, что из интересной и динамичной жизни он попал в кисель. Вроде того, что давали на обед и называли, наверное, за вкус, напалмом. Впрочем, Малахов, человек по природе мягкий, скорее всего перенес бы всю это службу спокойно и без конфликтов. Несмотря на то, что сержант его взвода был последней сволочью и постоянно издевался над солдатами. Но у кого могут быть другие воспоминания о первых месяцах службы?

Спустя три недели после призыва случилось приятное событие — учебные стрельбы. Для Вадима это был маленький праздник. Он любил стрелять. Когда-то давным-давно, сейчас казалось — в другой жизни, правдами и неправдами уговорив тренера, он стал заниматься в школьном тире. Попадать в десятку удавалось не очень часто, но не это было главное. Запах пороха, потертое дерево прикладов школьных ТОЗов, атмосфера тира — это кружило голову. И сейчас, среди бездарного убийства времени и сил, Вадим мечтал выйти на огневой рубеж и показать

всем — он стреляет классно! Ему казалось, что потом станет намного легче.

Но жизнь распорядилась иначе. За сутки до стрельб выпала ему тяжкая доля — наряд по кухне. Суточное мытье кружек закончилось безумной усталостью, дрожью в стертых до крови руках и сонным маревом в голове. Да тут еще какая-то гадость укусила за ногу, комар, наверное, и нога раздулась так, что невозможно было натянуть сапог. Уже на позиции — на помосте, откуда надо было стрелять, — Малахов понял: он ничего, кроме слепящего глаза солнца и желания заснуть прямо здесь и стоя, не ощущает. Ткнула в ладонь, выставленную по уставу за спиной, рука сержанта, раздающего патроны, раздалась команда лечь для стрельбы.

Попытка прицелиться была совершенно бесплодна. Мушка прыгала как сумасшедшая. А потом все исчезло. Остались только мишень и ощущение, что пуля полетит куда надо. В этом странном состоянии Малахов и выпустил все три пули в корову — так называли в шутку погрудную мишень. Вадим сразу понял, что все хорошо. И гильзы стреляные в улавливателе остались — не придется потом искать их в грязи под злобные окрики сержанта. Но когда стали объявлять результаты, Малахов скис. Результат — десятка. Но одна. Две пули — в молоко. Да такое, что даже вообще в мишень не попали.

Сержант назвал Малахова уродом и пообещал ему, что он на кухне до малого дембеля будет учиться попадать в нужное место. Потом командир приказал заменить мишени. Вадим, подойдя к своей, действительно увидел только одну одинокую дырочку. Точно в центре. Точно в цифре «10». Из этой дырочки торчала пуля. Еще горячая… Повоевав с ней немного, Малахов извлек ее из дощатого щита, на который прикалывались кнопками бумажные мишени. Пуля была не простая. Это было целых три расплющенных пули. Одна сидела в другой.

— Товарищ сержант! — Вадим подбежал к своему командиру, улыбаясь, протянул ему свою находку. И свою реабилитацию.

Сержант был не дурак и хотел, чтобы начальство его похвалило за отличную подготовку подчиненных. С не меньшим энтузиазмом, чем у Малахова, он ринулся к командиру части, наблюдавшему за стрельбами вместе с какой-то шишкой из Москвы. Сначала сержант попросил у товарища генерала обратиться к товарищу подполковнику. А потом вручил мишень и объяснил, что рядовой Малахов выбил тридцать из тридцати, а никак не десять. Подполковник поздравил сержанта с успехами в боевой и политической подготовке. На этом вроде все и закончилось. Но назавтра, на утреннем разводе, Вадиму

приказали выйти из строя и выразили благодарность. И обязали явиться в штаб сразу после развода.

В штабе учебки Вадима ждал незнакомый капитан с погонами синего цвета. Без особых церемоний он заявил, что Малахову предписывается прибыть к руководству в Москву. И добавил, что повезут его на машине. Машина на самом деле оказалась обычным «уазиком». Вадим устроился на лавке за креслом водителя. И, как настоящий солдат, сразу же заснул. Проснулся он от тишины.

— Ну что, воин, отоспался? — Водитель, в форме прапорщика смотрел на Вадима в зеркало заднего обзора и улыбался.

— Я не спал! — вскочил Малахов. — Я отдыхал лежа и смотрел…

— Ну конечно, особенно последний час, пока мы тут стоим. — Прапор еще шире улыбнулся. — Не парься, парень, я что, сам не был салабоном? Давай протри глаза, да пошли.

— Куда?

— Куда, куда… Куда надо.

Военный «уазик» стоял во дворе гигантского, очень официального здания. Вадим вывалился из машины на пыльный асфальт. Оказалось, от спанья на жесткой лавке все тело застыло и плохо слушалось.

— Ну и видос, — заключил прапорщик, — ты хоть морду руками потри, а то как…

— Я, товарищ прапорщик… — попытался оправдаться Малахов.

— Это ты у себя в учебке козыряй и товарищами называй. Меня Витя зовут. — Прапорщик протянул руку. — У нас не принято званиями тыкать. Или выкать. Пойди пойми, какое оно на самом деле.

Вадим спорить не стал. И начал сердито тереть щеки ладонями. Видимо, это помогло приобрести бодрый вид. Удовлетворенный водитель кивнул, показывая, куда надо идти.

Они прошли мимо строгого рядового с синими погонами. Вадим удивился, что солдату на вахте было не меньше сорока лет. Пропетляв по этажам, коридорам с ковровыми дорожками, мимо обитых опухшим дерматином дверей, мимо еще нескольких вахтовых, добрались к цели похода. Обычная для этих мест стеганая дверь. Никаких табличек, которые в изобилии попадались по пути.

— Давай заходи, — подтолкнул Вадима его сопровождающий.

— А вы? — смутился Малахов.

— Мне там дела нет. И допуска, — отрезал Виктор. Вадим глубоко вдохнул и распахнул дверь. Сразу за ней оказалась еще

одна. Эта неожиданность сбила боевой дух. Вторую дверь Малахов открывал уже осторожно.

— Да что вы там скребетесь, молодой человек, заходите.

Вадим вошел в кабинет, вернее, в большую комнату, обставленную удобной, не казенной мебелью. Не было традиционного стола начальника с пристроенным перпендикулярно столом попроще. Стол был круглый и располагался посреди комнаты. И еще журнальный, у окна, возле кресел. Рядом с ним заслоняли окно два темных силуэта, два человека в форме. Оба они были подтянутыми и выглядели, не в пример начальству в учебке, спортивными и ухоженными.

— Товарищ… — замялся Малахов, пытаясь выяснить звание старшего, чтобы доложиться по уставу.

— Не шуми. — Тот, который стоял лицом к двери, сделал шаг навстречу и протянул руку. — Валерий Андреевич.

— Вадик, — как-то совсем не по-военному произнес Малахов. Он совсем потерял кураж.

— Да знаю, знаю, проходи! Есть хочешь?

— Никак нет! — поспешил отказаться Вадим.

— Конечно-конечно, — согласился Валерий Андреевич. — Садись, чаю выпей для приличия. А то вон — кожа да кости. Как тебя только в армию взяли. Не человек, а гусь недокормленный! Тебя Гусем не дразнили случайно?

— Нет, — растерянно произнес Вадим.

— Ну, значит, сына твоего так будут дразнить. — Валерий Андреевич улыбнулся и слегка подтолкнул Малахова к столику.

Только сейчас Вадим рассмотрел, что на столе постелена небольшая скатерка, а на ней — тарелка с бутербродами и стакан чая в подстаканнике. Бутерброды были с ветчиной и икрой. Черной. Малахов поколебался лишь мгновение, понял, как он изнурен овощным рагу и гороховой кашей с вареным салом, и, сдерживая себя изо всех сил, съел все бутерброды и выпил чай. Хозяева этой странной комнаты в это время деликатно отошли к дальнему окну и тихо говорили о чем-то.

— Спасибо! — Вадим, убедился что съел все, встал из-за стола и вытянулся почти по стойке «смирно».

— Ты еще скажи — разрешите идти, — хохотнул второй, который не представился. Он был в погонах полковника. Валерий Андреевич — на звездочку младше. Это Вадим рассмотрел только сейчас. До этого мешали бутерброды.

— Да я… — начал он.

— Ладно, успокойся. — Полковник не дал Вадиму развить мысль. Которой, впрочем, и не было. — Садись, поговорим.

Вадиму предложили устроиться в одном из трех необъятных

кожаных кресел старой работы.

— Ты где такому научился? — Валерий Андреевич достал из кармана те самые три пули и кинул на маленький столик, который разделял кресла. — Мы проверили, ты стрельбой серьезно не занимался.

— В школе в тире.

— Школьный тир не может подготовить снайпера высшей квалификации, — перебил его полковник. — Тем более такого, который из раздолбанного СКС одну в одну лепит.

— Я, товарищ полковник…

— Да не оправдывайся. Пойдем, покажем тебе кое-что.

За шторой в дальнем конце комнаты оказалась дверь. А за дверью тир. Такой Вадим видел только в кино про шпионов. Длинная галерея, мишени на тросиках, зрительные трубы. Разделенные щитами места для стрельбы. На расстоянии не менее пятидесяти метров виднелись черные кружки уже установленных мишеней.

— На, попробуй. — Подполковник держал в руках странное оружие. Вроде бы автомат, но очень короткий, с необычным диоптрическим прицелом.

— А как из него? — растерялся Вадим. Он не хотел ударить в грязь лицом. Ведь он такого чудного устройства никогда не видел.

— А просто, — успокоил старший чин. — Дави на спусковой крючок, и все.

— А целиться тут как?

— Считай — головоломка. Пробуй.

Автомат удобно лег в руку. Он оказался на удивление легким, и даже отсутствие приклада не мешало. Странное дело. Не было никакого волнения. Вадим словно включился в веселую детскую игру. Когда с палкой в руках кричишь: «Кых-кых, падай — ты убит!» Просто навскидку он спустил курок. Без отдачи, резким хлопком отозвалось оружие. Вадим понял — по крайней мере в мишень попал. Он опять и опять спускал курок, до тех пор, пока спусковой крючок не застыл намертво в нажатом положении. Видимо, так оружие отзывалось на пустой магазин. Малахов вышел из состояния эйфории.

— Ну ты и расшумелся! Нравится? — Валерий Андреевич вытащил из рук Вадима автомат.

— Попал?

— Ну, давай мы тебе на этот раз не скажем.

— Почему? — Вадиму было непонятно, зачем проверять, как он стреляет, и не говорить результат.

— Пойдем побеседуем. Они вернулись в кабинет.

— Мы предлагаем тебе перейти на службу к нам, — начал без всяких экивоков полковник.

— В КГБ?

— Не совсем. Но не это важно.

— А что я должен делать? — В душе у Вадима была буря. Во-первых — возможность избавиться от бездарной солдатской службы, во-вторых, видимо, попасть на спецслужбу. Но с другой стороны… Страшно.

— Ну, так сразу и делать, — фыркнул Валерий Андреевич. — Тебе еще учиться и учиться. А потом тебе объяснят, что делать.

Несмотря на то, что Вадима забрали в армию со второго курса университета, слово «учиться» последнее время у него ассоциировалось только с учебкой и дурковатым сержантом. Видимо, эти мысли хорошо прочитались на лице.

— Твоя учеба будет несколько отличаться от того, что было в учебке, — успокоил полковник. — Ты, конечно, будешь учиться стрелять, но и еще многому другому. По окончании тебя посвятят в твою будущую работу, и твое дело — принимать предложение или нет. Работа не связана ни с военным делом, ни с разведкой. Очень близка к тому, чему ты учился в университете.

— А что же я скажу дома?

— Не самая большая проблема — тебе еще почти два года в армии служить. Будешь письма писать, как и писал. Но с отпуском не получится.

— Мне надо подумать. — Вадим уже не сомневался, но что-то ему подсказывало, что надо сделать солидный вид.

— Ну конечно-конечно! Думай! — Валерий Андреевич сделал короткую паузу и продолжил: — Уже подумал?

— Так точно!

— Ну и молодец. Надеюсь, в твоей части не осталось особо дорогих личных вещей?

— Шинель?

— Тебе здесь новую дадут. Джинсовую. — Полковник встал, показывая, что разговор окончен. — Меня зовут Николай Петрович Лазненко.

Похоже, знать, как его зовут, было дозволено не всем.

— Учеба будет длиться около года. На это время ты будешь общаться только с инструкторами и преподавателями. Жить будешь на базе. Увидимся через год. — Полковник словно произносил строгую инструкцию.

— Хорошо, — кивнул Малахов. — Валерий Андреевич, а я как отстрелялся?

— Отлично отстрелялся!

— А сколько выбил?

— Какая разница, в самом деле? Там и патроны были холостые. А стрелял — хорошо! Кстати, ты чего хромаешь? Портянки мотать не научили?

— Укусило что-то. Раздуло вот, — совсем не по-армейски пожаловался Вадим.

— По прибытии в учебный центр — немедленно в санчасть, — строго сказал Валерий Андреевич.

Следующий раз с Лазненко Вадим действительно встретился только через год. Весь год прошел как сплошная тренировка. Занятия по психологии, космологии, теория стрелкового дела, тактика боя, боевые искусства, религия, оккультизм. И каждый день спортивные тренировки. Но не безумные армейские кроссы, ничего, кроме потери здоровья, не приносящие, а методичные, грамотные тренировки. Учеба, тренировки, учеба и ни слова о том, ради чего все это. А однажды в комнату Вадиму постучали, и вошел Лазненко. Он прервал начавшего докладывать Малахова — мол, успокойся. Полковник расспросил курсанта о жизни, об учебе, нравится ли и как вообще настроение. А потом предложил прогуляться.

— Вадим, скажи мне, что ты думаешь о летающих тарелках? — после непродолжительного молчания спросил Лазненко.

— Ну… — протянул Малахов, от неожиданности не зная, что сказать. — Я очень в школе интересовался. А потом… Ну, когда читаешь книжки и статьи об этом, практически веришь. А когда по телевизору выступают всякие эксперты и контактеры, так…

— Веришь или не веришь? — перебил его полковник.

— Пока не потрогаю руками — не поверю. Правда, это уже будет не вера, а знание.

— Хорошо, а вот про полтергейст тоже слышал? — продолжил Лазненко.

— Сказки.

— А если потрогаешь — поверишь? — усмехнулся Николай Петрович.

— Ну, полтергейст скорее сам потрогает.

— Логично… Короче, мы рассчитываем, что в ближайшее время ты присоединишься к работе особой группы. Эта группа как раз занимается выяснением того, что есть выдумка, а что есть правда. И не газеты читать, а именно придется попытаться потрогать.

— Я должен дать ответ?

— Не обязательно, ты же уже согласился год назад. Ответ дадим мы, после того как увидим твою работу. А пока — продолжай учебу.

ГЛАВА 4

Что сделал я?

Библия, неопубликованное каноническое издание с учетом первых четырех поправок.

2 дня назад. Октябрь 2012 года.

На проходной Малахова ждал вызов к Лазненко. Вадим уже привык, что такие вызовы почти всегда связаны с новым заданием. Поэтому сейчас он, не задерживаясь, отправился на четвертый этаж, в кабинет генерала.

— А, заходи давай. — Лазненко стоял в приемной и листал пачку бумаг. Валя, секретарша, из-за стола улыбкой приветствовала Вадима.

Малахов вошел в кабинет, за двадцать лет службы ставший для него родным. Удобно устроился в глубоком кожаном кресле. Это кресло все, даже Лазненко, называли креслом Малахова. Все знали, что занимать его может только он.

— Как дела Вадим, как Ольга? — Генерал вошел в кабинет, тщательно закрыл двойную дверь. — Да сиди ты, сиди.

— Ну вы же знаете и так, — смутился Малахов.

— Знаю и с удовлетворением слежу за развитием событий. Ты извини, что я так. Хотя понимаю, как тебе не просто. — Лазненко произнес эту фразу со скорбным выражением лица.

— Мне не тяжело. Мне наконец легко, — ответил Вадим и увидел, что в глазах начальника прыгают чертики. — Вот только за Гусенком скучаю. Я ведь так мало с ним раньше виделся. Работа, работа…

— А что, Ольга не позволяет с сыном видеться? — Тут Лазненко понял, что Вадиму эта тема неприятна. — Нуда ладно. Ты о Чернобыле хорошо информирован? На уровне газет или интересовался?

— Интересовался. И когда грохнуло, и после Крымской, когда

шум поднялся про статус Зоны.

— Ну, когда грохнуло, все ясно было. Это потом стали нагнетать муть — когда деньгами запахло. И после войны — понятно. Кто откажется от клочка земли, на который ООН постоянно выделяет финансирование? Впрочем, это все тривиально. Что знаешь об артефактах?

— Я же постоянно веду поиск аномалий. Конечно, в курсе.

— Ну, расскажи в двух словах, что накопал.

— Да не особенно точные сведения. После полной изоляции Зоны, перевода ее в режим Украинского анклава, положение всех, кто там остался, стало безысходным. Конечно, самоселы всегда были властям до лампочки. Но оставалось совсем немного легальных жителей, которые обслуживали экскурсионный бизнес. Заодно нелегально торговали оптом грибами и ягодами из Зоны. Фон уже не очень высокий был, так что покупателям они не вредили. Драгметаллы тянули с брошенной техники.

А потом, после войны, в Зону ломанулся всякий сброд. После этого стали рассказывать сказки о мутантах, об артефактах, которые можно найти в Зоне. Уже спустя пару лет число обитателей стабилизировалось, но легенды об артефактах выжили, и даже был организован — естественно, нелегальный, — сбор. Смертность среди поисковиков оставалась очень высокая, власти перестали выдавать пропуска. А артефакты… Я находил фото каких-то стекляшек, которые могут показать обратную сторону Луны, ножей, которые могут быть использованы как скальпели, и при этом пациенту не нужна анестезия. Только фото и никаких реальных свидетельств. Я посылал вам отчет.

— Да, конечно. По нему работала другая группа, — ответил Лазненко.

Вадим знал, что группа его в департаменте не единственная, и знал, что ни при каких обстоятельствах одна группа не будет знать о работе другой. Впервые Лазненко сказал о том, чем занимались другие сотрудники.

— Обстановка в Зоне стала радикально меняться в последнее время. К сожалению, мы, кажется, прозевали один очень важный момент. Кроме генных мутаций, стали развиваться психические. Ты помнишь во времена Крымской войны отряды укрошахидов? Те, которые еще на Майдане были обработаны психотронной пушкой. Так вот, они почти все ринулись в Зону. Хотя есть подозрение, что их туда силой депортировали нынешние украинские власти. Причем сделали это очень аккуратно. Так вот, все эти люди растворились в Зоне. Что с ними стало — неизвестно. Они не контактируют с местными, не пересекаются со сталкерами. Они — тени, которых не видно. Зомби. Вообще

сейчас Зона — достаточно интересное образование. Есть с дюжину сталкеров, есть перекупщики, есть организованный сталкерский бизнес. Есть некоторое количество держащих Зону бандитов. Они в основном перекупщиков контролируют.

— Новая миссия — это поиски зомби? — поинтересовался Малахов.

— Нет. Эти зомби, их вообще-то официально назвали «main down» ввиду того, что все основные функции мозга практически отсутствуют — просто отягощающее обстоятельство. Задачи там у нас другие. — Лазненко на секунду замолчал, потом продолжил: — Примерно месяц назад мы получили информацию о том, что в Зоне локализован действительно серьезный артефакт. Для его обнаружения отправилась группа с простым заданием. Не аналитика, не поиск чего-то неопределенного. Они должны были выйти на местных поисковиков-сталкеров и с их помощью определить, насколько этот артефакт реален. Тем более что было известно, кто из этих самых сталкеров якобы на него набрел. Ну, они его и взяли в помощники. Имя у него странное было — Гасло. Ну… в общем, мы потеряли группу.

— Совсем? Несчастный случай? — Малахов помрачнел.

— Совсем? Совсем — это было бы счастье! — Генерал вскочил и нервно заходил по кабинету. — Они последний раз связались с нами из Канар! С теплого пляжа, пьяные в задницу! Позвонили по закрытой линии и послали меня на… А за час до этого выходили на связь из Зоны, мол, на подходе к артефакту, ждите следующего сеанса. Но этими охламонами мы займемся отдельно!

Генерал подошел к сейфу, громыхнул архаичным ключом и извлек бутылку армянского коньяка. Малахов знал, что коньяк в сейфе всегда армянский. Лазненко достал из застекленного шкафа два больших бокала, разлил и, не чокаясь, выпил. Малахова долго уговаривать не пришлось. Несмотря на утро.

— Так, Вадим. В секретной части получишь документы. Группе — двухдневная готовность. Оснащенность — по полной. В Зоне провести максимально возможный сбор информации, никого не стесняться. С бандитами, если вдруг возникнет напряженность, не церемониться. Если что, мы поможем всеми доступными средствами. Когда изучишь документы — ко мне на инструктаж. Завтра вечером.

— Есть! — почти по-уставному ответил Малахов. — Николай Петрович, а про смертельно опасные аномалии в Зоне — правда?

— Еще какая, — мрачно ответил Лазненко.

— Отлично! — Малахов поднялся и, пожав руку начальнику, вышел из кабинета.

ГЛАВА 5

Инфекционные и инвазионные болезни животных, возбудители которых способны паразитировать у человека, называются антропозоонозами. В эту группу входит значительное количество заболеваний, при которых человек заражается от животных, особенно бродячих и бездомных.

«Болезни кошек и собак». Издательское объединение «Віща школа». Киев, 2010

Рыжий лес был весь выкорчеван сразу после катастрофы. Вернее, под ножи скреперов пустили в основном те участки, где тысячи рентген излучения выжгли все живое. Но остались небольшие кусочки, которые избежали уничтожения. Вот они-то спустя много лет и стали называться Рыжим лесом. Хоть и были они нормально зелёные, но все-таки хранили в себе память о том дне, когда лес в одну ночь порыжел. Разросшиеся без человеческого вмешательства кусты на опушке скрывали от посторонних глаз темный мир хвойных зарослей.

Сознание вернулось к Рымжанову внезапно, словно щелкнул в мозгу выключатель. Тихонько ныл расцарапанный ветками бок. Тимур лежал под вековой сосной на краю небольшой поляны. Ноги его были спутаны березовым лыком, расщепленным на длинные полоски. Лыко крепко опутывало лодыжки и, кроме того, обхватывало ствол сосны. Что-то неправильное было в этих путах, словно их завязывали совершенно неземными, нечеловеческими узлами. Это были даже не узлы в обычном понимании этого слова, а просто хаотично заплетенные волокна. Рымжанов поморщился от боли, сел и, дотянувшись до узла, попытался освободиться. Но его остановил глубокий утробный рык.

Напротив, по ту сторону поляны, сидело страшное создание. Как будто пьяный генетик попытался скрестить крота с гиеной. Громадная, нескладная зверюга, покрытая клочьями серой шерсти. Большая морда с вытянутым носом, почти

рудиментарные глаза, худые лапы с длинными черными когтями. Зверь следил за человеком и принюхивался, высоко задрав нос. Толстый голый хвост нервно подергивался. «А ведь такими лапами узла не завяжешь», — про себя отметил Рымжанов. Видимо, нужно было ждать хозяина этого жутковатого зверя. Тимур осмотрелся. Вся экипировка, кажется, потеряна, но одежда не порвана и даже не сильно запачкана. Правда, от коммуникатора на запястье остался только ремешок и пластмассовый обломок корпуса. Очки пропали бесследно. Тимур похлопал себя по карманам, проверяя, что же там сохранилось. Ножей не было, однако в одном из карманов на бедре обнаружился питательный брикет. Рымжанов расстегнул карман, но животное снова зарычало.

— Ну чего ты, урод, разгуделся, — обратился человек к зверю. — Тебя сторожить поставили, вот и сторожи. Я, может, есть хочу, а ты, рожа мутантская, мне рычишь тут.

Тимур старался говорить спокойно, даже ласково.

Животное внимательно слушало, как будто пытаясь понять, чего от него хотят. Напряженная работа мысли читалась на подслеповатой морде. Зверь слушал, слушал, а потом вытянул лапы и положил на них голову, утомленный непосильным трудом.

Сторож уже не рыкнул, а только осклабился, когда Тимур осторожно вытащил брикет. Потом он отломал кусочек и бросил зверю. Тот резко вскочил, но понял, что бросали не в него, и сосредоточенно принюхался. Принюхавшись, подкатил лапой кусок пищи чуть поближе и попробовал его на вкус. И сжевал все, хрустя на весь лес. На несуразной физиономии зверя разлилось выражение полного блаженства — пища понравилась. Чудовище потопталось на месте, решая, в какой степени можно нарушить служебный долг, и осторожно подошло к Тимуру. Сначала обнюхало лицо. Тимур сморщился, но отстраняться не стал, хотя длинный узкий нос, мокрый, как у веселой дворняжки, сильно щекотал. Зверь, удовлетворившись, стал лапой царапать карман, куда перед этим Тимур спрятал брикет. Рымжанов понял, что придется опять поделиться. Сторож умолол пищу в мгновение ока, понял, что больше не будет, почесался задней лапой и, решив, очевидно, что долг он уже исполнил, улегся рядом с человеком, положив ему голову на ноги.

Тимур не ожидал, что страшного охранника можно так просто приручить. Теперь, чтобы добраться до узла на щиколотках, нужно было сдвинуть косматую голову. Рисковать не хотелось. Тимур примерялся, как бы сделать это, не беспокоя зверя, но тут на противоположной стороне поляны раздался

шорох. В плотной темной листве появился кто-то очень большой. Его не было видно, но Тимур ощущал присутствие.

— Зачем ты пришел? — раздался низкий глухой голос. Зверь, пристроившийся рядом с Тимуром, вскочил и моментально занял свое место напротив.

— На нас напали. Нам нужно было прятаться.

— Никто не приходит сюда. Зачем ты здесь? — повторил голос.

— Да не приходил я в лес! Ты же сам меня утащил с опушки. — Тимур сдерживался, чтобы не сорваться.

— Мы тебя нашли в лесу. Тебя хотел есть другой. Мы тебя отняли, — бесстрастно сообщил голос из чащи. — Зачем ты пришел?

— Я пришел с миром. — Тимур понимал, что он говорит, как картонный герой голливудского боевика, но ничего другого придумать не смог. — А ты кто такой? Почему прячешься?

— Мы никто. Мы — это лес. Все, что здесь живет, — ответил голос. — Ты можешь помочь?

— Я… смотря чем. — Тимур понял, что не все так плохо. И добавил: — Я готов помочь.

Из чащи вылетела и упала рядом с Тимуром его сумка. Вслед за сумкой на поляну бросили разгрузку с микролабораторией.

— Нужно лекарство, — все так же глухо, без эмоций произнес голос. — Выбери.

— Я же не знаю даже, чем ты болен… — начал Рымжанов, но сразу понял, что говорит не то. — От чего лекарство?

— Плохо. Болезнь. Теряется единство.

— Надо сделать анализ. Я могу. — Тимур подобрался на коленях к своему снаряжению и попробовал активировать блок-анализатор в микролаборатории. -Мне нужно сделать анализ крови. Может быть, помогу.

На той стороне поляны хранили молчание. В какой-то момент Рымжанову показалось, что там уже никого нет. Но тут зверь, охранявший Тимура, встрепенулся и ринулся в темноту. Через мгновение он вернулся, держа что-то в зубах. Подошел к Тимуру и положил свою ношу на землю. Это было странное создание, ужасное, похожее на человеческий эмбрион, но очень отдаленно. Существо выглядело иррационально. Оно было покрыто на спине тонкой шерсткой и лежало, свернувшись в клубок. Тимур достал из сумки перчатки и взял создание в руки. Вместо лица или морды у эмбриона на голове располагался целый ряд маленьких присосок, такие же находились и на голом животе. Он попробовал присосаться к руке Тимура, но, поняв, что руки защищены перчатками, опять свернулся в клубок.

Тимур поднес создание к анализатору. Тихо пискнул прибор, забирая микроскопический анализ крови. Казалось, что существо даже не почувствовало укола. Потом Тимур положил его на верхнюю крышку микролаборатории, активировав интроскопический режим. Когда все анализы были сделаны, Рымжанов положил существо на землю. Зверь-охранник понял, что он него требуется, схватил зубами маленькое тельце и скрылся в лесу.

Пока готовился анализ крови, Тимур проверил результаты интроскопии. Существо было странным. Относительно большой мозг с развитой системой извилин, полное отсутствие органов пищеварения и дыхания. Рудиментарные почки и простая система вывода жидких отходов. Такой организм не мог существовать сам по себе. «Симбионт. Вот что порождает Зона», — подумал Тимур.

Анализ крови тоже оказался странным. Система не смогла идентифицировать, какому виду принадлежит кровь, однако анализ показал наличие трипаносом. При этом была отмечена гипертрофированная активность паразитов и особо критичный состав токсинов, выделяемых ими. Тимуру оставалось только благодарить группу технической поддержки за то, что те всегда включали в аптечку средства от укусов африканских мух. Даже для похода в Зону.

— Ты тут? — спросил Тимур в пространство.

— Мы тут, — немедленно отозвалась чаща.

— Я попробую помочь. Но нужно делать уколы. Я думаю, за день управлюсь.

— Делай. — Голос в сумраке дрогнул.

— Ты, то есть вы все, подойдете сюда или, может, я подойду? Только мне нужно развязать ноги.

— Нельзя выходить. Развяжи.

Тимур, покосившись на своего сторожа, распутал лыко и подошел к сумке.

К счастью, электронная аптечка не пострадала. А вот оружия в сумке не было. Видимо, тот, кто скрывался в чаще, прекрасно понимал, что такое оружие.

Держа в руке заряженный шприц, Тимур шагнул в направлении леса. Существо из чащи стояло на опушке за завесой мелких березок. Что-то одновременно ужасное и могучее было в этой фигуре. В другой ситуации Рымжанов решил бы, что это скорее исчадие ада, чем живое создание. Рудиментарная голова, практически скрытая между покатых плеч. Все тело покрыто буграми, это были не просто наросты, это были те самые эмбрионы, у одного из которых Тимур брал кровь. Они облепили черную громаду основного тела.

— Сколько же ты весишь, парень? — пробормотал Тимур сам себе. Потом удвоил дозу в шприце и произнес: — Штаны спусти.

Существо сделало движение головой, словно хотело посмотреть на Тимура поближе.

— Шутник, — неожиданно прогудел монстр.

— Ага, так-то лучше. Ну, терпи, будет больно. — Обойдя жителя чащи, Тимур пришел в замешательство. У зверя оказалось две пары задних конечностей. Причем, судя по всему, вторая пара тоже была симбиотическая. Собрав волю в комок, Рымжанов воткнул шприц. Чудовище легко рыкнуло, но дотерпело укол до конца. — Ну вот и молодец! Еще нужно будет пару раз уколоться, позже.

— Не уходи. Пока. Все равно некуда идти, — вместо благодарности сообщил симбионт и легко, словно призрак, скрылся в глубине леса.

Тимур вернулся на полянку и опустился на землю, прислонившись спиной к своей сосне. Только сейчас он понял, что колени у него подрагивают. Годы работы в группе приучили Рымжанова не удивляться даже таким вещам, с которыми люди не сталкивались никогда. Но встреча с жителем Рыжего леса была чем-то особенным. Даже прикоснуться к этому чудовищу стоило Тимуру немалых душевных сил.

Сон одолел Рымжанова незаметно. Он понял, что спал, когда кто-то стал трясти его за рукав. Рядом стоял знакомый сторожевой зверь и тянул человека в лес. Взглянув мельком на часы, Тимур понял — время инъекции. Видимо, пациент пришел.

— Эй, болезный, ты тут? — спросил у леса Тимур. — Готов колоться?

— Мы тут, — прогудело из сумрака.

— А что на поляну не выйдешь? Тут света больше, не промахнусь.

— Нельзя, — ответил житель чащи.

Тимур заправил шприц и осторожно вошел в лес. Второй укол оказалось сделать проще, вид пациента для врача был уже знаком.

— Ну а как самочувствие? — поинтересовался Тимур. — Не легчает?

— Мы очень хотим спать, — ответил симбионт. — Нам трудно.

— Это нормально, к утру все пройдет, — пообещал Рымжанов. — А вещи мои не вернете? Все-таки врачу доверять надо.

Пациент засопел, повернулся и скрылся в лесу так же тихо и стремительно, как пару часов назад.

Вернувшись на поляну, Рымжанов решил провести полную ревизию вещей. В сумке были только небольшой запас пищи, который в общем-то оказался кстати, два боевых ножа, которые лесные жители, видимо, не восприняли всерьез. Ножи Тимур немедленно водрузил на положенное место — захваты на ремне. И совершенно неожиданно в сумке нашлась «зеленая сопилка». Тимур совсем забыл, что «сопилку» Малахов передал ему еще в гостинице. Вспомнив, как на КПП объясняли правила пользования этим средством, Рымжанов надел ее на руку, как кастет, и попытался вызвать Клаву. Тимур помнил, что вторая «сопилка» на всякий случай оставалась в машине. Но Клава не отзывалась.

Больше в сумке ничего не было. Хотя нож — это уже что-то, по крайней мере лучше, чем ничего. Но тут раздался рык зверя-охранника. Тот стоял на всех четырех лапах и, вытянув короткую шею, неотрывно смотрел в сторону леса. Не туда, откуда появлялся его хозяин, а чуть левее. Сторож, видимо, учуял чужого. Редкая шерсть на загривке вздыбилась, и в общем-то страшноватый зверь от этого почему-то стал смешным. Но Тимуру было не до смеха.

Невероятным прыжком на поляну вылетела омерзительная тварь. Худая, как богомол, внешне похожая на примата, она словно вышла из секретных отделов преисподней. Невероятно длинные передние конечности и мощные короткие — задние. Тварь приземлилась на середине поляны и присела, словно на корточках. Охранник Тимура не выдержал и ринулся на чудовище. Монстр отмахнулся от стремительно летящего к нему животного, как от мухи. Нехорошо квакнув, несчастное создание улетело в заросли, там всхлипнуло совсем по-человечески и затихло. А человекообразный не изменил позы, только полностью перенес вес на задние ноги и внимательно смотрел на Рымжанова.

Голова у монстра была вытянутая, с мощными надбровными дугами, покрытая роговыми пластинками, с костистым гребнем на макушке. Вместо рта — система, состоящая из четырех челюстей — горизонтальных и вертикальных, вооруженных устрашающими клыками. Ноги были покрыты длинной шерстью и оканчивались копытами, разделенными на три части. Между ног явно угадывались аномально большие гениталии, которые не могла скрыть даже густая шерсть. Ядовито-желтые глаза с горизонтальными зрачками смотрели на Тимура. Монстр, выждав мгновение, легким прыжком ринулся на человека. Тот только успел кувырком уйти в сторону. Но чудовище на самом излете ухитрилось зацепить человека и отбросить его на пару метров. Рымжанов сгруппировался и приземлился по-звериному, даже не

обратив внимания на распоротую штанину и кровь.

Нападавшая тварь не ожидала, что добыча так легко уйдет из лап, и топталась на месте, выбирая момент для повторной атаки. Тимур ждал, зажав в руке нож. Монстр чуял, что предмет в руке его жертвы опасен, и поэтому не спешил нападать, он выбирал подходящий момент. Рымжанов стал осторожно и плавно двигаться по периметру поляны. Зверь следил за Тимуром, все время сохраняя готовность к прыжку. И тут Тимур начал игру ножом, ловко вращая его в руке, меняя хваты и положение лезвия. Это вывело нападавшую тварь из равновесия, напряглись мышцы задних лап. Человек, опережая чудовище на микроскопические доли секунды, ринулся навстречу. Тварь уже не могла остановить прыжка и распласталась в полете над поляной. Тимур, нырнув под чудовище, вывернул руку. Лезвие ножа полоснуло по брюху и прошло сквозь то, что так мерзко болталось между ног зверя.

Истошный вопль взлетел над лесом. Тварь рухнула на землю, но тут же вскочила и, не обращая внимания на рану, опять стала в стойку для прыжка. Но Рымжанов поменял тактику. Перехватил нож за окровавленное лезвие и резко метнул его. Чудовище, хрипя, повалилось на землю, разгребая протухшую хвою лапами. Оно пыталась вырвать лезвие когтями, но безуспешно. Из горла текла мерзкого вида желтоватая кровь, наполняя поляну запахом гнили. Не теряя времени, Тимур выхватил второй нож и вогнал его туда, где могли быть шейные позвонки. Судя по тому, что монстр обмяк и завалился на бок, Рымжанов не ошибся. Подождав немного для верности, он выдернул оба ножа из смердящей туши. И тут вспомнил об охраннике.

Тимур побежал в лес, туда, куда ударом чудовища был отброшен бедный зверь. Он лежал между двух толстых сосен. Его редкая шерсть была взъерошена, голова присыпана хвоей. Рядом с ним сидел симбионт и осторожно гладил неуклюжим пальцем своего питомца. И тут Тимур увидел, что симбионт плачет. Тихо, практически беззвучно всхлипывая. Из его больших странных глаз капали слезы.

— Помоги ему. Мне не надо. Ему помоги.

Тимур опустился на колени и отодвинул пальцем веко лежащего животного. Тот еще был жив. Большая рваная рана на боку была глубока и сильно кровоточила, но внутренние органы не пострадали. Рымжанов бегом возвратился на поляну, прихватил аптечку и вернулся к бедному зверю. К какому типу животных относился зверь-охранник, было невозможно определить, и Тимур положился на удачу. Введя снотворное и обезболивающее, он продезинфицировал рану и наложил несколько швов. Потом повесил на ближайшую ветку капельницу

со стимулирующей смесью и ввел иглу в вену. Ну или по крайней мере в крупный сосуд, который он нашел на лапе животного. Через несколько минут зверь задышал ровнее и не так судорожно.

— Ну все. — Тимур залил рану заживляющим гелем и наклеил большой пластырь. — Заживет, как на собаке.

— Это не собака, — пробурчал с нотками обиды в голосе симбионт.

До этого времени лесной житель молча и напряженно следил за работой Тимура со стороны.

— А кто? Крыса из нержавеющей стали?

— Это наша шиншилла, — сообщил лесной житель. Он сидел рядом с забинтованным животным и гладил его по носу.

— Ну хорошо, шиншилла — тем более заживет. Зад давай. — Рымжанов не забыл о том, что симбионту надо сделать последний укол.

После инъекции Тимур повторил анализ крови. Через несколько минут работы анализатора стало ясно, что паразиты в крови симбионта побеждены. Впрочем, это было и так заметно. Лесной житель в очередной раз погладил свою странную шиншиллу и исчез в лесу. Только тут Рымжанов вспомнил про рану на ноге. Кровь уже перестала идти, и он полил рану антисептиком и крепко замотал ногу бинтом. Боли совершенно не было, и Тимур решил не беспокоиться. Он надеялся, что симбионт поможет ему выбраться из леса, ведь совершенно ясно, что напавшее чудовище — не единственное в этом лесу. Однако пациент скрылся в чаще, и это беспокоило Тимура. Но минут через пятнадцать, как раз когда Тимур снимал капельницу с начавшей приходить себя раненой шиншиллы, симбионт вернулся. Он нес в охапке оружие Рымжанова. К руке симбионта лыком было привязано лукошко, там лежали боеприпасы.

— Это твое, в лесу оно не надо, забирай. Спасибо, — произнес пациент. — Спасибо.

Тут он сгреб в свою неуклюжую лапу ладонь Тимура и вложил в нее небольшой прямоугольный предмет.

— Это тебе.

— Ну спасибо. Вы тут справитесь без меня? — Тимур подхватил на плечо автомат, а остальное стал загружать в сумку.

— Спасибо, — еще раз, прощаясь, сказал симбионт. — Приходи.

— Ну, как только в Рыжий лес занесет, обязательно. — Тимур подошел к симбионту и двумя руками подержал его когтистую лапу. — До скорого!

Было еще светло, и Рымжанов безошибочно взял направление к опушке, на которой утром группа приняла бой с бандитами.

ГЛАВА 6

Задача уровня региональных олимпиад по физике, требующая четкого анализа физических явлений и знания школьных курсов физики и математики в полном объеме на темы электромагнитная индукция, движение проводников в магнитном поле, динамика вращения, сила, масса, законы Ньютона.

Задачи Московских городских олимпиад школьников по физике, 11-й класс, Единая коллекция цифровых образовательных ресурсов.

Малахов стоял на границе шоссе и Рыжего леса, и настроение у него было отвратительное. Бывало, что миссии кончались плохо, как, например, тот кошмар в сентябре 2001 года, или Луангпробанг. Но так, чтобы начаться с полного провала, такого еще не случалось. И пока отбоя операции не поступало, нужно было действовать. Собрать группу в кулак.

Первое, что заметил Вадим, это серую фигуру на куче мусора, оставшейся от знака «ПРИПЯТЬ». В фигуре Малахов легко узнал Сухого. Сталкер занимался тем, что тщательно изучал обломки монументального указателя. Он сосредоточенно ковырялся длинной палкой в крошеве, время от времени подбирая какие-то одному ему понятные находки.

— Вот же ж манера у сталкеров, — пробурчал Вадим себе под нос. — То появляются ниоткуда, то в никуда исчезают. Местный шарм это, что ли…

Не раздумывая, Малахов двинулся к местному, тем более что ничего плохого от него не ждал. Сталкер невозмутимо занимался поисками и не обращал никакого внимания на приближающегося человека. Словно здесь и не было смертельного боя пятнадцать минут назад, словно не крутился убийственный смерч. Но запах свежих бетонных развалин еще висел в воздухе. Однако когда Малахов наступил на хрупкую цементную крошку, сталкер, не

оборачиваясь, словно продолжая разговор, произнес:

— Я тут хабар беру! Я первый пришел. Будешь после меня. На всех хватит. По понятиям я тебе половину оставить должен. Но брать могу первым.

— Да дался мне твой хабар, — фыркнул в ответ Вадим. — Ты мне можешь сказать, что здесь вообще было?

— Ну, ничего особенного, люди Барлоги пытались вас прижучить. Не свезло. А перед этим «воронка» погуляла. Считай, повезло. И целые остались, и вон сколько добра после «воронки» нападало. Теперь можно год в таверне просидеть и не париться.

— Но ведь первыми была братва Бузы. С «вертушками». Им-то что надо было? Тоже жучить? Что-то много жучащих развелось на душу населения.

— Буза — придурок и поц. Но он «вертушки» нанял — это значит, кто-то ему много денег пообещал за вас. А вы кто? — Сухой перестал ковыряться в бетонном крошеве и посмотрел на Малахова. — Комиссия, говоришь? Может, после вашей комиссии сюда бомбу кинут? Помощнее глубоковакуумной? Ходят слухи…

— Да нет, никаких бомб после нас кидать не будут. И вообще от того, что мы тут походим по Зоне, никому ни хуже, ни лучше.

— Зоне лучше знать, что ей от вас. Вон сразу сколько бед на себя накликали. Думаешь, «воронка» так просто налетает? Она на кровь большую налетает. Хотя спасибо ей: тот, кто выжил, — богатым становится. — Сталкер опять вернулся к добыче у себя под ногами.

— А что, много нашел?

— Все мое. А любопытных тут не любят. Вот расскажу я тебе, что нашел, а потом скупщик спросит с меня все по списку. А до него еще надо донести. На вот, пусть тебе тоже чего хорошего перепадет. — Сухой подобрал с земли что-то очень похожее на кусок чаги и бросил это Малахову.

— Это что? Сушеная селезенка вепря?

— Это «бабкина шляпка». Будь она у тебя час назад, не стал бы ты своих людей по лесу Рыжему терять да отсылать машину на смерть, — сообщил сталкер. — Закрывает она людей от чужого глаза.

— Ну, машину на смерть — еще не факт. — Малахов сказал это, а у самого в груди засосало от смутной тревоги.

— У Саркофага сейчас нехорошее место, — отрезал Сухой.

— Ты мне поможешь? Мне надо в Рыжем лесу человека найти. Потом — к своим, к машине прорваться. Мы заплатим. И хабара твоего мне совсем не надо. Мы вообще-то другое ищем.

— В лесу искать давно нечего. Что в лес попало, то, считай, там и останется. Ну, это фигура речи такая. А будет пропавшее

жить в лесу или наоборот, этого никто не знает. Надо идти к машине. Может, и успеем кого найти. Если они тихо сидеть будут. Тогда посиди чуток, я тут еще похожу.

Сталкер продолжил свои исследования. Медленно двигаясь, негромко хрустел перемолотым бетоном, ворошил мусор длинной палкой. Иногда, убрав ее, поднимал что-то и прятал в заплечный мешок. В какой-то момент Сухой вытащил из трухи грязную подшивку журналов. Посмотрев на нее внимательно, выкинул. Потом, бросив последний взгляд на гору бетонной крошки, искореженной арматуры — того, что совсем недавно было знаком, — подошел к Малахову.

— А что за прессу ты откопал? Откуда она тут?

— А все время попадается после «воронки». «Ukrainian Wireless news» за 1913 год. — Сталкер неожиданно обнаружил знания английского. — Бесполезная вещь. И бессмысленная.

Сухой отряхнул пыльник, достал пачку сигарет. Предложил сначала Малахову, а когда тот сообщил, что не курит, закурил с видимым удовольствием, устроившись на крупном бетонном фрагменте.

— То, что вы «вертушки» пожгли, хорошо, раньше они как шакалы тут сновали, иногда сталкеров грабили. А вот с барлоговцами… Он злопамятный, жди беды. — Сталкер снял рюкзак и, положив его на колени, распаковал. Тщательно проверил содержимое и плотно завязал верхний клапан.

— Да сколько же у него народа в банде?

— Человек сорок. Всякая шваль из этих, офисных, из Киева.

— Да мы вроде не меньше пятидесяти положили. Кстати, их бы проверить надо.

— Оставь мертвых лесу. Ночью о них позаботятся, — хмуро произнес сталкер, словно Вадим сказал что-то неприличное. — Пятьдесят, говоришь? Это хорошо. Видать, тогда и Барлоге самому конец. Одной гнидой в Зоне меньше.

Сухой чуть прогнул спину назад, снимая напряжение в позвоночнике, и, так и держась за поясницу, внимательно осмотрелся, словно пытаясь увидеть всех убитых бандитов или невидимые следы на дорогах.

— Ну ладно, твои вроде по этой дороге отправились. — Сухой кивнул в сторону серой асфальтовой полосы, которая огибала опушку Рыжего леса слева. — Давай, пока спокойно, прогуляемся.

Насколько помнил Малахов, до проржавевшей подстанции было километра полтора. И вправду просто прогулка. Времени с момента первой атаки прошло не так много, и Малахов был уверен, что его товарищи пока спокойно ждут в машине где-то в

конце шоссе.

— Ты как идти будешь, по сторонам не особо глазей, — предупредил Сухой. — Бывало, из лесу кто-нибудь посмотрит, и все, человек потом, пока в чащу не уйдет, не успокоится. Так иди себе, как по коридору.

— Тут всегда так тихо? — Шаги двух человек отдавались вдоль шоссе резкими звуками. Низкое солнце светило почти в лицо, прорываясь местами через кроны высоких елей. Ничто не говорило о том, что дорога проходит по Зоне, что совсем недавно воздух здесь был наполнен смертью скоротечного боя. Мир и покой царили на шоссе, пересекающем чащу.

— Идешь и каждую веточку чувствуешь. Спокойно, словно и не Зона, а лес из детства. — Сталкер неожиданно ударился в романтические рассуждения. — Вот птиц нет сегодня, это хорошо.

— Чего же хорошего? — удивился Малахов.

— Птица — она тварь бесполезная. А главное — крикливая. — Философия Сухого была диковатой, но видимо имела под собой основания.

— А почему у Саркофага место сейчас плохое? — вспомнил слова Сухого Вадим. — Ведь всегда было так себе — ни то ни се.

— Там последнее время майдауны стали кучковаться. Видать, совсем им плохо. Они раньше по одному нападали. Мозги-то у них совсем повыело. Но в последнее время они в стаи сбиваются. Словно командир у них появился. Вожак. Мерзость. — Сталкер замолк и через мгновение, неожиданно поменяв тему, спросил: — А что ищете то, может, помогу?

— Это вы так мэйн-даунов переиначили? Смешно. Ты не в курсе, тут недавно одна группа была, они пошли с Гаслом искать артефакт.

— Ну слыхал что-то. — Сталкер знал много, но видно было, что хотел у Малахова выпытать побольше. — Гасло-то теперь того…

— Что того? — Малахов был уверен, что сталкер оказался вместе с группой на Канарах.

— Долгая история. — Сухой дал понять, что про Гасло говорить не хочет. — Так вы, значит, тоже к Золотой Сфере хотите попасть? Не умная это забава.

— А что ты о ней знаешь?

— Сказки это все. Гнаться за призраком — это неправильно. Не бывает всё и сразу. А если и бывает, то… А вон и машина ваша виднеется. Что-то там у нее не так… Стой.

Сталкер сделал движение рукой, словно пытался задвинуть Малахова себе за спину, прикрыть его от невидимой опасности. Прямо за поворотом показался внедорожник, стоящий так, что

отсюда была видна задняя дверь с запаской, обтянутой защитной тканью. Машина, чуть покосившись, съехала на обочину и левыми колесами ушла в небольшой кювет. Из внедорожника навстречу Вадиму никто не вышел. Система оповещения должна была давно предупредить его товарищей о людях, идущих по шоссе. Еще Вадима тревожило легкое марево метрах в десяти от машины, словно горел невидимый костер, поднимая нагретый воздух вверх.

— Не двигайся, — еле слышно произнес сталкер. Он медленно опустил руку в карман плаща и так же медленно извлек оттуда стальной шарик. Потом легким движением, словно играя в боулинг, пустил его по шоссе. Шарик покатился, подпрыгивая на неровностях. При этом он вместо того, чтобы затормозиться, стал наоборот, ускоряться. В какой момент он пулей сорвался в сторону марева и уже там, в трепещущем воздухе, разлетелся снопом раскаленных брызг.

— Сука, — прошипел Сухой. — «Воронка». А вторая скорее всего машиной закрыта. Хрен увидишь. Надо возвращаться. Тут не пройти.

— Как не пройти? Там же в машине…

— Там в машине никого нет. Неужели не понятно? Обойдем по грунтовке. Не вздумай!!! — Сухой схватил Малахова за грудки, когда понял, что тот хочет крикнуть, попытаться позвать друзей. — Нельзя кричать тут! Такого можешь накликать… Тем более у «воронки».

— Лучше ты меня не трогай. — Вадим медленно убрал руки сталкера. — Я могу тебе и руку сломать.

— Ишь ты, какой крутой. А в Зоне ты говно! Только и можешь, что своими пукалками греметь.

— Говном человек себя сам делает. И поверь мне, обычно говном бывают те, кто других говном считает.

— Ты тут сдохнешь без меня! Вот заори бы ты сейчас… — Сухой замолчал на секунду и потом уже спокойно сказал: — Нельзя возле «воронки» орать. Нельзя вообще возле аномалий шуметь.

— Так объясни заранее, если такой умный! Ты же ведешь, не я. Ты тут свой, я тебе доверяю. Думаешь, если бы сам шел, я бы не заметил твоих «воронок»? Я их и так видел. — Вадим резко замолчал. Он уже корил себя за горячность. — Ладно, проехали. Пошли. Вадим, не говоря больше ни слова, повернулся и зашагал по шоссе в обратную сторону.

— Стой, ты куда? — окликнул его сталкер. — Кто в Зоне по той же дороге возвращается? Да ты и десяти шагов не пройдешь!

Малахов застыл и, сплюнув со злости, повернулся.

— Ну веди! Что вы тут за хрень развели? Может, амулеты на веревочке тягать?

— Не надо, — совершенно серьезно ответил Сухой. — А если надо, так ты и крысу живую носить будешь на голове, чтобы выбраться!

Сталкер огляделся и, примерившись, запустил гайку вправо, туда, где метрах в сорока виднелось другое шоссе. Оно обходило Рыжий лес по дуге и в итоге приходило к тому же перекрестку, где стоял совсем недавно знак «ПРИПЯТЬ».

Осторожно, словно по минному полю, Сухой сошел с дороги на обочину и, чавкая грязью, пошел по полегшему бурьяну. Ступая за ним след в след, двинулся Малахов. Дойдя до твердого покрытия, сталкер отряхнулся и потопал по шоссе в обратную сторону. Вадим последовал за ним, догнав через пяток шагов. Так, молча, они шли до самого перекрестка, откуда недавно начали свой путь. На развалинах знака уныло копошились несколько человек.

— Это что, твои коллеги запоздавшие? — поинтересовался Малахов.

— Сталкер там один, вон тот, в шляпе. Тамбур. Это он туристов из Амстердама привел. Хабар ищут. Ну, там еще остался какой-то мусор.

— А как же так? Закрытая зона, никого не пускать, а тут туристы?

— «Европейский выбор» называется. А то ты сам не знаешь. — Сухой зло сплюнул. — Смеяться будешь, нас заставляют этих придурков водить по Зоне. График повинности ввели даже.

— Да… многолюдно что-то в Зоне. А не боятся туристы, что их в «мясокрутку» затянет?

— Это нас бояться заставляют. Не дай бог, что с ними случится, бандюки ноги повыдергивают. Власти бандюков тут надсмотрщиками поставили. — Сухой глянул на Малахова искоса. — Только теперь, видать, новых пришлют вместо побитых. С ними снова придется договариваться.

— Намекаешь, что мы вам экологическое равновесие нарушили? А без рэкета и крыш жить не можете? Не пробовали?

— Советовать хорошо. — Сталкер зашагал быстрее, не желая больше спорить.

Через двести метров свернули на грунтовку, проходящую сквозь редкий лес. Сухой замедлил шаг и снял с плеча карабин — впереди прямо поперек дороги лежал человек. Сталкер сделал еще пару шагов, остановился. Не отрывая взгляда от лежащей фигуры, вытащил из кармана гайку и швырнул ее. Гайка тихо упала на тело и скатилась на дорогу. Удовлетворившись, сталкер

двинулся вперед, впрочем, ступая предельно осторожно.

— Надо проверить, кто это. Скорее всего из барлоговцев кто-то, — тихо, почти шепотом сказал Сухой. — Иди посмотри, я прикрою.

— Тоже мне прикрытие, — хмыкнул Малахов, но все-таки пошел к лежащему.

Сразу было понятно, что на дороге валялся труп. Никаких признаков жизни. Вадим перевернул мертвеца лицом вверх. Пуля попала ему в бедро и, видимо, перебила артерию. Он доковылял до этого места и умер от потери крови. Документов при убитом не было. Малахов снял с покойника автомат и разгрузку с рожками. В его положении даже обычный «калаш» — уже сокровище.

— Скорее всего это Тимур его прибил. — Малахов вернулся к сталкеру и дал ему подержать автомат, пока подгонял разгрузку по себе. — Мы с Тимуром с опушки от них отбивались. Еще не окоченел, а кровь свернулась, значит, примерно полчаса назад загнулся. Вроде больше тут не стреляли.

— А почему именно напарник твой завалил, а не ты? Пули меченые?

— Я в голову попадаю, — спокойно ответил Вадим.

— Ну-ну, — хмыкнул сталкер. — Пусть лежит. Пойдем дальше.

— Ну пошли, идти-то всего ничего, только я понимаю, что тут заранее нельзя угадать. — Вадим проверил автомат, отметив про себя, что оружие бандиты чистят плохо. Но «калаш» был в сносном состоянии, несмотря на жестокую эксплуатацию.

Обойдя труп, сталкер с Малаховым продолжили путь. Грунтовка поглощала звуки шагов и была местами занесена мертвой листвой. Через пару минут справа показалась свалка. Сталкер жестом предупредил: «Внимание. Не зевай».

Свалка занимала большую поляну в низине и была похожа как две капли воды на любую другую свалку. Скорее всего сюда стали выбрасывать старье еще задолго до взрыва на Чернобыльской атомной. Там валялись и совершенно сгнившие скелеты мягкой мебели, и ржавые остовы газовых плит таких старых моделей, что ими бы заинтересовались историки. Над горами бытового мусора царили ржавчина и запустение. У самой свалки дорога ветвилась, делая странную петлю вокруг небольших зарослей. Но внезапно Сухой остановился.

— Тут это… дело, в общем, у меня тут. — Сталкер движением головы показал на кучку деревьев. — Ты постой, посмотри, чтобы никто не шлялся рядом.

— Это ты о чем? По нужде?

— Тут скупщик лавку свою держит. Сегодня как раз приемный день. Хабар сдам, можно спокойно потом твоих искать.

— Так ты что, только ради хабара такую петлю сделал? — Малахов понял, что его дешево провели. — Мои, пока ты тут бабки зашибаешь, могли сто раз погибнуть, а ты…

Слова Малахова не произвели на сталкера никакого эффекта. Казалось, он просто не понимал, чем так возмущен Вадим.

— Туда идти нельзя было, — спокойно ответил Сухой, — а если уж пошли по кругу, так что? Или я ради вас, красивых, все бросить должен? Да и делов-то пять минут. Подожди.

Малахов чертыхнулся, но спорить не стал. Он разумно посчитал, что никакими словами нельзя изменить человека вроде Сухого. Ну вот такой он, как есть.

Сталкер как ни в чем не бывало направился в глубь зарослей. Впрочем, Малахов уже успел рассмотреть среди деревьев ветхое строение, скорее похожее на покосившийся дощатый сарай. Видимо, это и была та самая штаб-квартира перекупщика.

Вернулся Сухой минут через пятнадцать. Вид у него был слегка взъерошенный.

— Все перекупщики — суки! — заключил сталкер. — Ну что, пошли теперь к машине твоей.

Как только прошли свалку, налетел ветерок, который принес от нее запахи тления. Сухой шел молча, только иногда возмущенно фыркал. Малахов видел, что общение с перекупщиком сильно испортило сталкеру настроение, однако не стал его расспрашивать или успокаивать. Очень скоро уперлись в высокий бетонный забор, за которым возвышалась громада Саркофага.

— Вдоль забора теперь? — Вадим и сам неплохо ориентировался, но все-таки спросил.

— Да, забор — надежное место. Сколько лет стоит, а даже побелка не облезла.

— А там, за забором?

— Что за забором? — сделал вид Сухой, что не понял.

— Ну что, его перемахни — вот уже и Саркофаг. Эпицентр аномалии. — Малахов стукнул кулаком по забору. — Там что? Отчеты пишут, что тот, кто владеет Саркофагом, — контролирует всю Зону. Это такое предположение. После войны не было никаких данных о том, что творится непосредственно в Саркофаге.

— Да кто же его знает, что там, — протянул Сухой. — Ходили слухи, что там сразу после взрыва осталось несколько человек — смертники из заключенных, которые в тоннель лазили, датчики ставить. Им, типа, смертную казнь на геройский поступок

заменили. Но никто из них не вышел. А то ли остались там, то ли погибли — кто знает? Но это легенды все.

— А старые документы говорят, что тут исследования проводились, куча ученых работала. Это когда Украина отделилась, — не удовлетворился ответом Малахов.

В Центре, когда готовилась миссия, Вадим изучил горы документов по истории Зоны. Там упоминалось, что Зона долгое время была предметом научных исследований. Но информации о том, что это были за исследования, не нашлось. Тем более никаких научных отчетов не существовало. Особенно о послевоенном периоде в Зоне.

— Как же. — Сухой сердито сверкнул глазами. — Комедия одна была, а не наука. Деньги у ООН или кого там еще правительство выпрашивало, а сюда копейки шли. Только чтобы поддерживать экскурсии. Орать на весь мир про очередной геноцид украинцев. А ученые… Кончились они в Зоне, когда страна кончилась. Всех ученых — дюжина сталкеров. Ученые жизнью…

Забор вдоль Саркофага быстро кончился, и деревья, расступившись, открыли доступ к подстанции. Сквозь решетчатые ворота были хорошо видны сюрреалистические конструкции трансформаторов, путаница высоковольтных кабелей. Когда-то это циклопическое сооружение преобразовывало электроэнергию от реакторов и рассылало ее потребителям. Сейчас подстанция была скорее похожа на смертельный лабиринт.

— Это что за китайские огни? — Малахов остановился как вкопанный.

— Где? — Сталкер выглядел растерянно.

— Вон — посмотри внимательно на изоляторы.

Действительно, в одном из изоляторов на подстанции явно проблескивали искры высоковольтной дуги. Показалось, что запах озона долетает даже сюда.

— Здесь напряжения тридцать лет нет. Откуда это? — Малахов внимательно осматривал всю площадку.

— Не дай Бог, — почти прошипел Сухой.

— Что?

— Мерри Кристмас, мать ее…

— А это кто?

— Не кто, а что. А, может, и кто. Хрен знает. Говорят, дух туристки, которая тут пропала. Феминистка одна, душевнобольная. Она вроде хотела на мачте высоковольтной приковать себя наручниками и плакат повесить «С Новым годом!», полезла… Теперь иногда по подстанции ходит. Говорят… — не очень уверенно ответил Сухой.

— А Мерри Кристмас почему?

— Так иностранцам понятнее. Фигли им тот Новый год…

— А зачем лезть и приковываться тут? — не унимался Малахов.

— Ну как? Все просто. Тогда уже народу не до феминисток было, да и на саму эту особу было не очень приятно смотреть. А человеку, даже самому ничтожному, внимания хочется. То она, говорят, майонезом какого-то писателя известного обливала, а он не заметил, то потом кого-то проклинала на каждом углу. То еще что… В городе-то если себя приковать — никому не интересно. А тут, ну она так думала, все увидят.

— А что увидят? Что она хотела? — Малахов не мог понять побуждений человека, покончившего с собой таким странным образом.

— А вот этого никто не знает. Хотела чего-то, а чего — непонятно. Но скорее, как всегда, мужика, — цинично сказал Сухой. — Да ну ее в…

— Дай гайку, да? — Малахов протянул руку.

— Если бы ты знал еще, куда кидать, — фыркнул сталкер. Но гайку дал.

Малахов подбросил на ладони, примериваясь, тяжелый семигранник и с небольшим замахом резко запустил ее к ближайшему трансформатору, прямо в его ржавые рога. Гайка не успела долететь до цели. Всю огороженную площадку подстанции накрыло голубое марево. Казалось, миллионы молний вырвались из засады. Тревожный гул электрического разряда в тишине Зоны казался зловещим. Гайка вспыхнула зеленым огнем и испарилась.

— У тебя что, гайки медные? — Малахов не отрываясь смотрел на истерику электромагнитных полей.

— Это почему? — удивился сталкер.

— Горит зеленым. Хотя это не важно. Раз горит, значит, не призрак. Тут должен быть мощный источник энергии… Сухой, ты тоже видишь это? — В голосе Малахова послышалась тревога.

— Конечно, вижу. Что? — Сухой вертел головой по сторонам.

— Это я у тебя, сталкера, должен спрашивать! Туда, вдаль вглядись! — Малахов ткнул пальцем в нужном направлении.

Змеи электрических разрядов метались по конструкциям подстанции. Иногда они распадались, и на их месте возникали призрачные, мерцающие сети, словно балдахинами накрывавшие отдельные участки. Сетчатая плазма освещала куски сооружений, придавая им такой же ирреальный вид, меняя очертания и искажая масштаб, будто дьявольская линза. В глубине подстанции, там, где бесновалась одна из таких сетей, стали угадываться две человеческие фигуры. Они сидели неподвижно,

прислонившись спинами к одной из высоковольтных опор.

— Я боюсь, мы их не вытащим. Сюда нельзя приходить. А теперь так вообще… Валить надо, пока целы. — Сухой стал потихоньку отступать. — И запомни, этого в ваших отчетах, видать, не написано — электричество тут всюду и сколько угодно. А почему — никто не знает. Зона!

— Я тебе уйду! Там наши! Нужно войти за периметр!

— Я-то тут причем? Ты своих не бросай, а меня не втягивай. — Сухой был категоричен.

— Слушай, местный. Ты мне сейчас поможешь. Нет — иди, я сам справлюсь. Но я тебя найду. Понял?

— Я не трус. В Зоне не принято вмешиваться в чужие дела. — Сухой остановился.

— Это у вас в Зоне. А у меня — своя Зона, понял?

— Ну как хочешь, тебе потом отвечать, — безнадежно согласился Сухой.

— Отвечу, не бойся. Идем к машине.

Они вернулись на шоссе, туда, где виднелся приникший к обочине «Патриот». Беглый осмотр показал, что «воронки» уже ушли. Или рассосались. Кто их знает. Дверцы машины были распахнуты. Малахов сразу отметил, что нет никаких следов борьбы. Ни стреляных гильз, ни обломков, ничего, что бы могло подсказать, что здесь случилось. Вадим запустил систему связи. Все работало прекрасно. Малахов немедленно связался с Центром и в двух словах доложил обстановку. Ответа дожидаться не стал, сказал, что свяжется позже. Из багажника Малахов извлек гранатомет и автомат. «Калашников» он вручил сталкеру.

— Так, Сухой, нам нужна сетка, металлическая, есть идеи?

— Да откуда у меня такая сетка?

— Что-то вроде «рабицы», для штукатурки ее используют, в крайнем случае можно в брошенных домах со стен содрать.

— Мы свалку проходили, там много чего есть, только…

— Так, залезай!

Малахов немедленно запрыгнул на водительское сиденье и набрал на пульте пароль для запуска машины. Турбина отозвалась радостным воем.

— Держись и смотри, надеюсь, ты «воронки», или что там попадется, заранее увидишь. Да ты не в окно пялься, а на локатор! Все потенциально опасное красным будет высвечиваться! Вот, блин, привыкли к жабам болотным…

— Сам ты к жабам привык! К химерам, которых по своему телевизору видишь, — возмутился Сухой. — Я глазам своим верю и опыту моему! Я тут сколько лет хожу — ни царапины. — Сухой три раза сплюнул через левое плечо и постучал по деревянному

прикладу. — А ты со своими компутерами-шомпутерами тут всего несколько часов, а уже вон намутил сколько. За год потом не разгребешь.

Малахов только хмыкнул в ответ, но про себя отметил, что Сухой все-таки внимательно смотрит на монитор. «Патриот» тихо двинулся в путь. Вадим водил машину не так искусно, как Клава, но уроки ее выучил хорошо.

На полной мощности турбины, выплеснув в сторону обочины фонтан грязи из-под колес, Малахов практически на одном месте развернул внедорожник, потом бросил его вперед, по направлению к развалинам знака. Автомобиль несся как будто не по раздолбанному шоссе, а по трассе «Формулы-1». Со стороны казалось, что машина летит в нескольких сантиметрах над дорогой, и плевать ей на разбитое покрытие. Вадим четко отслеживал каждую неровность и манипулировал педалью газа так, чтобы каждая рытвина только помогала держать эту бешеную гонку. У бетонного крошева машина лихо, с заносом, ушла вправо. А на руинах все еще греблись, как куры, голландские туристы. Они даже не успели сообразить, откуда и куда пронеслась машина, и сейчас в растерянности смотрели на облако пыли. Еще один поворот направо, и «Патриот» выскочил на грунтовку. Здесь пришлось слегка сбросить скорость — покрытие не выдерживало бешеного вращения колес, и терялось сцепление с дорогой. Такая езда не нравилась сталкеру, вызывая приступы тошноты. Но Сухой следил за обстановкой непрерывно, время от времени отрывая взгляд от монитора и осматривая окрестности.

— Тут на экране красные точки, как раз перед свалкой! — прокричал сталкер.

— Кто там может быть? — спросил Малахов, нажимая красную кнопку на руле.

— Только мейндауны — это их зона. Мразь, зомби.

— Они мне еще за Севастополь, гады, ответят! — прошипел Вадим.

— Кто бы еще за Киев ответил, — неожиданно добавил Сухой.

У внедорожника раскрылись небольшие заслонки над передними крыльями, и оттуда выехали беличьи колеса многоствольных пулеметов.

— Вот они! — Сухой указал пальцем. Действительно, там, впереди по шоссе, виднелась цепь уродливых фигур. Зомби стояли неподвижно, у некоторых в руках были длинные палки с привязанными к ним тряпками.

Жизнерадостно ожили пулеметы. Словно споря друг с другом

скороговоркой, они выбросили вперед огненный вал трассирующих пуль. Вадим слегка поиграл рулем, заставляя трассы ложиться веером. Через несколько секунд не было уже никакой цепи на дороге, только ошметки тел, пестрые лоскутки разорванной одежды, обломки флагов. Малахов проскочил поле боя, даже не глянув на него, стараясь не сбрасывать скорость. Затормозил он только у свалки. Постоял мгновение, набрав на пульте код, спрятал под крылья пулеметы.

— Как-то слишком людно тут у вас в Зоне, не протолкнешься. Шага не сделать, чтобы не пообщаться с милыми аборигенами, — зло проговорил Малахов. — Пошли искать сетку.

— Слушай, я не понял — у тебя пулеметы под крыльями, они что, намертво привинчены? Даже турели нет?

— Есть, только не турель, а подвеска системы Каташа. Градусов на тридцать в любую сторону позволяет двигать. Но мне и руля хватило.

Сталкер медленно вышел из машины. Гонка по пересеченной местности его слегка оглушила, но сталкер, вдохнув свежего воздуха, быстро пришел в себя.

— Подожди, — пробормотал Сухой. — Все-таки я проверю.

Он проделал уже знакомую процедуру с гайкой. Та отозвалась металлическим грохотом, проскакав по рухляди на свалке.

— Вроде чисто, — буркнул Сухой.

— Надо не вроде, а точно, а то опять на каких-нибудь местных парубков напоремся!

— Подожди, тут фонит. Я не могу так сразу. — Сталкер стоял, словно не решаясь тронуться, даже облокотился о борт машины. — Меня стразу тошнит, когда фон сильно повышен.

— Не дрейфь. — Малахов достал из «бардачка» пачку таблеток. — На, прими, в случае кратковременного облучения помогает.

Вадим протянул на раскрытой ладони красную овальную капсулу. Она была прозрачная, и чахлое солнце, пробившись сквозь лекарство, играло на ладони кровавым пятном.

— Проглоти, — сказал Вадим. — Тебе сразу станет легче.

Сталкер взял таблетку, осмотрел, понюхал, поднял косматые брови, потом осторожно положил на язык и почмокал.

— Глотай, глотай, — с улыбкой сказал Малахов. — Не отравлю.

Свалка была обычной свалкой, каких тысячи на просторах бывшего СССР. Пахло умирающим железом, проржавевшие конструкции давно потеряли свою индивидуальность. После беглого осмотра удалось заметить рулон сетки, видимо, когда-то

предназначавшейся для забора.

— Ну-ка, потянем. — Малахов взялся за край рыжего свертка и вытащил его из-под корпуса развалины, которая много лет назад была холодильником. — Слышь, помоги!

Сталкер нехотя подхватил второй конец рулона. Так вдвоем, ступая чуть боком, они подтащили его к машине.

— Теперь из этого нам надо сделать рукав. — Малахов раскатал рулон по земле.

— А ты можешь сказать мне, на хрен это все нужно?

— Ты в школе учился?

— Ну, учился, — не очень уверенно ответил Сухой.

— Тогда должен знать, что такое клетка Фарадея. Так?

— Так… — ответил Сухой с нотками сомнения в голосе.

Малахов подумал, что сталкер учился в средней школе плохо. Или не то учил.

— Ну и хорошо, тогда помогай!

Сетку развернули на земле. Малахов достал из инструментального ящика, прикрепленного в углу багажного отделения, пассатижи. Несколько разрезов проволоки — и от сетки отделен кусок длиной в три метра.

— Держи ее так — краем к дуге. — Малахов показал сталкеру, что именно нужно делать.

Пока Сухой, морщась от напряжения, держал сетку, Вадим прикрепил ее к опоре верхнего багажного блока. Получился паланкин, накрывающий машину. Потом Малахов скрутил сетку так, что она сложилась на крыше, как завернутые поля шляпы, и закрепил куском веревки, добытым в том же неисчерпаемом багажном отсеке. Концы веревки он бросил в кабину.

— Теперь давай к подстанции. — Малахов дождался, пока сталкер нарочито неуклюже забирался в кабину, и опять бросил машину в стремительный рейд. Через мгновение они уже стояли в десяти метрах от высоковольтных конструкций. Вадим поставил машину задом к подстанции, невдалеке от опоры высоковольтной линии, идущей параллельно забору.

— Выходи, — скомандовал Малахов. — Сейчас мы тут устроим лабораторную работу по физике.

Он, не заглушая двигателя, подошел к капоту «Патриота», раскрепил трос лебедки, спрятанной под бампером, и зацепил крюк за высоковольтную опору. Потом, подумав, подобрал валявшийся на земле кусок ржавой арматурины и плотно вогнал ее между крюком и швеллером опоры.

— Так. Заземление вроде получилось, — удовлетворенно сказал Вадим. Он отряхнул руки от ржавчины и чешуек старой краски, покрывавшей опору, и повернулся к сталкеру. — Теперь

стой и смотри. Если мы не вернемся — нажмешь на этой штуке красную кнопочку. И положишь здесь на землю. Это вроде тревожного маячка. — Вадим протянул Сухому небольшую увесистую коробочку, у которой была одна-единственная красная кнопка. — Но только когда убедишься, что мы точно не вернулись. Часа через два, не раньше. Понял?

— Не тупой, понял, — хмуро ответил сталкер. — Только оттуда никто никогда не возвращался. Она мертвой хваткой держит все, что получила.

— Это мы еще посмотрим. Тебя, оптимиста, послушать, так никто ниоткуда не возвращался.

Малахов, вернувшись на водительское место, набрал команду на пульте управления компьютером. Обтекаемый ракетный блок на крыше, чуть поднявшись над опорными дугами, развернулся на сто восемьдесят градусов и перешел в боевое положение, выдвинув красные носы ракет наружу.

— Ну что, поехали, — пробормотал Вадим себе под нос, вжимая педаль газа потихоньку в пол. Турбина плавно запела.

Сразу две ракеты ударили по фигурному бетону, снеся напрочь две секции забора. Словно сорвавшись с цепи, над подстанцией опять поднялись голубые молнии. И, разбившись на десятки призрачно светящихся сеток, плазма осветила отдельные участки подстанции. У ржавого трансформатора проступили две расплывчатые человеческие фигуры. И тут на экране монитора заднего вида Малахов увидел, что сталкер, пятясь, тихонько уходит со своего места.

— Блин, не Зона, а базар какой-то. — Малахов рывком открыл дверь и, не заглушая турбины, сделал пару шагов к Сухому. — Ну, ты, следопыт! Куда чешешь? Сказали тебе, стой, не двигайся!

Потерев ладони одна о другую, Вадим сделал легкое движение рукой в сторону сталкера. Тот схватился за виски, словно его ударили по голове. Потом вернулся к штырю с тросом и сел рядом.

— Сиди и следи, чтобы не выскочило! Урод!

Машина, рявкнув на форсаже, ринулась к пролому. В два прыжка по кочкам, словно антилопа, «Патриот» подлетел к людям у опоры. Малахов распахнул дверцу и, дернув за веревки, развернул сетку, накрывая пространство между машиной и столбом. Над ним истерически танцевали и бесновались молнии зелено-голубого огня.

— Клава, ты как? — Малахов потряс женщину за плечо. Клавдия отозвалась немедленно, сбросив невольное оцепенение.

— Уходим, Вадим, мы уже еле держимся, Тельбизу хуже

всего, у него психозащита совсем слабая.

Вадим, не говоря ни слова, подхватил Германа и увлек его под защитой сетки к машине, за ними последовала Клава. Малахов положил Геру на заднее сиденье, вернулся и легко поволок обратно к машине сетку, как будто это не пятьдесят килограммов железа, а много раз стиранная, мягкая простыня. В последний момент, закидывая сетку на крышу, Малахов все-таки соприкоснулся с жалящим языком молнии. Но только зашипел, тряся обожженной кистью. Он был уже в машине, и особого вреда дуга нанести не могла. Тихо зажужжала лебедка, наматывая трос. «Патриот» не спеша проскользнул через разрушенный забор и застыл у вогнанного в землю штыря. Вадим вышел из машины, выдернул заземление, предварительно покачав металлический прут, посмотрел на Сухого, все еще сидящего с отрешенным видом, и вернулся назад.

— Ну что? Все живы? — Откинувшись на водительском кресле, Вадим смотрел на потолок внедорожника, словно хотел найти там ответ на свой вопрос. — Пока обсуждать не будем. Нам еще Тимура искать.

— Сейчас, секунду. — Клава заканчивала инъекцию каспарамина Герману.

Вадим в это время уже занялся проверкой всех систем электронной поддержки. Техника отзывалась веселым писком — приборы были в полной исправности.

— А Тимура не видать, — пробормотала Клава. — Связь отсутствует, чип не отзывается. Или он далеко отсюда, или…

— «Или» у нас не бывает! — отрезал Малахов. — Клава, где эта ерунда? «Сопилка»? Попробуем.

— Там, в «бардачке». — Клава уже закончила с лекарствами и проверяла пульс Тельбиза. Тот заметно порозовел и вообще выглядел неплохо.

Несмотря на особую конструкцию автомобиля, в нем был банальный отсек для неожиданных мелочей. Там и нашлась «сопилка».

Вадим посмотрел на артефакт, словно примериваясь, и тихо произнес:

— Тимур, слышишь?

Повисла тяжелая пауза. Все напряглись, ожидая реакции «зеленой сопилки». Внезапно тишину нарушил голос, четкий и живой, словно Рымжанов сидел прямо здесь, в кабине внедорожника.

— О! А оно работает! Ребята, вы где? У меня все в порядке!

Через двадцать минут, подобрав Тимура недалеко от того места, где они с Малаховым держали оборону, вся группа мчалась

сквозь упавшие сумерки в гостиницу, откуда выехали часов пятнадцать назад. Сухой, став молчаливым и угрюмым, тихо сопел на сиденье в грузовом отсеке. У него тоже были какие-то дела в гостинице.

Первый день в Зоне окончился. Разведка была проведена. Разведка боем.

ГЛАВА 7

Основная задача туристского отчета — передать максимум достоверной полезной информации о районе путешествия и о конкретных локальных препятствиях, В нем должны быть сведения о путях сообщения с районом похода, особенностях организации передвижения, заповедниках и пограничных зонах, естественных препятствиях, климатических особенностях и др. Отчет должен рассказать о том, как действовала группа, и содержать рекомендации для последующих путешествий.

Временная инструкция по составлению отчетов о туристских походах, путешествиях, спортивных турах. Составлена для туристов г. Москвы

Тетка в вязаной кофте не ожидала столь быстрого возвращения постояльцев. Возможно, вообще не ожидала, что она их увидит снова. Молча, не спрашивая ничего, глядя так, как будто у нее украли все деньги, положила на стойку связку ключей.

— И вот, молодому человеку тоже номер, пожалуйста! — мягко, но с нотками металла в голосе произнес Вадим, кивнув в сторону Сухого.

— Пятьсот. — Вахтерша безразлично пожала плечами и добавила еще одну связку.

— У меня нет столько, — шепотом произнес Сухой.

— Считай, это мы тебе платим за помощь, — ответил Малахов. — Сам же учил.

— Так то, когда было. — Бесконтактное воздействие совсем изменило сталкера, похоже, он до сих пор был в легкой прострации. — Да и причем тут деньги.

Оказалось, что с момента отъезда никто в номере не убирал, и, судя по всему, на новое постельное белье рассчитывать не приходилось. Первые несколько минут вся группа сидела молча и приходила в себя, пытаясь осмыслить произошедшее за этот день.

— Ну что, начнем по порядку, давай Клава, ты первая, — начал Малахов разбор полетов.

Доклад руководству был готов через два часа.

Из архивов особого отдела при правительстве России.

Доклад группы «Табигон» от 14 10.2014. Сов. секретно.

Согласно ранее разработанному плану на начальном этапе миссии в Зоне Отчуждения проведена интенсив-ная разведка без применения специальных средств.

Первый контакт подтвердил информацию о предельной криминализации официальных представителей на границе Зоны. В дальнейшем, при выходе на начальный рубеж, группа была вынуждена осуществить техническое сопротивление лицам из организованных бандформирований. В итоге для сохранения мобильности было принято решение о раздельном продвижении группы с целью защиты основных технических средств.

Группа прикрытия в составе Тираторе и Доктора была вынуждена, несмотря на повышенную опасность, занять позицию на границе Рыжего леса. После силовой нейтрализации нападавших произошло столкновение с биоценозом Рыжего леса, что привело к тому, что группа прикрытия разделилась. Тираторе выдвинулся на воссоединение с основной группой, в то время как Доктор, войдя в доверительный контакт с биообъектами в районе леса, не имел возможности немедленно присоединиться к группе. Предварительные выводы говорят о том, что зона леса населена крайне мутировавшими существами с различными поведенческими моделями. В дальнейшем возможен контакт с отдельными группами, видимо, являющимися результатом симбиотических изменений человека.

Тираторе, для поиска группы использовал помощь сталкера Сухого, данные на которого были получены ранее. Часть группы (Танильга, Морзянка) была обнаружена на территории подстанции

в недееспособном состоянии. Состояние объяснялось, с одной стороны - мощным пси-воздействием неизвестного происхождения, с другой - риском поражения электрическими полями аномально высокой интенсивности. К сложному положению сотрудников группы привела неконтролируемая последовательность ситуаций, а именно: при выдвижении к месту встречи группа столкнулась с множественным подвижным артефактом типа «воронка», который заблокировал движение транспортного средства. Для ухода от прямого контакта с гравитационной аномалией группе пришлось покинуть транспорт и выйти из зоны аномалии самостоятельно. Группа была немедленно атакована большим количеством псевдогуманоидных объектов типа «main down», являвшихся, судя по всему, субъектами контроля источниками мощного психотронного излучения. Кроме, того пси-поле было применено и к членам группы. Основной удар психотронного электромагнитного импульса пришелся на Морзянку. При попытке ухода от излучения группа и попала в ловушку «Мерри Кристмас» в районе подстанции. Ловушка представляла собой мощный коронный разряд, возникавший на неработающих элементах подстанции. Во избежание травматизма решено было ожидать прибытия остальных членов группы.

При стимулированной помощи сталкера Тираторе удалось вывести членов группы из-под воздействия артефакта и воссоединиться с Доктором.

Выводы по результатам пассивной разведки.

1. Повышенная агрессивность бандформирований по отношению к группе свидетельствует о возможной утечке информации о целях и задачах группы.

2. При дальнейшей работе группы имеет смысл привлечение обитателей участков Зоны, ранее фигурировавших как недоступные (Рыжий лес, возможно, Кладбище техники).

3. Вызывает тревогу активность в районе подстанции, возможно, спровоцированная мощным источником ионизированного излучения неизвестного происхождения. Желательно провести очистку подстанции техническими средствами вплоть до уничтожения.

4. Во избежание препятствования работе группы необходимо произвести внешнюю спутниковую разведку Зоны и уничтожение очагов локализации бандформирований.

5. Считаем целесообразным продолжить работу с привлечением скрываемых до настоящего момента потенциалов группы.

Резолюция руководителя центра:

Объявить выговор отделу подготовки операции. Руководителя

службы безопасности Центра понизить в звании и заключить под стражу до момента обнаружения канала утечки информации. Виновных наказать по всей строгости внутреннего устава.

Продолжить работу группы с применением всех возможных средств. В ближайшие шесть часов перебросить в расположение группы спецсредства для уничтожения подстанции. Бандформирования засечь и уничтожить после выведения внедренной агентуры.

Подпись

Генерал-полковник…(неразборчиво)

Заметка красным карандашом на поле документа: «Что за жопа новый год? Кто так готовит операции? По завершении миссии - группу ко мне на прием».

Президент Российской Федерации…(подпись неразборчива)

— Ну что, лиха беда — начало? — Вадим осмотрел своих товарищей, которые расселись на койках тесного гостиничного номера. — Только, надо сказать, больше так рисковать не будем. Даже если этого будут требовать инструкции.

Гостиничный номер мало подходил для оперативного совещания, но выбирать не приходилось. Мягкие пружинные сетки кроватей не позволяли сесть удобно, а единственный исправный стул уступили Клаве.

— Ну, больше голым профилем на ежа переть не будем, — окончательно пришедший в себя Гера даже пошутил. — Это я принимаю с энтузиазмом.

— В оригинале немного не так, — ответил Малахов. — Если честно, идея проводить разведку боем, без реальной защиты, мне не очень нравилась с самого начала. Но начальству виднее. Сейчас надо отдохнуть, дождаться заброски и приступать к основной задаче.

Вадим похлопал себя по карманам куртки и извлек пачку сигарет. Он вопросительно глянул на Клаву и, получив молчаливое согласие, закурил.

— Может, с этим сталкером по душам побеседовать для начала? — спросила Клавдия. — Он, правда, квелый какой-то.

— Упирался рогом, вот и пришлось его слегка пугануть, — усмехнулся Малахов. Он сделал первую затяжку и стал растерянно искать пепельницу. Естественно пепельницы не нашлось. Вадиму пришлось, скрипя кроватью, встать и соорудить фунтик из листка бумаги.

— Не слишком ли ты его? — улыбнулась Клава.

— Да нормально, иначе он бы до сих пор думал, что можно

мозги парить и творить все, что ему вздумается… — Вадим положил недокуренную сигарету и, не говоря ни слова, вышел из комнаты. Через мгновение он вернулся в компании с Сухим. Неизменного плаща на сталкере уже не было, видавшие виды камуфляжные брюки дополняла пижонская курточка с множеством карманов.

— Давай, сталкер, посиди с нами, поговорим. — Вадим подтолкнул гостя к свободному месту.

— Разговоры у вас странные, и накурили тут, курцы… — буркнул Сухой.

Сталкер осмотрелся.

— Ты же сказал, что не куришь? — спросил он Малахова. — Или мои побрезговал брать?

— Понимаешь…, — замялся Вадим. — Ситуация тогда была сложная. А меня курение расслабляет, а не сосредотачивает. Да и вообще, что за допрос?

Малахов неожиданно разнервничался, он корил себя за то, что, сам не понимая почему, он сообщил тогда, на развалинах знака, что не курит, что сейчас стал оправдываться перед этим следопытом. Что вся миссия идет через пень-колоду. Вадим в сердцах затушил сигарету о подошву и кинул бычок в распахнутую форточку. Окурок, ударившись о раму, упал на колени Герману. Сухой же, демонстративно вытащив сигарету из пачки, лежащей рядом с Малаховым, продолжил:

— Я в Зоне сколько лет хожу — ни разу в ловушку не попал, а у вас, видать, свои ловушки коварные. Таких в Зоне нет! Чем ты меня двинул? — Он осмотрелся и, не найдя свободного места, сердито взгромоздился на тумбочку.

— Первый вопрос не чем, а за что! — Малахов был категоричен.

— А за что? Я что, на смерть идти нанимался? Я вообще не нанимался! — Сухой приходил в себя, и его голос становился жестче. — Ты что, нанимал меня? Нет!

— А у вас в Зоне все только за деньги работают и по контракту? — спросил Тимур. — Или вы все-таки иногда друг другу помогаете?

— В Зоне нет друзей, в Зоне есть интересы и хабар. А как только друга тут заведешь — все! Считай, работа кончилась. Нельзя в Зоне дружить.

Сталкер в запале даже рубанул воздух рукой. И неудачно зацепил свернутый фунтик-пепельницу. Фыркнув, стал отряхивать свою одежду от пепла и сломал незажженную сигарету.

— Да, хмуро тут у вас, — протянул Гера, — ну да ладно. Вот

ты нам скажи, что про Гасло знаешь?

— Да что я знаю, — буркнул Сухой. — Сталкер, как и все. Не хуже, не лучше. Только вот после последней ходки — все.

— Что все? Где он сейчас? — спросил Малахов. Простой вопрос взбесил Сухого. Он соскочил с

тумбочки, бросился бежать куда-то, но, ударившись коленом о железный угол кровати, зашипел и остановился. Словно набравшись сил от этого демарша, сталкер резко, тыча пальцем в Вадима, закричал:

— Не найти вам Золотой Сферы! Не найти! Сказки это! Вот и Гасло нашкодил где-то с той группой и прячется теперь. А то пришел было, пальцы веером, тут в корчме заливать стал, что теперь он весь золотом обернется. А потом скис и пропал! И так со всеми было!

Нельзя искать несуществующее! И нельзя так с друзьями поступать: как нашел что-то, так все сразу — грязь из-под ногтей! — Закончив, Сухой схватил с кровати Вадима пачку сигарет и, выщелкнув одну, поджег с помощью неведомо откуда извлеченной зажигалки. Закурив, Сухой опять залез на тумбочку с видом победителя. — Так, подожди, ты с ним говорил лично? — спокойно спросил Малахов.

— Да нет, мужики рассказывали, — уже нормальным тоном ответил Сухой. Он курил глубокими затяжками, уже совершенно не стесняясь стряхивать пепел на пол.

— Какие мужики, показать можешь?

— Сухой не закладывает никогда.

— А ты и не закладывай, — мягко произнесла Клава. — Ты посмотри на меня, разве мне надо, чтобы меня кто-то закладывал? Вот смотри, я сейчас вот так пальцами щелкну, и вообще никто никого закладывать не будет.

Клава говорила ровно, подстроившись под интонации Сухого. Сталкер сначала глянул на нее, вроде как «чего ты, женщина, вмешиваешься», но взгляд отвести уже не смог. Клавдия щелкнула пальцами, Сухой вздрогнул и широко улыбнулся.

— Сухой, ты ведь понимаешь, что мы никому не желаем зла… — тихо и уверенно говорила Клава. — Ты ведь видел — мы же нормальные люди, всем хотим добра. Так ведь? Нормальные?

— Нормальные, — кивнул Сухой.

— И ты нормальный человек. Так ведь?

— Нормальный, — согласился сталкер с энтузиазмом.

— Так почему бы тебе не ответить на наши вопросы. Нам-то всего и надо — с человеком познакомиться. Это же нормально?

— Нормально, — как попугай опять ответил Сухой.

— А сигареты без спросу брать и курить в присутствии

женщины тоже без спросу — нормально? — не выдержала Клава.

— Ничего не понял, что у меня спрашиваете-то? — Сухой растерянно оглянулся, столкнувшись с неразрешимым вопросом.

— Вот посмотри. — Гера ткнул пальцем в небольшой монитор, который он держал на коленях.

На экране было изображение с видеокамеры, установленной в корчме. В том самом поломанном телевизоре, что стоял в углу. Изображение было отличное — и цвет, и звук. Зал был полон народу, видимо, сегодня был удачный день в общепите.

— С кем из этих мужиков Гасло разговаривал?

Сухой затушил сигарету о тумбочку и, оглянувшись, запустил бычок в открытую форточку. В форточку он тоже не попал, заставив Тимура отряхивать волосы, как будто там застряла оса.

— Вон у окна сидит. Тяга. — Сухой ткнул пальцем с черной каймой под ногтем в экран. — А вот это Буза. Сука.

Буза сидел спиной к окну и слушал сидящего напротив мужика в ватнике. Сам Буза был в дорогом верблюжьем пальто кремового цвета, с пошлым перстнем на указательном пальце. Разрешения камеры хватало, чтобы оценить все в мельчайших деталях.

— Ну что, надо пойти поговорить с народом? — предложил Тимур. -• Чего, кстати, сегодня так людно?

— Так сегодня как раз перекупщик был. — Сухой удивился такой несообразительности.

— Был-был, помню, — проговорил Малахов, вспоминая, как его обвел вокруг пальца сталкер.

— Вот народ и гудит. Буза сам явился. Видать, ему теперь люди нужны после того, как вы его… Так, мужики, но если он вас увидит, то…

— Говоришь, «бабкина шляпка»? — Малахов извлек из кармана куртки артефакт, найденный на развалинах знака.

— Так оно только на неподвижном человеке работает, — заметил Сухой. — А что вы задумали — я не очень понимаю.

— Дай-ка. — Тимур взял у Малахова артефакт и без всякого спроса водрузил его на Клаву.

— Вот видите, пока сидит, ее не видно. — Сухой гордо оглядел присутствующих. — Как шапка-невидимка.

— Ну, кому невидимка, а кому шапка. — Рымжанов снял с головы Клавы «шляпку». — Ну что, Клава, по-моему, это простой психоблок, непонятно, как он может такой ерундой запускаться?

— Да, интенсивность поля впечатляющая, — кивнула Клава. — Не будем заморачиваться, что да как, на это есть эксперты в Центре. Зато нам подспорье!

— Сухой, а у Бузы охрана есть? — спросил Гера. — Или он

сам тут?

— Охрана всегда есть, он их обычно снаружи оставляет. Припрется в корчму, они типа сами сначала проверят, как и что внутри, и снаружи ждут, — скривился Сухой.

— А если кто из постояльцев в корчму зайдет? Он что, не боится?

— Откуда мне знать? — фыркнул сталкер. — На улице я не раз видел, как его машина с братками стоит, а вот внутри… Откуда мне…

— Слушай, Сухой, вот ты же сталкер, так? — В голосе Малахова чувствовалось легкое раздражение. — Гайки, там, кидаешь, все на десять шагов вперед в Зоне видишь, любую ловушку носом чуешь, так ведь?

— Ну так… — протянул Сухой. При этом он насупил свои кустистые брови, словно собирался обидеться.

— Так что же ты, как лох последний, то меня кидаешь в Зоне, тот тут сопли жуешь? Как только бандит на горизонте, ты — голову в песок. Как понять? Я думал, сталкер — это в первую очередь мужик! А ты…

— Мне семью кормить надо, хабар брать. Ради чего я должен тут перед вами распинаться? И нет у меня делов с Бузой, плевать мне, где он своих телков ставит.

— Логично, — заключил Гера. — Так и будем тебя считать — вольным охотником за аномальным калом.

— А по мне как хотите — так и считайте! — рассердился сталкер и демонстративно отвернулся к мутному от пыли окну.

— Все, хватит базара. Гера — отдыхать. Клава, мы с тобой идем в столовку, надо поговорить с Тягой. Тимур — разберись с охраной. Стесняться не надо. Клава, ты можешь с этой «шляпкой» поэкспериментировать?

— Проще простого. Молодой человек! — Клава нарочито сладким голосом обратилась Сухому. — Вы меня видите?

Пока Сухой поворачивался из позы униженного и оскорбленного к Клаве, та водрузила «шляпку» себе на голову.

— Не вижу, но я знаю, что вы под «шляпкой».

— А сейчас? — Клава прошла в другую часть комнаты и убрала артефакт.

— Лихо это у вас, а говорят, что эта фигня только на неподвижного человека действует, — хмыкнул сталкер.

— Тренироваться надо! — ответила Клава. — Ну что, Вадим, пошли!

— Тимур, ты первый, — скомандовал Вадим. Он достал из набедренной кобуры оружие, осмотрел его. Потом отработанным до автоматизма движением пристыковал к пистолету глушитель.

ГЛАВА 8

Сидя за столом, не придвигайтесь к нему слишком близко, но и не отсаживайтесь слишком далеко. Не облокачивайтесь на стол. Светский этикет только дамам позволяет ненадолго опереться о стол запястьями рук. Не разговаривайте с полным ртом. Не жестикулируйте, особенно если у вас в руках столовые приборы.

«Девочки, книга для вас. Правила хорошего тона». Издательство АСТ. Киев, 2011

Тимур тихой тенью скользнул в приоткрытую дверь. Через несколько секунд за ним вышли Вадим и Клава. В конце коридора они увидели уткнувшегося носом в угол здоровяка. Видимо, это и был тот самый охранник, который сторожил вход в корчму со стороны гостиничного коридора. Но против Рымжанова у него не было шансов. Подготовка в Центре подразумевала наивысший уровень владения боевыми искусствами. Малахов глянул на Тимура, стоявшего рядом со стойкой регистраторши, которая, похоже, ничего не заметила. Жестом показал — «оставайтесь пока на месте» — и вышел на улицу.

Прямо у порога гостиницы стоял грязный белый лимузин «хаммер». Дверцы были распахнуты, а внутри сидели несколько человек неприятной, даже в сумраке салона, внешности. Один из них немедленно выскочил наружу и подошел к Малахову.

— Тебе чего надо? — наглым голосом спросил охранник.

— Да вот, подышать вышел. Весна же! — беззаботно ответил Вадим.

— Шо ты мне мозги паришь? Тебе выйти разрешили? Вам же всем, ушлепкам, сказано было час назад — сидеть-баяцца! На землю, руки за голову, я кому сказал! — Охранник двинулся к Малахову с совершенно определенными целями.

Вадим сделал неуловимое движение рукой, так чтобы пола куртки чуть отошла в сторону, обнажая кобуру.

— Руки! Кому я сказал! — Бандит кобуру увидел, но не испугался.

— У меня к тебе и твоим друзьям предложение. — Малахов спокойно глядел на охранника и не собирался ни «руки на голову», ни «лежать-бояться». — Сейчас вы все немедленно сваливаете отсюда. Считаю до трех.

— Да я тебя! — зарычал бандит.

Что он собирался сделать, выяснить не удалось, В лицо бандиту смотрел ствол. И калибр оружия не оставлял никаких иллюзий.

— Медленно повернись ко мне спиной, — процедил сквозь зубы Малахов, — и иди к своей машине.

Но тут Вадим увидел, как сидящие в джипе бандиты оживились и неловко в тесноте салона полезли за оружием. На мгновение Малахов отвел ствол от вышедшего наружу охранника и одну за другой послал четыре пули внутрь «хаммера». Его пистолет работал практически беззвучно, небольшой глушитель полностью гасил звуки. Воспользовавшись тем, что Вадим отвел пистолет от его лица, первый бандит потянулся за своим оружием. Церемониться с ним Малахов тоже не стал. Потом он вернулся в здание гостиницы и кивнул своим друзьям — путь свободен. Первой в корчму проникла Клава, укрытая от чужих взглядов «шляпкой». Следом за ней вошли Тимур и Малахов. Не останавливаясь, они сразу же направились к столу, где сидел Буза. Тот, естественно, не ожидал, что в корчму кто-то войдет без его разрешения. Буза попытался резко встать, но неведомая, как ему показалось, сила вернула его на место. У него за спиной уже стояла Клавдия и контролировала все движения бандита.

— Так, мужик, дай поговорить, — не очень вежливо попросил Малахов человека, который сидел рядом с Бузой. — Только не надо!

Тимур успел ударить собеседника Бузы по руке. С тяжелым стуком на пол упал револьвер. Тимур без всякого уважения выволок за шиворот мужика в ватнике из-за стола. Тот, деморализованный, особо не сопротивлялся.

— Не надо шалить — мы поговорить пришли. — Малахов обыскал строптивого мужика и, убедившись, что другого оружия у него нет, несильно толкнул его в сторону от стола. — Иди, товарищ, выпей чаю за другим столиком.

Буза все это время сидел мертвенно бледный. Мелкий царек, вынесенный на бандитский трон обстоятельствами, он давно уже привык к положению хозяина, которого боятся холопы. А эти люди пугали его. Они его совершенно не боялись, и кроме того, Буза понимал, что это они вчера уничтожили его банду за

несколько секунд. А может, он понимал, что сейчас и ему вполне может прийти конец.

— Ну вот что, Буза, садись здесь. — Вадим указал бандиту место напротив окна и сел за столик так, чтобы его лицо оставалось в тени. — Поговорить надо.

Деморализованный бандит, не отводя глаз от Малахова, пересел на соседний стул.

— А ты понимаешь, фраер, что ты дальше этой столовки и шага не сделаешь? Не знаю, как ты вошел, но выйти тебе мои ребята не дадут. — Буза от страха не мог говорить нормально и попытался запугать собеседника сам. — Ты что, мля, ваще, за поц такой? Турист столичный, что ли?

— Я тот, кто твоих людей сегодня утром положил у железки. Ты же сам уже это понял. — Вадим смотрел прямо в глаза Бузе, стараясь следить за его психологическим состоянием.

Бузе стало совсем страшно. До тошноты. У него забегали глаза в поисках помощи со стороны. Но помощь не приходила.

— Чего тебе надо от меня? — буркнул бандит.

— Нет, это я хочу знать, что тебе от меня надо. С каких таких кренделей ты почти всех своих людей, да еще две «вертушки» наемные на меня с друзьями пустил? Вы так всегда туристов встречаете? Тебе хабара жалко?

— Приказ был, — хмуро выдавил из себя Буза. Потом помолчал и спросил: — А барлоговцев тоже ты?

— Да сколько там тех барлоговцев, — усмехнулся Малахов. — А Барлоге что, тоже приказ был?

— Нам всем приказали. Дальше знака — не пускать.

— Как-то слабо верится, что вам, таким крутым, здесь, в Зоне, может кто-то приказы давать.

— Много ты знаешь. — Буза сверкнул глазами. Во взгляде мелькнули злоба и беспомощность.

— Так кто приказал?

— Я щас все брошу и скажу тебе, да? Мне жить охота! А ты, шустрый, видать, не совсем понимаешь, куда приехал. Стреляешь быстро? Так найдется, кто побыстрее тебя курок давит. — Буза почувствовал, что его сразу не будут убивать, и, как любой другой бандит, решил, что это проявление слабости противника. А раз так — надо нападать, хотя бы на словах.

— Ну, не говори. Хотя непонятно, чего ты боишься, что я могу сделать твоему боссу? Ведь если он таким, как ты и Барлога, приказы отдает, видать, власти у него много?

— Ни хрена ты не сделаешь! Думаешь, Зона — это бабские по… посиделки? Думаешь, мы ради хабара, что эти сталкеры гребут, тут сидим? Работа у нас тут! Работа. Чтобы такая сявота,

вроде тебя, не залезла куда не следует. И начальство у нас есть. Только далеко сидит!

— Уж не Сферу сторожите ли часом? — Малахов сам удивился этой догадке.

— Не твое дело. Вали отсюда, пока цел! — Буза решил, что он победил.

— Хреново вы ее сторожите, — продолжил Малахов. — А тебе, любезный, я так скажу. Сейчас ты тихо выйдешь отсюда, погрузишь своих телков бывших в машину и свалишь дальше, чем видишь. Понял?

— Это в смысле?

— На, посмотри. — Малахов отдернул штору с окна за спиной. Снаружи было хорошо видно джип и лежащий возле него труп. — Погрузишь и увезешь всех. И того, что в коридоре стоял. Незачем тут разводить колумбарий.

— Ну, ты влип, точно. — Буза резко вскочил, словно собирался порвать руками всех присутствующих. Но, не увидев страха у врага, никем не удерживаемый, быстро вышел из корчмы.

— Не уберет, сволочь, — пробормотал Тимур и отправился вслед за бандитом.

Рымжанов остановился возле столика, где сидел давешний собеседник Бузы. Тимур сказал ему что-то краткое, и тот немедленно шмыгнул вон из зала.

— Ну что, Клава? Что скажешь? — Малахов привстал и пододвинул женщине стул.

— Хорошая игрушка. — Клава повертела в руке «Шляпку» и положила ее на стол. — «Жучок» я ему прицепила на пальто, так что теперь он далеко не убежит. А вообще мерзкий тип. Амеба, но с амбициями. А со Сферой ты угадал, он дернулся, когда о ней услыхал. Слушай, надо поесть нормально!

— Зина! — Малахов громко позвал официантку. Та, словно ждала сигнала, кинулась к столу.

— Чего изволите? — склонилась в ожидании Зина.

Вчерашний ужин научил Зину вежливости. А сегодняшний инцидент с Бузой вообще заставил Зину стать образцом услужливости.

— Так, нам ужин на троих, сама понимаешь, хороший. И еще в номер отнеси. И водочки. В номер — на двоих накрой, у нас там гость.

— Как скажете. — Зина попыталась сделать книксен и чуть не упала.

Через мгновение она вернулась с подносом, на котором лежали белоснежные салфетки, вилки, ножи и плетеная корзинка

с хлебом. Зина не очень ловко разложила приборы и так же стремительно скрылась на кухне.

— Вот за что я тебя, ценю, даже можно сказать, люблю, так за твое умение находить общий язык с обслуживающим персоналом. — Малахов развернул салфетку и положил ее на колени. Та была накрахмалена до хруста.

— А салфетки у них прямо гремучие. — Клава постучала своей салфеткой по столу. — В чем они их вымачивают?

— Не продолжай, — засмеялся Вадим.

Тут к ним присоединился Тимур. Он рассказал, что Буза и впрямь хотел бросить своих покойников и смыться, но Тимур вежливо настоял на первоначальном плане. Мужик, которого выперли вместе с Бузой, помог погрузить. Правда, Буза уехал без своего собеседника. Тот клялся, что он никакого отношения к Бузе не имеет, что у него свои, легальные, дела в Зоне и вообще он тут проездом. Впрочем, и ему Тимур маячок на ватник повесил, так, на всякий случай. Заодно Рымжанов поднялся в номер и сказал Тельбизу, чтобы он запустил мониторинг по маячкам.

Корчма, которая с момента прихода туда Малахова с товарищами хранила тревожное молчание, ожила. Присутствие бандитов, а потом и разборки с ними парализовали посетителей. Сейчас зал гудел, клиенты, в основном сталкеры, расслаблялись. За каждым из столиков весело болтали местные, громко произносились нескладные тосты. Посетители время от времени кидали любопытные взгляды на чужаков, но без всякой агрессии.

То, что сегодня в Зоне был перекупщик, сказывалось во всем. Для многочисленных и денежных по случаю клиентов было приготовлено особое меню. Такой же изысканный выбор предложили и Малахову с друзьями. Ужин начался с черной икры, которую Зина принесла в хрустальной вазочке на льду. Водка была не в стеклянном, а тоже в хрустальном графине. Хлеб свежайший, с хрустящей корочкой. Потом что-то ароматное в кокотницах, бараньи отбивные и воздушное пюре. Прибежавший ближе к концу ужина хозяин предложил за счет заведения киевский торт, который сегодня привезли прямо из фабрики имени Карла Маркса.

— А что, разве фабрика называется не «Рошез»? — спросил Малахов.

Киевский торт на всем постсоветском пространстве оставался всегда экзотикой. Но события последних двадцати лет приучили людей к тому, что настоящий торт делается только «Рошезом», а остальное — подделка.

— Ну как можно? Кондитерская фабрика в честь

повешенного? — Хозяин делано всплеснул руками. — Вы знаете, в Киеве все старые названия вернули. И улицам, и площадям! А вы давно в Киеве были? Говорят, как унию с Россией подписали, так на Крещатике опять стало хорошо! Даже жлобья нету, как раньше! Вы знаете, я так этот город любил, но пришлось уехать перед войной. Вот заработаю здесь на квартиру и вернусь. Всю жизнь мечтал на Левашовской жить.

— Спасибо, несите тортик, — перервал Тимур словоохотливого корчмаря.

Тот понял и убежал на кухню давать указания.

— Ну что, может, с Тягой побеседуем? — Клава все это время краем глаза следила за сталкером, которого показал им на мониторе Сухой. — А то спать уже охота.

— Тимур, не пригласишь ли товарища к нам на кофе? — Малахов кивнул в сторону окна, где Тяга уныло цедил пиво.

— Запросто! — Тимур легко встал и, чуть прихрамывая, пошел к столику. Он склонился на секунду возле сталкера и что-то ему сказал. Тот с достоинством кивнул и как ни в чем не бывало продолжил пить свое пиво.

— Они сейчас допьют и соизволят. — Тимур вернулся на свое место.

— Что с ногой? — строго спросила Клава.

— Да ерунда, в лесу поцарапался. Саднит слегка, надо потом продезинфицировать. Ерунда.

— Так, Тимур, немедленно в номер, анализы сделай и обработай. — Малахов был категоричен. — Мы тут сами разберемся.

— Да ерунда, Вадим! И тортика хочется, — отшутился Рымжанов. — Я ведь врач, понимаю, что к чему!

— Врачу — исцелися сам! Тимур, если ты хромаешь, это уже не шутки! Давай. А тортик мы тебе принесем.

Тимур сделал вид, что сильно расстроен, и ушел в номер.

Сталкер Тяга подошел к столу минут через пять. Скорее всего выдерживал паузу для важности.

— Я Тяга. Я точно знаю, где можно хороший хабар найти, — протянул он руку Малахову. На Клаву посмотрел как на пустое место. — А Сухой что, с вами уже не ходит? — продемонстрировал осведомленность сталкер.

Тяга был мужчиной лет тридцати. Его бритый по сталкерской моде череп покрывала тонкая вязаная шапочка. Армейские брюки с множеством карманов были почти новые, а вместо берцов, в которых тут щеголяло большинство, на нем были желтые ботинки, судя по фирменному клейму — «Катерпиллер». Да и куртка-ветровка поверх натовского свитера у него была не из

дешевых. Щегольская амуниция говорила о том, что дела у сталкера идут хорошо.

— Я беру из хабара все, что мне нужно. Еще вам остается. И сто баксов в час, — сообщил сталкер. Тяга говорил резкими, рублеными фразами, тоном, не терпящим никаких возражений.

— Сядь. — Малахов кивнул на свободный стул. — Мы о другом хотим поговорить.

Тяга не стал возражать, однако чувствовалось, что он недоволен. Пришлые не были обычными клиентами, как его и предупреждали другие сталкеры.

— Ты с Гаслом знаком? — Малахов дождался, пока Тяга устроится за столом.

— Ну, допустим, знаком. Тут вообще все со всеми знакомы.

— Как его найти?

— А он хочет, чтоб его нашли? — Тяга говорил, глядя в пространство и не желая встречаться взглядом с собеседниками.

— Говорят, у него проблемы какие-то? — Вадим не ответил на вопрос.

— А кому сейчас легко? — философски процедил сталкер.

— Ну, мы бы с ним встретились, и ему стало бы легче, — в разговор вмешалась Клава.

Сталкер перевел безразличный взгляд из никуда на Клавдию. При этом он смотрел на женщину так, будто только что ее увидел. Клава держала за черенок блестящую кофейную ложечку и слегка раскачивала ее, как маятник. Тяга словно приклеился к этим однообразным движениям глазами.

— Ты же понимаешь, мы здесь для того, чтобы помогать людям, мы ведь свои. — Голос у Клавдии был монотонным, без каких-либо эмоций или оттенков. — И для тебя очень важно, чтобы мы и тебе помогли, и твоему товарищу важно.

— Важно, — не отводя глаз от ложечки, ответил Тяга. Напора, с которым он начал беседу, в его голосе уже не было.

— Ну вот и помоги своему товарищу, ведь у него сейчас проблемы, а ты ему поможешь.

Малахов в какой-то момент и сам почувствовал непреодолимое желание все бросить и срочно помогать всем сталкерам, находящимся в затруднительном положении. Но немедленно стряхнул с себя психологическое оцепенение. Он знал, на что способна Клава.

— Ты с нами поговоришь, мы свои, нам ничего ни от тебя, ни от Гасла не надо, а потом ты пойдешь и Гаслу поможешь. Правильно?

— Правильно. — Тяга с радостью согласился с очевидным.

— А куда ты сейчас пойдешь?

— Помогать Гаслу, — весело кивнул сталкер.

— А где он?

— У него берлога есть. Он раньше нормально жил, а теперь совсем в Зоне поселился. И никого не водит. Повел одну группу, она потом пропала. Вернулся такой… странный. Сначала говорил, что теперь все хорошо будет, а потом — все.

— Вот это надо Гаслу передать от нас. Передашь? Оно ему поможет.

Клава протянула Тяге спичечный коробок. Внутри него среди спичек был спрятан маячок.

— Отнесешь?

— Отнесу, это же поможет Гаслу.

Малахов с удовлетворением отметил, что Клава полностью контролировала психополе сталкера.

— А вот сейчас ты пойдешь на свое место, закажешь себе еще пива. Как тебе его принесут, ты сразу же забудешь о нас и о нашем разговоре. Ты будешь только помнить, что надо завтра пойти и помочь Гаслу. Вставай и иди!

Тяга немедленно поднялся и направился к своему столу. Там он все так же отрешенно постучал пальцем по пустой пивной кружке, привлекая внимание официантки. Зина принесла перемену пива. Тяга, как только увидел полную кружку, встрепенулся, словно получил щелчок по носу. И увлеченно продолжил поглощать кислую «Оболонь», словно это был редкий английский «Белый орел».

— Легко работать, если у человека установки правильные. — Клава улыбнулась. — Тяга — мужик, в общем, добрый и, наверное, на сталкерский манер порядочный. Так что раскрутить его оказалось крайне просто. Всегда бы так.

Тут принесли тортик и кофе.

ГЛАВА 9

Фирма «Биоток». Осуществляет деклопацию тараканов на дому у заказчика. Антикризисные цены.

Из объявления

Тимур смотрел на данные из микролаборатории и морщился.

— Что-то не так? — Герман подошел сзади к Рымжанову и заглядывал через плечо.

— Я даже и не знаю, что не так. — Тимур ткнул пальцем в дисплей. — Анализ крови показывает отсутствие воспаления, но с другой стороны…

— Что с другой стороны?

— Да, кажется, там что-то не так с софтом. Эта байда не распознает мою кровь. — Тимур в сердцах нажал кнопку перезагрузки.

— В каком смысле? — не понял Гера.

— Ну, у нас-то все собственные параметры тут по многу раз забиты, и анализатор сам по себе отслеживает изменение в крови каждого члена группы. А тут… Дает анализ и не говорит, что это я. Эти чертовы программеры вечно глюкавый софт на миссии грузят.

Экран погас и через секунду опять засветился, показывая, что система перезагружена. Но результаты на экране остались неизменные.

— Давай мы наверх передадим — они сами проверят, что к чему, — предложил Тельбиз.

Гера включил главный коммуникатор и, получив от Тимура флешку с данными, сбросил результаты анализов в информационный канал. Скоро пришло подтверждение из Центра, что данные приняты и отправлены для изучения в соответствующий отдел.

Покончив с анализами, Тимур решил перебинтовать ногу. Сначала, шипя как кошка, он содрал старый бинт. Рана уже практически не кровоточила, воспаления не было. Удовлетворившись внешним осмотром, Тимур залил рану заживляющим гелем и, подождав, пока он засохнет, на всякий случай наложил новую повязку. К тому времени, как из корчмы вернулись Клава и Малахов, с процедурами было покончено.

— Вот тут вам кондитерское изделие, от хозяйских щедрот. — Вадим держал в руке большую тарелку с тортом. — Налетай!

От десерта никто отказываться не стал, торт разрезали на кусочки и, пристроив тарелки на тумбочках, дружно принялись за сладкое.

— Сейчас наша задача — отследить, куда ринулся Буза. Я думаю, Центру данные о его местоположении пригодятся. — Вадим покосился на сканер.

— Угу, — ответил Гера, занятый шоколадным цветочком. Потом проглотил и продолжил уже внятно: — Мониторинг уже включен. Секунду.

Гера открыл крышку ноутбука, в который сводились все данные с «жучков».

— Вот трекинг. Буза сначала проехал километр, потом остановился. Судя по учащенному дыханию — вытащил своих телков. И выбросил… Бандитва.

— Мертвыми Зона сама займется. Ночью, — подал голос Сухой.

— О! Искатель! — воскликнул Тимур. — Ты так тихо сидел, что мы о тебе и забыли!

Действительно, сталкер все это время тихонько сидел в углу комнаты, не выдавая своего присутствия ни звуком, ни движением.

— Я вот книжку читал. В тумбочке нашел. Интересная, только непонятно ничего. Какие-то Бр. Стругацкие. — Сухой показал потрепанную книгу. — Вроде про Зону пишут, но ни капли правды… Но забавно.

— Вот что, Сухой, ты возьми тортик и иди себе спать, у меня к тебе утром дело будет. Заплатим. Поможешь? — спросил Малахов.

— Смотря что за дело.

— К Гаслу отведешь?

— Это куда идти?

— Ну вот утром и узнаем. Договорились?

— Утром и договоримся, — подытожил Сухой.

Сталкер подошел к десерту, долго выбирал и наконец сгреб самый большой кусок с кремовой розочкой. С тортиком в руках гордо удалился.

Дождавшись, когда дверь за сталкером закрылась, Малахов вышел на связь с центром.

Москва. Центр исследования аномальных явлений. Протокол операции «Чистое небо». 18.10.2014

После получения данных по перемещению руководителей бандформирований «Барлоговцы» и «Бузовцы» в районе Зоны повышенных аномалий было принято решение по зачистке территории от упомянутых преступных группировок. Необходимость форсированного вмешательства в ситуацию была связана с обеспечением работы группы «Табигон» в Зоне. Как показали агентурные данные, бандформирования, контролируемые извне, были мобилизованы для физического уничтожения «Табигона». Силами группы на одном из членов бандформирования были установлены системы аудио- и позиционного наблюдения. С помощью этих технических средств были получены данные о местоположении участников формирований и проведен аудиомониторинг.

Из данных не удалось получить информации о структурах, контролирующих бандформирования. Однако тот факт, что задача на уничтожение «Табигона» не была отменена и контроль над бандформированиями установить не представляется возможным, а также с учетом того, что миссия «Табигона» становится крайне актуальной, принято решение о проведении силовой акции.

Для операции были использованы силы оперативной поддержки Центра в составе двух вертолетов К-60 в спецоснащении. Поражение целей осуществлялось с привлечением сигнала с датчиков позиционного наблюдения для вывода боевых единиц на цель и систем инфракрасного сканирования для непосредственно поражения. Операция заняла восемь минут и шестнадцать секунд, потерь нет. Бандформирования уничтожены полностью.

Тельбиз как завороженный следил за показаниями сканера. На экране отражался графический мониторинг операции по уничтожению бандитов. В компьютере одни значки на мониторе гонялись за другими. И догоняли, после чего отметок становилось меньше. Через несколько минут все было кончено. Картинка на мониторе сменилась таблицей, в которой были приведены сухие цифры отчета. Столько-то боезарядов израсходовано, столько-то литров горючего потрачено, общий трафик цифрового обмена, число деактивированных целей. Даже тогда, когда все кончилось, Гера не смог отвести глаз от монитора.

— Это все словно жуткая компьютерная игра, — хмуро произнес Тельбиз. — Особенно страшно, когда понимаешь, что каждая погасшая отметка на экране — убитый человек.

— Во-первых — это бандит, — ответил ему Тимур, — а во-

вторых, если бы не эти погасшие отметки на мониторе сегодня, нет гарантии, что завтра твоя метка тоже не погаснет у кого-нибудь на мониторе… На войне как на войне.

— Но ведь война кончилась давно! — возразил Гера.

— Они нам объявили войну сами, — вмешался Вадим. — Причем войну на уничтожение. И особенно мерзко, что воюют они за деньги. Надо только еще разобраться, за чьи. Мы не шли сюда убивать, и то, что случилось сегодня утром, это не наша задача и не наша цель. Нам что надо было — поднять руки и сдаться там, еще у знака? А подумай, если легенды о Золотой Сфере — правда, попади он в руки этой сволочи… Просто теоретически представь.

— Но ведь мы не дали им права на выбор. — Гера все не мог успокоиться. — Может быть, они бы с радостью согласились положить оружие и разойтись по домам?

— А чего же они раньше не расходились? Держали всю Зону в страхе, сталкеров доили. Или, может, надо было их всех поуговаривать, покормить из ложечки амброзией? Сразу видно, Гера, ты хоть и хороший человека, а программист. Мало с людьми дела имел. Не надо рефлексией и морализаторством в служебное время заниматься. — Малахов улыбнулся. — Нам нужна Зона, а не сброд, который тут мародерствует. Все, давайте спать, завтра с утра за дело. Да, Гера, ты поставь на запись треки с «жучка», которого на Тягу повесили. Вдруг он ночью вздумает к Гаслу отправиться.

— Да давно поставлено, командир! — Гера скривил физиономию: «мол, что я, не понимаю?»

Перед тем как окончательно лечь спать, Тимур зашел в гости к Сухому, тот все еще сидел с потрепанной книгой в руках и не собирался засыпать. Тимур пожелал сталкеру спокойной ночи и на всякий случай, уходя, подвесил и Сухому в пыльник «жучок».

ГЛАВА 10

Черная мамба одна из самых опасных и бесстрашных змей Африки. На самом деле очень страшно, когда перед тобой стоит черная мамба, которая широко развевает свою черную пасть и громко шипит, при этом делает броски в вашу сторону. Но не все истории, рассказанные местными жителями, очень правдивы, во многих из них присутствует вымысел.

«Big Snake», Интернет-портал «Экзотические животные»

За годы совместной работы все члены группы научились одной важной, но простой вещи — во время операции спать по приказу. Надо спать — значит надо спать. Никакие переживания и стрессы не должны мешать главному — полной готовности без потери сил и внимания продолжить назавтра работу. И на этот раз проблем с отдыхом не возникло ни у кого. Только Тимур среди ночи не выдержал и доел последний, самый большой кусок торта. Про себя подумал, что так можно и растолстеть. Но есть хотелось сильно.

Утро началось с того, что за окном расшумелись куры. Сначала тихо, словно птицы пристанывали во сне, глядя свои куриные кошмары. Потом птичье бормотание превратилось в какое-то дьявольское гудение, переходящее в крик. А потом возмущенный Тельбиз распахнул окно и еще не очень хорошо фокусирующимися после сна глазами стал высматривать этих проклятых кур. И вправду — под окном околачивалось несколько птиц. Они деловито гребли лапами в мусоре и при этом издавали совершенно не спровоцированные крики. Гера хотел было кинуть в них тумбочку, но потом понял, что все равно пора вставать.

Через двадцать минут надо было принимать груз из Центра. Новые, взамен утерянных в боестолкновении, коммуникаторы, боеприпасы и всякие необходимые мелочи, которые требуются в изменившейся обстановке. Подготовка шла спокойно и быстро,

каждый знал, что ему делать. Пока Гера проверял аппаратуру слежения и данные из Центра, накопившиеся за ночь, Клава приготовила кофе.

— Тут тебе данные пришли по анализам. — Гера встал, освобождая место у монитора Рымжанову.

Тимур, устроившись у экрана, внимательно прочел с экрана сообщение, прокрутил таблицы с цифрами и закрыл окно.

— Все нормально, — сказал Рымжанов в пространство и пошел готовить свою аппаратуру к работе.

— Нормально — значит хорошо, — пробормотал себе под нос Гера, вернувшись к компьютеру. — Так, «вертушка» с багажом на подходе, надо встречать!

— Гера, Клава — давайте вниз. Груза не много, справитесь. И я думаю, на КПП вас не тронут, — сказал Малахов.

Через несколько минут «Патриот» весело бежал по шоссе к той точке, откуда совсем недавно началась операция, — на вертолетную площадку. Казалось, что весна, которая их встретила в Зоне, подумала и распространилась на весь мир. Низкое солнце было приветливым, небо совершенно синим, без единого облачка. У КПП машину не задержали и даже не остановили. Просто загодя открыли шлагбаум, не желая связываться. Пара минут — и внедорожник лихо затормозил у диспетчерской вертолетного терминала.

На пороге стоял Сулима, лучезарно улыбаясь. Сегодня хозяин площадки, как японский божок, светился гостеприимством.

— О, проходите, гости дорогие, сейчас я тут чайку вам согрею. «Вертушка» только через пять минут будет, успеем поболтать.

— Нам не о чем болтать, — отрезала Клава.

Она прекрасно понимала источник фальшивого гостеприимства. Еще после первой встречи Сулима должен был понять, что с этими людьми нельзя ни хамить, ни жульничать. А после того как вчера вечером, словно тараканы под умывальником, были истреблены бандиты, диспетчер понимал, что за него уже даже теоретически никто не заступится…

— Вы не сердитесь. Это я почему тогда не послушал вас, — жалобным голосом вещал Сулима. — Это же я раньше был такой. Зависимый. Не сообщи я о том, что вы едете, меня бы потом бандиты — того!

— А теперь, значит, независимый и смелый, да? — Гера прошел мимо Сулимы и распахнул дверь в диспетчерскую. Убедившись, что там никого нет, вернулся к машине. — Не суетись, начальник, мы сейчас груз примем и уедем.

— Да что вы, что вы, — лебезил Сулима. — Как вам удобно. А

то, может, другой раз на чаёк заглянете? Я вам могу про сталкеров много интересного рассказать. Они же у меня все в кулаке, я могу с каждого что угодно стребовать. Они хабара столько утаивают и такое иногда находят…

Блеянье Сулимы прервал рокот тяжелого вертолета. Сначала он ворвался легким буботением, но через несколько секунд громада винтокрылой машины вынырнула из-за леса, и рев турбины и ротора стали оглушительными. Вертолет завис на секунду над площадкой, потом плавно коснулся колесами земли. Немедленно открылся боковой люк, и на землю полетели баулы с грузом.

— Надеюсь, они хорошо запаковали, — пробормотала Клава вроде как сама себе.

— Эй, на «вертушке», — Тельбиз взял в руки микрофон коротковолновой связи, — чего спешка такая?

— Срочно надо уходить! — проорали в ответ. — Есть опасность перехвата.

— Да сколько же можно? — в сердцах воскликнула Клавдия. — Что, опять бандиты?

— Ну, если тут бандиты на «Фантомах» шляются… — Гера смотрел на локатор дальнего обзора, где на самом краю экрана появились две точки с отметками опознавания.

— Ладно, ребята, удачи! Судя по всему, прикрытие к вам уже идет, — ответил Герман по рации и дал отбой.

Локатор уже светился целой россыпью воздушных целей. Кроме двух «Фантомов», в поле зрения появилась пятерка МиГ-35.

— Что-то наше появление очень раздражает вселенную, — буркнул Герман.

Дождавшись, пока вертолет набрал высоту и скрылся за лесом, Тельбиз отправился за грузом. Баулы были достаточно мягкие, весь груз упаковали в защитные мешки. Погрузка заняла не более десяти минут, и вскоре «Патриот» отправился в обратный путь. Стражи Зоны на КПП Лелив опять сделали вид, что не видят автомобиля. А от шлагбаума до гостиницы было всего ничего. Через пятнадцать минут все баулы были уже в номере, где шла подготовка к началу миссии. Уже не разведки, а к полноценному поиску главного артефакта.

— О, а Тяга куда-то навострился. — Тельбиз заметил, что «жучок» передал сигнал о передвижении. — Надеюсь, он не забыл, куда идти?

— Ну, у тебя могут быть сомнения? — спросил Тимур.

— Я в нашей Клаве не сомневаюсь, — улыбнулся Гера. — Она же и мертвого уговорит.

— Да помню, тогда под Луангпробангом…

— Так, хватить ностальгировать, дался вам этот Луангпробанг, — прервала разговор Клава. — Гера, давай быстрее коммуникаторы синхронизируй, мне пора машину проверять.

— Да-да, секундочку! — Гера быстро извлек комплект очков-коммуникаторов из прибывшего багажа и после того как разложил их на кровати, склонился над монитором компьютера.

— Модель новая какая-то, пижонская, а внутри то же самое, — пробормотал себе под нос Гера. — А это что за… Нас стало на одного больше! Еще один коммуникатор в сети!

— Где? — Малахов подошел к компьютеру и, пододвинув поближе стул, сел рядом с Германом.

— Вот, смотри. — Тот ткнул пальцем в таблицу.

— Да нет, я имею в виду, можешь ли ты найти координаты? Кстати, код в последнем столбце — это что?

— Ну да, я облажался. Это же серийный номер, это… — Гера пощелкал клавишами, переключаясь между окнами программы. — Это у нас Клава еще одна. Ее коммуникатор. У нас же все мейндауны позабирали. Но вот сигнал прямо из гостиницы идет.

— Картинка с коммуникатора передается?

— Сейчас… Ага!

На мониторе возникло изображение с потерянного коммуникатора. Это была дверь в корчму.

— Ну, ясно, у кого он? — улыбнулся Гера.

— Ребята, я с ней поговорю, да? — включилась в разговор Клава. — Мне все равно вниз сейчас идти. Гера, дай мой, и все время переводи на меня сигнал оттуда. Надеюсь, там не на прием включено?

— Да нет, слава Богу. Все потерянные коммуникаторы были сразу заблокированы. Слушай, а у меня есть мысль! Ладно, иди, Клава!

Устроив на носу очки, которые внешне выглядели весьма пижонскими, Клавдия вышла из номера. Возле тетки-вахтерши Клава остановилась и внимательно посмотрела сквозь решетку на хозяйку гостиницы. Та не обращала внимания на Клаву, созерцая мир сквозь темные очки-коммуникатор.

— Ну что, родимая, а ты знаешь, что красть не хорошо? — тихо спросила Клава.

— А ты поймала? — ничуть не смутилась тетка. — А за ложные обвинения можно…

— Что можно? — почти ласково спросила Клавдия. — Ты, родимая, наверное, так и не поняла, с кем дело имеешь? Откуда у тебя очки?

— Купила! — с истеричными нотками в голосе ответила вахтерша. — Знакомый подарил!

Внезапно она вскочила, словно обнаружила у себя под носом черную мамбу в период гона. Тетка заорала со всей мощью стокилограммовой туши и спряталась за стойку.

Клава озабоченно оглянулась. Страх вахтерши, животный и неконтролируемый, был Клаве непонятен. Она подошла поближе к стойке, наклонилась и спросила:

— Ты чего, с катушек слетела? Я что, кусаюсь? Тетка вначале сидела, скрючившись, прикрывая

голову руками. Но, услышав Клавин голос, она глянула наверх и стала с невероятной скоростью креститься, приговаривая что-то вроде «гспдипмилуй». Клава, не особо раздумывая, протянула руку сквозь решетку и сорвала с носа вахтерши очки.

— Больше так не делай! Ты же знала, что это наша вещь! Ты же запомнила хорошо, что мы с такими очками в Зону пошли!

Тетка, не вставая, кивала в ответ, соглашаясь со всем.

— И еще! Никогда не учи женщин — рожать им или еще что другое делать. Понятно? Пока, родимая.

Клава, сделав ручкой вахтерше, вышла из гостиницы.

— Не люблю вахтерш, еще с тех времен, когда в общаге жила. — Клава переключилась на прямую связь с группой. — Ребята, что вы вытворили? Признавайтесь.

В ответ Клаве раздался дружный смех, потом голос Геры сообщил:

— Ну, представь, смотрит тетка на тебя сквозь очки, а потом вдруг у тебя вырастают жвалы и рога. И язык длинный и красный к ней тянется… А потом она вдруг увидела ангела на небе. А потом ты у нее забрала игрушку.

— Ну спасибо! Очень смешная шутка! Я запомню, как ты меня изобразил! И припомню!

— Да не обижайся ты, — делано всполошился Тельбиз. — Это для дела! Мы же тебя любим! Даже со жвалами!

— Ты отныне будешь достоин любви только женщины со жвалами и ложногрудью из хитина! Все, не мешайте, я занята!

На самом деле Клава отключила связь, чтобы те не услыхали, как она смеется. Пусть подумают, что она обиделась.

— А Тяга шустро чешет! — Гера все это время не забывал поглядывать на треки передвижения сталкера. — Пора, видимо, Сухого поднимать тоже.

— Я сейчас! — Тимур легко подхватился, он был уже почти готов к выходу и дожевывал второй бутерброд.

Сухой прибыл незамедлительно.

— Вызывали? — Сталкер глянул на Малахова.

— Так что, хочешь с нами поработать? Нам твоя помощь нужна. — Малахов жестом предложил Сухому сесть.

— Проводник нужен? — спросил Сухой безразличным голосом. Так, словно вчера с ним и не говорили. Но на лице у него читалось торжество. Ведь все-таки без него не обошлись, у него попросили помощи.

— Да, мы тебе заплатим, как положено, ну и понятное дело, если хабар какой попадется — все по-честному. Но только куда идти — мы сами тебе скажем.

— Ну это только если туда идти можно, — кивнул Сухой.

— Вот и договорились. — Малахов протянул руку Сухому. — Гера, объясни ему ситуацию.

— Вот, смотри, как ты думаешь, куда этот человек направляется? — Гера ткнул пальцем в монитор.

Там на карту местности был наложен маршрут Тяги и сам Тяга был виден отметкой, которая еле заметно ползла по экрану.

— Ну это он, значит, сейчас до антенн пилит, — подумав, ответил сталкер. — Если там не остановится, то скорее всего до самой Рассохи будет идти. Или ехать.

— А почему именно туда? — спросил Тимур.

— Ну это ж небось сталкер идет. — Сухой ткнул в экран грязным ногтем. — А в том направлении интерес может только у Рассохи быть. Там кладбище техники. Кто знает и умеет, много чего там найти сможет.

— Ну хорошо, садись, поедем сначала к антеннам, а время покажет, куда дальше, — подытожил Вадим.

— Поедем, это оно хорошо, конечно, — с неудовольствием протянул Сухой. — Только всюду ездить нельзя. Есть места, где осторожно надо.

— Ну ты и скажешь, где надо, — согласился Малахов. — Ты же проводник. Тебе долго собираться?

— Да готов я, работа у меня такая. — Сталкер встал, готовый сию минуту отправиться в путь.

Впрочем, Гера и Тимур были тоже полностью готовы.

— Ну и отлично! Все на выход! — объявил Вадим.

В последний момент Малахов задержался и подобрал с пола большой лист упаковочного полиэтилена. Им был защищен от ударов груз в баулах. Это был тот самый пластик с пузырьками воздуха в ячейках. У регистратуры Вадим остановился и протянул все еще не пришедшей в себя тетке пластик:

— Вот возьмите, нервы успокаивает. Уже у самой двери он услыхал знакомый звук. Тетка усердно давила пузырьки.

ГЛАВА 11

В Советском Союзе разработан, а в РФ широко применяется способ психотронной обработки, который вследствие его технической особенности удобно называть сетевым, так как мощность биоэнергетического генератора вводится через систему фильтров непосредственно в бытовые сети (освещение, телефон, общая телевизионная антенна, радиосеть, охранная сигнализация и т. п.) жилого здания.

Авторизованный конспект сообщения на семинарах в Академии Нового Мышления 08.06. и 21.12. 1993 г. с дополнениями о методах самозащиты. Москва, Пятницкая ул., д… (во дворе) тел… ученый секретарь Р…ов Л…д Н…ич

Через несколько минут «Патриот», тихо урча турбиной на малой мощности, отправился в путь. Так же, как день назад, в какой-то момент внедорожник влетел в туман и, выскочив из него, попал в другой мир. Вокруг лежал свежий снег, укрывая заброшенные поля и сосновый лес невдалеке. Небо было затянуто облаками, готовыми в любой момент засыпать землю новыми порциями снега. Белое покрывало не только перекрасило все вокруг, оно еще и поглотило все звуки, делая окружающий мир уютным и тихим, как перед Новым годом. Пахло зимней свежестью, откуда-то издалека легкий ветерок принес запах дыма из печи, в которой пекли хлеб.

— И что же вы за люди такие? — раздался удивленный голос Сухого. — Вот как Зона вас встречает, никогда такого не видел. Ну, надеюсь, это к удаче.

— А тебя как Зона встречает, по-другому, что ли? — спросила

Клава, не отрывая взгляда от дороги.

— Ну, когда я один, здесь всегда осень. Я же тут свой, чего Зоне на меня внимание обращать? — В голосе сталкера чувствовалась легкая досада. — Я местный, чего ей передо мной выпендриваться.

— Ладно, не тоскуй, еще неизвестно, что нам этот снег готовит. — Тимур обернулся к Сухому. Тот согласился ехать только на своем старом месте, в багажном отсеке. Впрочем, оружие у него на этот раз никто не забирал. — Кстати, скажи, охота в этих местах вообще есть? Может, там, кабанчика завалить, шашлычок сделать?

— Ты чего это? — вмешался Тельбиз. — Пайка мало?

— Та знаешь, Гера, что-то мне вдруг мяса захотелось. Свежего, жареного. Я вот подумал, такие леса кругом, людей мало. Ну, сейчас мало. Так, может, не надо пайками питаться в дороге? И вправду, Вадим, может, вечерком того? Когда еще у нас такой случай выпадет? Вспомни, мы первый раз за все годы такой шанс имеем.

— На пенсии будешь охотиться, — ответил Малахов. — Что-то ты не о том думаешь. Вон уже антенны видать, Гера, где Тяга?

— Так это мы за Тягой едем? — раздалось из багажного отсека. — Так бы сразу и сказали! Он, сто пудов, на кладбище поперся. Он туда последние дни частенько наезжает.

— Да он мимо проехал и сейчас — по дороге через лес, — ответил Герман, сверившись с компьютером.

— Ну а я что говорил. — Сухой обрадовался. — Он до бетонки сейчас, видать, чешет, а потом направо свернет до Рассохи.

— А Рассоха-то и не Зона вообще, — возразил Тельбиз. — Это же вне границы отчуждения.

— Зона сама решает, где ей быть, — достаточно пафосно заявил сталкер. — Зоне захотелось, чтобы кладбище техники в Зоне было, — вот она туда и пришла.

— Прямо дама своенравная, а не Зона, — хохотнул Тимур.

— Еще раз про Зону пошутишь так, дальше сам поедешь, — неожиданно резко оборвал его Сухой. — Зону надо уважать.

— Слушай, а что, антенны работают? — не отрывая взгляда от дисплея, спросил Герман. — Вон сигнал какой-то шпарит. Что там у вас?

— Сами по себе, наверное, — ответил Сухой.

— Сами по себе только… — Тимур оборвал фразу, вспомнив предупреждение сталкера о шутках про Зону.

— Так, Клава, надо проверить, не нравятся мне такие сами по себе работающие антенны, — сказал Малахов. — Поворачивай,

посмотрим.

— Вот же народ беспокойный, — пробормотал недовольно Сухой. — Нет, чтобы ехать куда надо, и все. Туда нельзя на машине. Там места совсем не простые. Вот тут, сразу за поворотом, полянка есть, можно остановиться.

Машина свернула направо, по направлению к гигантским антеннам. Действительно, сразу за поворотом лес раздвинулся, образуя круглую поляну, расположившуюся симметрично по обе стороны дорожного полотна.

— Ну, пойдем пешком, всего-то километра полтора. Как раз Тяга до места доберется. Взять оружие и ручной сканер. Клава, остаешься с Тимуром, связь держать постоянно, из машины не выходить, огонь открывать без предупреждения, понятно? Кстати, Сухой, что ты скажешь об этом месте? Тут можно спокойно переждать?

Сталкер неторопливо выбрался из внедорожника и огляделся, словно искал что-то. Потом, не удовлетворившись результатами наблюдения, вытащил из пыльника гайку и швырнул ее в сторону опушки. Убедившись, что с гайкой ничего не произошло, Сухой сообщил:

— Тут место спокойное, если из машины не вылезать.

Проверив напоследок, что связь работает нормально, Малахов, Гера и сталкер отправились в сторону антенн.

Древний комплекс противовоздушной обороны, построенный в последние годы СССР, поднимался на горизонте величественной металлической конструкцией. Когда-то это циклопическое сооружение отслеживало события в небе далеко за горизонтом. Но потом все было брошено и оставлено тихо умирать. Почему эта мертвая конструкция вдруг показывала активность, было неизвестно.

— Сигнал стабильный, скорее всего эта ерунда работает как передающая антенна с синтезированной апертурой. — Гера по ходу сообщал данные сканера. — Судя по частоте переключения сигнала, постоянно транслируется какая-то информация.

— Ты можешь принять сигнал, идущий с антенны? Очень хочется послушать, может, это просто музон крутят, а мы зря суетимся, — спросил Вадим.

— Ближе подойдем, смогу. Излучение с антенны идет, судя по ее ориентации, в направлении блоков. — Гера ткнул пальцем в сторону уже хорошо видной гигантской конструкции антенны, напоминавшей скорее решетку, чем привычные тарелки. — Я попробую боковые лепестки засечь.

— Как только получится — надо передать в Центр на анализ. Что за сигнал, кому передают?

— А что за запах такой? — вдруг подергал носом Малахов. — Что-то в лесу издохло?

— Да, несет чисто конкретно, — согласился Сухой. — Наверное, тхуст пробегал.

— Кто? — удивился Вадим.

— Ну, зверь тут есть такой, местный, из мутантов, — пояснил Сухой. — Тут вначале вампиров развелось, а потом они совсем деградировали и измельчали. Зверь этот днем бегает и воняет — гниет на ходу. Разлагается, по-вашему, по-научному. От света.

Сталкер излагал так, словно перед ним были ученики, не выучившие самый просто урок.

— И долго он так бегает? — поинтересовался Герман.

— До ночи. Пока спать не ляжет. Ночью опять все у него отрастает, что сгнило, и опять весь день он бегает.

— Так чего он не бегает ночью, а спит днем? — спросил Малахов. — Удобнее же! Гнить не надо.

— Он днем пищу добывает, поскольку ночью ни фига не видит. Зрение у него плохое. — Сухой вдруг резко остановился. Знаком показал остальным — стоять-молчать. Потом вытянул руку в направлении леса, показывая на что-то пальцем.

Присмотревшись, Вадим и Тельбиз увидели, что метрах в десяти от них из-за ствола старой трухлявой ели выглядывает небольшой зверек. На таком расстоянии не было видно подробностей, но был он похож на енота.

— Тхуст, — еле слышно прошептал сталкер. — Затаился. Мышковал, видать, по снегу вдоль дороги, а мы его спугнули.

— Он опасен? — так же тихо спросил Гера.

— Нет, только вонюч.

— А чего тогда боимся? — продолжал Гера театральным шепотом.

— А мы и не боимся. — Сталкер тоже не повышал голоса.

— А чего шепчем?

— Вонять начнет, если быстро побежит!

— Так, прекратить бред сивой кобылы! — Вадим громко прервал шептавшихся. — Вы что, совсем ошалели оба?

Тхуст, или кто там выглядывал из-под елки, с тихим шорохом ринулся в чащу, явственно пахнув гнильем с примесью нашатырного спирта.

— Странно тут у вас, в Зоне, — Герман, не отрываясь от сканера, обратился к Сухому. — Словно природа не выжить хотела, а наоборот, проверяла, как себя лучше изуродовать.

— А природа тут причем, это все люди. Природе только смотреть и ойкать оставалось. — Сухой шел рядом, не отставая. — А с другой стороны, хабар откуда? Может, это природа нам

что-то подсказывает, может, хабаром этим она нам шанс новый дает?

— Ага, «сталькой» твоей помогает баблом набить карманы тем, у кого его и так выше крыши. Вот ты сколько ее натягал? Небось уже гору золота наделать можно?

— Так как же я ее использую, эту «стальку»? Кто меня выпустит с ней из Зоны? Любой артефакт можно вынести из Зоны только по лицензии, — уныло протянул Сухой. — Если там, за Зоной, с хабаром поймают, все, задница.

— Ага, вот и получается — спасение мира по лицензии. О! Сигнал есть. — Гера остановился. — Клава, ты слышишь нас?

— Да, конечно, ваши размышления тут уже всем надоели.

— Я тебе сейчас канал со сканера дам — ты сигнал в Центр на анализ передай, да? — Гера тем временем набирал необходимую команду на пульте.

— Уже идет в Центр, нет проблем! Просят десять минут на анализ.

— Ну что ж. Десять минут подождать можно. — Малахов осмотрелся по сторонам, ища, где бы присесть, обнаружил старое бревно и спросил у Сухого: — Вот скажи — на бревно это можно просто так сесть? Без гаек?

— Я бы, конечно, гайку кинул, но можно и так сесть, — ответил Сухой, внимательно осмотрев бревно.

— А кидать тогда зачем? — удивился Малахов.

— А если я гаек кидать не буду — кто мне за работу платить станет? — искренне признался Сухой.

— Хитер жук! А мы, значит, не заплатим? — рассмеялся Малахов.

— Да я вижу, вы — совсем другое дело. Только не пойму я, что вы за люди. Что-то в вас такое… — Сухой сам направился к бревну и, отряхнув с него снег, устроился на отдых. — Мне бы с вами за хабаром сходить, да потом вместе отсюда свалить…

— Это почему вместе с нами? — не понял Гера.

— Да тут уже все знают, как вы в Зону пришли да всех этих… — Сухой не уточнил, кого этих, — в бараний рог скрутили. Вы уйдете — вас никто пальцем не тронет. А нам тут под бандитами оставаться.

— А нету больше бандитов, Сухой! — с улыбкой сообщил Гера. — Помочили ночью всех их! Так что жизнь теперь только начинается!

— Побили, говоришь? Всех не перебьешь. Новые придут.

— Экий ты пессимист, — покачал головой Герман. — Так и жить неинтересно.

— Я просто опытный. А жить мне…

Как жить Сухому, узнать не успели — пришло сообщение из Центра. Оно было простым и кратким:

«Согласно дешифровке, сигнал с антенны содержит низкочастотную составляющую психотронного назначения. Настоятельно рекомендуем определить источник сигнала, подаваемого на антенну. После чего антенны и источник уничтожить, в связи с опасностью воздействия пси-поля на членов группы. Об исполнении доложить».

— Блин, кто у них там сообщения составляет! — разъярился Малахов. — Рекомендуем и об исполнении доложить. Хрен с ним, пошли!

— Клава, включи сканирование на наличие людей в районе антенн. — Малахов отдал приказ через коммуникатор. — Не хочется напороться на каких-нибудь новых героев.

— Чисто — здесь только железяки, — через мгновение поступил ответ. — Только, ребята, вы все-таки поосторожней.

— Постараемся, — буркнул Малахов.

Через сотню метров дорога повернула круто вправо, а в направлении военного городка, на территории которого стояли циклопические антенны, уходила еле приметная тропинка. Она очень скоро уперлась в кирпичную стену длинного одноэтажного строения. Стена была глухая, без окон.

— Это трансформаторные будки. Обходить лучше справа, надо было не на эту тропку сворачивать, а вперед чуть пройти, — сообщил Сухой.

— А ты чего молчал? — возмутился Тельбиз. — Ты же проводник!

— А вас разве поймешь, может, вам так больше понравилось, — с убийственной логикой ответил сталкер.

— Да из тебя проводник, как из меня… — Тельбиз не стал уточнять. — Ты хоть скажи — тут в будках нас ничего не ждет такого… милого, вроде там мейндаунов или протухсов.

— Тхустов, — поправил Сухой, ничуть не обижаясь. — А быть осторожным надо всем и всюду. В будках внутри звери могут сидеть. Зима ведь.

— Какие звери? Не темни, — спросил Малахов.

— Ну, если тут не шастал никто последнее время, то и йоптель может на зимовку залечь. Но они редки сейчас. Скорее всего кабаны могут приходить. Они часто на зиму желуди прячут в пустых, отдельно стоящих постройках.

— Ага, они в копытах натаскивают? Что ты паришь, сталкер? — не выдержал Тельбиз.

Гера надул щеки, чтобы было больше похоже на кабана, и стал изображать, как они, кабаны, тащат в копытах желудь в

тайник.

— Никто не видел, но народ знает — кабаны на зиму в старых будках по всей Зоне желуди прячут, — ничуть не смущаясь, ответил Сухой. — А народ — он все знает. Идите за мной, я зверя чую!

ГЛАВА 12

В этом разделе, анализируя весьма простую модель, мы получим приближенное соотношение между величиной D , частотой и длиной перескоков, не рассматривая проблемы случайных блужданий в общем виде.

«Диффузия в твердых телах», П. Шьюмон. Издательство «Металлургия». Москва, 1966

Прижавшись к кирпичной стене, Сухой медленно двинулся вдоль здания в направлении военного городка. Дойдя до угла, он сделал еще несколько робких шагов и вышел на бетонные плиты дороги, обходящей слева трансформаторные будки. Там зачем-то потопал, сбивая снег с ботинок, снял винтовку с плеча и занял позицию за деревом. Знаком он показал — мол, проходите за моей спиной. Малахов с Герой так и сделали. Когда они крадучись вышли на открытое пространство между будками, к ним присоединился и сталкер, все еще с оружием наизготовку. Он сжимал свой карабин в руках, всем видом показывая, что опасность крайне высока. Так, озираясь и не выпуская из рук оружия, прошли по дороге, ведущей прямо в развалины воинской части. Налево и направо уходила трасса, обрамленная пирамидальными тополями. Сейчас они были по-осеннему голыми и припорошенными нежным снегом. Но даже эта белизна не делала деревья менее тревожными. Пирамидальный тополь — плохое дерево.

— Ну и где твои кабаны? — спросил Сухого Гера. — Ни хрюканья, ни визга. В спячку впали? И скажи, с чего это трансформаторы гудят? Откуда тут электричество?

— Тебе бы все хиханьки, — буркнул Сухой. — А вот когда со стаей столкнешься — узнаешь. А что и отчего в Зоне — у нее и спроси. Надо ей, вот и гудят.

— Ты еще про йоптеля расскажи. Небось сам придумал?

— Ты у Томтома спроси про него, — зло ответил сталкер. —

Как ему такой йоптель руку откусил. Как бритвой срезало. А Томтом тогда далеко зашел, помощи не дождаться. Пришлось головешкой прижигать. Правда, все равно зря. Помер он почти сразу. Нашли его через год, прошлой осенью. Йоптель — он еще и ядовитый.

— А раз помер, так почему знаешь, что йоптель? — поинтересовался Малахов. — Может, ему кто другой руку оттяпал?

— Мужики говорили, а они знают! — многозначительно сообщил Сухой. Потом, подумав, добавил: — Я дальше не иду.

— Почему? — удивился Малахов. — Обиделся, что ли?

— Обижаться мне не на что, но дальше я не пойду. Там нехорошо, — отрезал Сухой. — Идите, если хотите, я тут подожду.

— Да объясни ты, наконец! — вспыхнул Герман. — Там что, аномалия? Мы сейчас шаг сделаем, и нас в порошок изотрет?

— Ну как объяснить слепому, что такое радуга? — неожиданно аллегорически ответил Сухой. — Если вы не чуете то, что чую я, то вам оно и не надо.

— Нет, ты все-таки попытайся, — с упором сказал Малахов. — Мы, дай бог, не слепые, поймем.

— Ну, это как запах, — с трудом подбирая слова, начал сталкер. — Только оно не пахнет, а в голове сидит. Словно зомби эти, мейндауны, толпой набежали. Только их тут не бывает. Так что оно, это…

— Я, кажется, понял, — сказал Герман. — Мы от антенны недалеко, вот его и достает психотронным полем. Вадим, давай я дальше один схожу, проверю, а вы с Сухим меня тут подождете, да?

— А почему один? Что за… — начал было Малахов.

— Я не знаю, как может подействовать поле на нас. И если что, ты постараешься меня вытащить.

— Хорошо, иди, — согласился Вадим и спросил у сталкера: — Сухой, ты уверен, что там, кроме этого запаха, как ты его назвал, ничего больше нет?

— Я что, на двести метров вперед вижу? Нет. Вот могу гайку кинуть. — Не дожидаясь ответа, Сухой извлек тяжелую гайку и с силой швырнул ее в сторону гаражей, которые угадывались сквозь редкий лесок.

Гайка, лихо просвистев, сбила снег с одной из елей и исчезла в хвойных лапах дерева.

— Вот до той елки — точно нет ничего. Но гайка на йоптеля не реагирует, — сказал Сухой.

— Да, достал ты своим йоптелем! — закричал Тельбиз. —

Почему ты раньше про него не говорил? С чего вдруг он тут должен быть?

— Он бывает там, где не ходят люди. Здесь мы никогда не ходим. Здесь искать нечего. Где нет аномалий, там нет и хабара. В таких местах зверь и селится. Хочешь, я тебе гаек дам? Пять. — Сухой на секунду задумался и добавил: — Нет, даже шесть.

— А чего не семь? Жаба давит? — язвительно спросил Гера.

— Туда надо еще раз пять кинуть и обратно раз, если вдруг что не так будет, а как выйдешь обратно к той елке, я и сам кинуть могу.

— А что же тогда шестую предлагаешь? — не успокоился Тельбиз.

— А вдруг ты одну поломаешь? — спокойно ответил Сухой. — Я что, зла тебе желаю?

— Ладно, убедил, — согласился Гера и сгреб с протянутой ладони сталкера гайки. Прикинув на вес, он запихнул их в карман брюк.

Потом, словно встревожившись, вытащил одну из гаек и стал внимательно рассматривать.

— Слушай, Сухой, ты хоть понимаешь, что у твоих гаек семь граней?

— Да? Семь? А сколько надо? — удивился сталкер. — Я гайки у Сидоровича всегда беру.

— А это кто такой?

— Ну, тут мужик с большой земли иногда наезжает. Гайками торгует. Тут все у Сидора гайки покупают. Он вообще в Зону переезжать собирается. Гаечную мастерскую хочет открыть.

— Да что за сумасшедший дом вообще? — возмутился Гера. — Как с утра куры стали камлать, так только полную дурь и слышу весь день.

— Так, Гера, успокойся, оружие проверь и давай, — приказал Малахов. — Связь держи непрерывно, можешь песенку напевать. Главное, я должен тебя все время слышать.

— Не беспокойся, мне сканер напряженность поля показывает. С таким уровнем, как сейчас, мне бояться нечего. Да и сам знаешь, нас этой хренью психотронной не сильно прошибешь. Ну, голова чуть поболит. — Гера переключил визуальную информацию сканера на очки-коммуникатор и, повесив сканер на разгрузку, достал из-за спины автомат. Передернув затвор и убедившись, что оружие в порядке, Гера двинулся в ту сторону, куда упала гайка.

Тонкий слой снега почти прикрывал хвою, но еще не скрывал рисунок иголок. Гера осторожно ступал, оставляя за собой черную цепочку следов. Петь на публику Тельбиз стеснялся, он решил

просто насвистывать.

— Нет, Гера, по твоему свисту не угадаешь твое состояние, — прозвучал в коммуникаторе голос Малахова. — Ты все-таки лучше пой.

— Вам же хуже будет, — ответил Гера и запел, вернее, закричал первую пришедшую на ум, песню:

Шла собака по роялю Туда и обратно!

— И вправду, когда ты поешь, кажется, что излучение тебя уже накрыло по полной, — прервал его Вадим. — У тебя всегда так со слухом круто было?

— Ну я же говорил, мне лучше не петь, — ответил Гера. — Вот лучше я стихи буду читать. Вот и лето прошло, словно и не бывало…

Герман читал с подвывом, как это делают поэты. Вкладывая в свой подвыв эмоции, которые обычно передают интонациями и выражением. Но это устраивало Малахова, и он молча следил за Герой. Сухому такая декламация не понравилась, и он покрутил пальцем у виска.

У елки, в которую угодила гайка, Гера остановился и осмотрелся. Впереди метров на тридцать в лесу раскинулась поляна, заросшая черным по осени бурьяном.

— Слушай, я вот что думаю, Сухой-то меня прокинул! Я, конечно, гайку далеко могу запустить, нет проблем, но я ни фига не увижу ее! Реже бросать надо!

— Сухой говорит, что надо, как кинул, гайку подбирать! — ответил после паузы Малахов.

— Слушай, Вадим, тебе не кажется, что для нашей оснастки это как-то несерьезно — гайки кидать? Может, лучше эти гайки на памятник пустить? Да с машины каждый сантиметр сканируется, Клава, ты слышишь, да?

— Да слышу я все прекрасно, — ответила Клава, — и на локаторе вижу. Чисто все. Если что не так, сразу бы сказала. И кабанов там близко никаких нет! Биокативность минимальна. Так, птички какие-то по веткам. А йоптель у нас, судя по всему, один. Сухим его зовут. Давайте скорее, а то тут Тимур жрать хочет. К пайку подкрадывается.

— Сухпай не трогать! — строго приказал Малахов. — Ждите, мы скоро. Гера, продолжай движение. И гайки все-таки кидай, не будем нарушать местные традиции.

— Ладно, есть не нарушать. Только вот… — Гера достал из набедренного кармана индивидуальный пакет, разорвал упаковку зубами и отмотал метр бинта. Он аккуратно привязал к обрывку гайку и сообщил Малахову: — Если уж не нарушать традиции, то я по старинке, с бинтом. Кстати — спроси у Сухого, почему они

гайки голые кидают? Видно же плохо. Чтобы потом проще про них мультики 3-дэшные снимать было? О славе будущей хлопочут?

— Гера, на тебя поле действовать начало? — спросил Вадим. — Что-то ты многословен стал.

— Достали просто эти гайки, извини. Да и вообще все достало. Ладно, пошел я дальше. Все, что сбыться могло, мне, как лист пятипалый…

Гера взял за конец бинта гаечную конструкцию и, сильно раскрутив, как пращу, пустил гайку в полет в направлении казарм. Фыркнув, гайка с бинтом пролетела по большой дуге и упала среди елок, только чудом не зацепившись за ветки.

— Вот так-то лучше, — в один голос сказали Герман и Вадим.

— Черт, мы от длительного общения начинаем просто петь дуэтом, — улыбнулся Малахов. — Хотя нет, дуэтом с тобой петь не получится. Продолжай движение, мы пока тебя видим.

Гера спокойно направился на границу поляны. Хотя что-то в полете гайки, вернее, в ее падении, его слегка смутило. Что, он еще не понял. Но уже в нескольких метрах от того места, где виднелся белый на белом бинт, стало ясно, что марлевый хвост завис в нескольких сантиметрах над землей.

— Странные тут артефакты. — Гера присел над бинтом и включил картинку с коммуникатора на передачу. — Видишь, Вадим, что за цаца?

— Да вижу, осторожно. Только откуда тут растяжка?

Бинт не упал полностью в снег, потому что повис на тоненькой проволочке. Осмотревшись, Герман увидел, что одним концом проволочка крепилась к колышку рядом со стволом молодой ели. Второй конец уходил направо, через несколько торчащих из земли стальных колечек. В итоге проволока оканчивалась на закрепленном на толстой сосне невысоком цилиндре зеленого цвета, диаметром сантиметров в сорок.

— Зацепи я эту растяжку — коридор метров в пятьдесят выдуло бы огненным валом, — пробормотал Гера. — Интересно, тут всюду такого натыкано? По всей Зоне?

— Сухой говорит, что растяжек не видел никогда. Можешь дать поближе картинку фугаса? — Вадим уже связывался с Центром. — Я хочу узнать, чье это производство.

В ответ на укрупненное изображение пришел немедленный ответ из Центра.

«Фугас тактический, устанавливаемый, входит в состав штатного оружия стран НАТО».

— Что-то много тут железа из НАТО. И те М16 у таможенников… — прокомментировал новость Гера. — Кстати,

проволочка не ржавая, все свеженькое. Надо внимательнее быть. Ну, спасибо Сухому за гайки!

— Он говорит пожалуйста, — ответил Малахов. -И еще он спрашивает, что такое биокативность.

— Ха, заметил! — раздался веселый голос Клавы. — Так скажи ему, это мы сами придумали.

— Это давно придумали, — сообщил Малахов сталкеру. — Обозначает степень враждебности биосреды. От итальянского *cattivo* — злой или вредный. Сначала просто опечатка в отчете была, ну и чтобы перед начальством в грязь лицом не ударить — придумали термин.

— Биологи, итить его, — буркнул Сухой. Тельбиз, запустив вперед очередную хвостатую

гайку, осторожно двинулся дальше. Хотя новых растяжек и не попалось, он вздохнул спокойно уже только возле автопарка. От негj до самой аппаратной была довольно широкая дорога, которая хорошо просматривалась и не таила очевидных опасностей.

— Как дела, Гера? — в очередной раз окликнул его Малахов. — Не стал еще зомби?

— Башка, конечно, побаливает, как в тисках жмет, — отозвался Тельбиз. — Типичное проявление психотронки, но терпимо. Так что, я думаю, мне бояться нечего.

Аппаратная, достаточно большое здание, когда-то набитое электроникой, охраняющей небо страны на дальних подступах, находилась у дороги с неизбежными тополями на обочине. Направо и налево от здания уходили галереи с кабелями, которые подавали сигнал к несуразно большой квадратной решетке антенны. Здесь, у самой антенны, уже явственно чувствовалось гудение, исходящее от излучателей антенны, похожее на гудение высоковольтных проводов.

— Приближаюсь к входу, — сообщил Гера. — Осталось пятнадцать метров.

— Да, мы картинку принимаем. Еще раз — осторожно!

— Я думаю, что тут побеспокоились о том, чтобы в аппаратной не было сильного поля, там я буду в безопасности.

— Гера, а почему ты решил идти сначала в коммутационную? — раздался голос Клавдии. — Я думаю, что…

— Все в порядке, Клава, я просто хочу проверить сначала, что там стоит. Иначе мне сложно будет понять логику работы этой байды, — ответил Герман. — Ведь вся система работает совершенно не так, как задумывалось много лет назад.

— Так, внимание. — Голос Тельбиза стал тревожным. — Вход в коммутационную явно переделан. Новая бронедверь,

подозреваю, есть скрытое видеонаблюдение, сейчас разберусь.

Гера снял с разгрузки сканер и переключил его на другой режим работы. Картинка распределения сигнала с антенны уменьшилась и уехала в левый угол монитора. На весь экран развернулась программа поиска электронных устройств в радиусе нескольких метров.

— Так, есть одна камера, сигнализация на двери. — Гера скорее говорил сам себе, чем докладывал. — Интересное дело. Артефакт, видать, сам себе двери новые заказал и поставил. Не люблю я такие умные артефакты.

— Ты в зоне видимости камеры? — поинтересовался Малахов. — Интересно, кто смотрит на картинку с нее?

— Да уж, интересно. Нет, я вне поля ее зрения, пока затаился. Сейчас мы нейтрализуем эту радость.

Герман перекинул инструментальный рюкзак на грудь и извлек из него небольшую ампулу — дымогенератор. Несильно размахнувшись, Гера бросил ее в дверь. Ампула с легким звоном лопнула от удара о стальную поверхность. Моментально вокруг входа в коммутационную заклубился белый дым. За несколько секунд он скрыл под белым покрывалом дверь в коммутаторную и ближайшие подходы к ней. Пока дым не рассеялся, Герман успел добраться до двери, установить на ней лепешку пластиковой взрывчатки и детонатор. Укрывшись за углом, активировал взрывчатку. Резкий хлопок ударил по ушам. Гера опять запустил сканер. Отметки близкого видеосигнала уже не было. Взрывчатка пробила не только дверь, но и уничтожила укрепленное на месте глазка видеоустройство. Путь в коммутаторную был открыт. Гера осторожно подошел ближе, ожидая от Зоны чего угодно. Взрывчатка разнесла центральную часть двери так, что точно посередине зияла дыра полметра в диаметре. Силы взрыва хватило даже на то, чтобы вывалить кусок стены в дверном проеме возле замка. Тельбиз взял наизготовку оружие и толкнул ногой ошметки двери. Она, гнусно скрипнув петлями, ушла внутрь здания и, уже почти открывшись, рухнула, подняв облако пыли с пола коммутаторной.

— Вхожу в помещение. Вокруг меня ничего странного нет, — доложил Гера.

— Все спокойно, только стая птиц с воплями полетела прочь от антенн. Напугал ты их, — отозвался Малахов.

— А что наш сталкер, спокоен?

— Да сидит тут, надутый как сыч. Не нравится ему, когда взрывают в Зоне.

— Ничего, пусть потерпит, я скоро закончу. Картинку принимаете?

— Да, отлично, давай заканчивай там, у нас еще дел полно, — поторопил Германа Вадим.

— Тут работы всего на пять минут.

Внутри коммутаторной было совершенно темно. Герман включил очки на усиление света, огляделся и обнаружил прямо у двери выключатель. Совершенно ни на что не надеясь, щелкнул им. В помещении, поморгав и сердито погудев, засветились лампы дневного света.

— Ишь ты, тут и вправду питание заведено. Откуда оно берется вообще?

— Ток от гудения трансформаторов на подстанции исходит. Такая логика Зоны, — пошутил Малахов. — А если серьезно, вопрос скорее в том, откуда на подстанцию он приходит. Ведь тут уже тридцать лет, почитай, как все отключено.

— Ладно, разберемся потом.

При свете было хорошо видно, что в самом центре помещения стояла громадная технологическая этажерка, уставленная металлическими ящиками. Скорее всего внутри ящиков находились приборы. С обратной стороны к этажерке подходило десятка два толстенных кабелей, подключенных к ящикам внушительными разъемами.

Герман подошел поближе к стеллажам и стал рассматривать аппаратуру.

— Так, тут, я понимаю, стоит совершенно странный коммутационный набор. Ничего общего он с «Дугой-1», что здесь раньше стояла, не имеет. Сейчас поковыряемся.

Беглый осмотр показал, что спереди эти ящики были закрыты съемными панелями. Отцепив от ремня складной набор инструментов — мультитул, Гера отвинтил четыре винта и легко снял крышку с одного из приборов. Внутри обнаружилась панель управления с множеством кнопок и небольшим, слабо светящимся дисплеем.

— Ага, я понял. Каждый из этих сундуков отвечает за один сегмент антенны. — Тельбиз постучал по дисплею пальцем. — И на экране показано, за какой конкретно сегмент антенны отвечает эта байда. Вот смотрите: решетка антенны изображена, а ее часть — красная — скорее всего показывает сегмент, на который от этого ящика идет сигнал.

Гера открыл еще один ящик — там был отображен другой участок антенны.

— Вот! Я правильно угадал! — обрадовался он.

— Гера, я разделяю твой восторг, но давай уже выключай эту систему, и пойдем, — вмешалась Клава.

— Не торопись, я должен понять, откуда этот сигнал на

коммутаторы идет, — возразил Тельбиз. — Иначе грош цена моей работе.

— Тут Сухой сказал, что ты маньяк, — сообщил Вадим. — Ты постарайся не сильно маньячить, да? Нет антенны, нет проблемы. Тем более что слово «байда» ты повторяешь уже сотый раз. Это говорит о том, что на твою психику сильно воздействуют. Сосредоточься!

Не трогая пульты управления приборов на стеллаже, Гера переключил сканер.

— Так, ясно. Сигналы на коммутатор приходят извне, только не могу разобраться в их системе. Такое ощущение, что они резко поменялись за последние десять минут. — В голосе Геры почувствовалась озабоченность. — Такое ощущение, что не только спектр, но и направление луча меняется.

— Гера, внимание, активизация биообъектов, — раздался сухой голос Клавы. — Судя по локации, они находятся на расстоянии около километра и движутся по направлению к тебе.

— Когда тут будут?

— Примерно через двадцать минут, если не изменят скорость. Будь осторожен!

— Да за двадцать минут я тут полностью разберусь, не волнуйтесь! Мне бы понять, откуда идет основной управляющий сигнал.

— Гера, может, шарахнуть по этой хибаре и забыть? Транклюкируем ее на хрен? — не выдержал и вмешался Тимур. — Давайте скорее. Жрать охота, дел полно. Еще Гасло смоется куда-нибудь.

— Ага, сейчас шарахнем, а потом на куче мусора будем гадать, как это работало и кому это нужно было. Давай, Гера, продолжай, — оборвал Тимура Малахов.

— Да продолжаю, продолжаю, — отозвался Тельбиз. — Судя по всему, на коммутационные блоки идут направленные сигналы, на гигагерцовой частоте, выхожу наружу, должен проверить направление.

Снаружи уже не было никаких признаков дымовой завесы. Под невысоким осенним солнцем тонкий снежок растаял, и вокруг чернела обычная осенняя слякоть. Присев на невысокий порог коммутаторной, Гера достал из заплечника небольшую складную, на манер зонтика, антенну. Присоединив ее к сканеру, он начал поиск источника сигнала.

— Сигнал четкий, сейчас точно определю направление. Юго-запад, передача идет узким лучом. — Гера двигался небольшим зигзагом в направлении сигнала.

— Кажется, я понимаю, что и откуда, — раздался голос

Малахова. — В том направлении находится еще один антенный комплекс, «Круг» называется, ничего более подходящего поблизости нет.

— Какое расстояние? — Гера остановился.

— Чуть меньше двух километров. — Клава сверилась по карте.

— Я пошел, — голосом, не терпящим возражений, сказал Герман.

— Давай по-другому, ты двигай по своему азимуту, а мы с Сухим сейчас присоединимся к тебе.

— Так он же рогом уперся, — удивился Герман. — Или ты его уговорил?

— Уговорил-уговорил, — ответил Малахов. — Давай топай, мы идем тебе наперерез.

— А что там наши гости? Я про тварей, что сюда двигались.

— Сохраняют направление и скорость, надеюсь, за вами не увяжутся, — немедленно отозвалась Клава.

— Гера, после главного здания поверни налево, лучше двигаться по основной дороге, мы туда подтянемся. — Малахов решил, что лучше встретиться пораньше. — И Сухой не возражает.

— Ну, привет нашему следопыту, пошел я. Герман убрал направленную антенну, сигнал был

вычислен и отфильтрован, дальше было достаточно датчиков сканера. Гера шел вдоль антенны, прислушиваясь к легкому потрескиванию тихого разряда вокруг ажурной конструкции. Голова практически перестала болеть, видимо, сказывалось изменение в спектре излучения антенны. Небольшое изменение структуры сигнала превращало его из грозного пси-оружия в обычный генератор шума, не опасный для человека. А для того, кто не восприимчив к пси-полю, он не вызывал уже никакой головной боли. Возле основного коммуникационного здания стало понятно, что придется изменить маршрут — свернуть налево не после, а перед полуразвалившимся строением. Видимо, карта, заложенная в компьютер, была не совсем точная.

— Я сейчас сворачиваю на основную дорогу, — сообщил Гера, — придется немного среди деревьев пройти.

— Осторожно, Сухой чего-то недоволен твоим маршрутом. Гайку кинь, да? — посоветовал Вадим.

Пошарив в кармане, Гера выбрал самую маленькую из гаек, подходящую для броска на короткое расстояние. С трудом пропихнул бинт в небольшое отверстие, прошел последний отрезок открытого пространства — до самого левого угла зияющего выбитыми окнами здания — и швырнул гайку на

тропинку, теряющуюся в тени деревьев. Прошуршав в почерневшей листве, гайка скрылась невдалеке.

— Вроде все нормально, — сообщил Герман. — Продвигаюсь.

— Давай, мы уже по ту сторону, на перекрестке тебя ждем. Увидимся через тридцать секунд.

Осторожно ступая по полуразрушенному асфальту, Гера пошел вперед. Сначала он хотел дойти до того места, куда упала гайка, мелькнув белым хвостом бинта. Но гайки там, где он ожидал, не оказалось. Что-то пошло не так. Но был уже виден просвет в конце тропинки, и до открытого места оставалось не больше двадцати метров.

— Клава, — тихо спросил Тельбиз, — что на большом локаторе вокруг меня?

— Все спокойно, ни полевых, ни биологических объектов, ни артефактов не наблюдается, — немедленно отозвалась Клава.

Герман, легонько надавив пальцем на дужку очков, опустил их на носу, чтобы осмотреться без помощи приборов. Прямо в лицо ему, глаза в глаза, смотрело чудовище. Словно изъеденный червями труп, восставший из сырой могилы, вышел на тропинку и встал перед человеком. Издавая злобное шипение, тараща белесые, с горизонтальными зрачками глаза, монстр поднял руку и протянул ее к груди Германа. Сердце на минуту остановилось и потом стало биться громко и неритмично. Будто ледяное копье пронзило грудь Тельбиза, заставляя его ринуться прочь от чудовища, прочь с этой тропинки, прочь из этого мира. Герман сделал шаг назад, и существо последовало за ним, вытесняя с дороги. Потом оно, издавая мерзкий хриплый звук, стало заходить справа. Гера молниеносно перекинул автомат из-за плеча и просто от живота выпустил очередь по чудовищу. На туловище монстра от метких выстрелов появились желтые пятна, и из каждого их этих пятен, издающих нестерпимое зловоние, вылетели небольшие существа. Они были не менее отвратительны, чем нападавшее чудовище. Мелкие твари устроили бесовский танец вокруг головы Тельбиза. Каждое их движение вызывало резкую головную боль, будто они пытались вязальными спицами проткнуть мозг.

— Герман, что случилось, почему стрельба? — раздался голос Малахова из коммуникатора.

— Вот же ж суки! — Герман плюнул и, не обращая внимания на чудовище, на кружащую над его головой мелкую сволочь, двинулся по тропинке. Словно через туман, прошел сквозь чудовище, которое медленно растаяло в воздухе. От эскадрильи летающих монстриков Герман отмахнулся, как от надоедливых комаров.

— Все нормально, — отозвался Тельбиз. — Сейчас расскажу.

Ничто не помешало Герману выйти из-под крон уснувших на зиму деревьев. Под открытым небом он свернул налево на широкую дорожку. Там, совсем рядом, стоя у тополя на обочине дороги, его ждали Малахов и Сухой.

— Что за шум был? — обеспокоено спросил Вадим.

Гера вкратце рассказал о монстре.

— Это контролер. Их бояться надо! — немедленно прокомментировал Сухой. Он был встревожен до крайности.

— Слушай, Сухой, видать, тот, кто эту хрень запускает, и хочет, чтобы люди боялись! А я не верю в призраков и бродячих контролеров с кондукторами. У меня талон на этот маршрут закомпостирован! Если никакими методами эта гадость не распознается, если я ее не увидел через очки, значит — это все в голове моей и не иначе. А зачем он меня с тропинки спугивал? На растяжки небось? Я, пока шел по этой тропинке, заметил несколько. Их вдоль дороги расставили. Мне только одно интересно, это что? Галлюциноген там распылен или что-то другое?

— Ладно, наверно, кто-то очень бережет эти места от нашего глаза. — Вадим успокоился и даже перекинул за спину свое оружие, которое он держал наготове, обеспокоенный стрельбой.

— Напугали вы меня, ребята, — отозвалась Клава. — Кстати, те объекты так и топают, не меняя направления.

— Ладно. Ну что, Сухой, давай веди. — Малахов кивком показал направление, и все трое зашагали по широкой дороге в направлении круговых антенн.

ГЛАВА 13

Для успешного написания приложений читателю следует овладеть тремя компонентами: язык программирования, система программирования (среда разработки и библиотеки), операционная система.

«Программирование на Visual C++.NET». Санкт-Петербург, «БХВ-Петербург», 2003

Из архивов особого отдела при правительстве России.

Личное дело номер 021.
Хранить вечно.
Количество экземпляров — один.
Заполнять ТОЛЬКО от руки.
Уровень допуска — ноль.
Имя: Тельбиз Герман Харитонович
Дата рождения: 12.09.1983.
Социальное происхождение: служащий.
Позывной: Морзянка.
Специальность: программист-аналитик.
Звание, открытое — лейтенант, пенсионное — полковник.
Образование: высшее, специальность: «Электроника и компьютерные системы».
Время привлечения в группу «Табигон» — 12 апреля 2001 года.
6 Кубатура сферы
Сергей Слюсаренко 162 S.T.A.LK.E.R.
Участие в операциях группы «Табигон»: 2001 -операция «09.11».
2004 — «Минский НЛО»
2005 — операция «Чат»
2006 — «Олгой-хорхой» 2010 — «Пьющий из ступы» Награды:

2001 — Почетная грамота Президента России 2001 — Орден Пурпурного сердца (США), «За заслуги перед Отечеством» третьей степени.

13 лет назад.

Школу Гера не любил искренне и всей душой. Но, понимая, что от нее никуда не денешься, ухитрялся хорошо учиться без какого-либо интереса. Однажды произошел перелом — у них в доме появился компьютер. Назывался он таинственным именем «Правец», и дисплеем у него служил телевизор. Самое главное — в компьютере были совершенно головокружительные игры вроде нашествия марсиан, а кроме того, в компьютер был зашит и настоящий язык программирования — «Бейсик».

Компьютер, надо сказать, купили совершенно случайно, он шел как нагрузка к тому самому телевизору. И родители, для того чтобы стимулировать у ребенка тягу к учебе, поставили условия — если Гера будет получать по математике одни пятерки, то компьютер отдадут в полное его распоряжение. Оказалось, что для мальчика получать отличные оценки не составляло особого труда, и у Геры началась новая жизнь. Хотя защищать Землю на экране телевизора было увлекательно, но возможность писать программы самому Гере казалась просто фантастикой. Сначала Гера решил сделать супертелефон, про который он читал в одном журнале. Он сразу понял, что наличие модема в простеньком компьютере открывает громадные перспективы, и первая его заработавшая программа позволила сделать фантастический по тем временам телефон с автоответчиком и автонабором. Потом от пацанов в школе он узнал, что можно не только просто звонить, но и еще определять телефон звонящего. И в один прекрасный день он на звонок отца с работы ответил первым «Папа, привет!», определив заранее, кто звонит. А потом… Ну потом был скандал с АТС, потому что Гера научился выходить на межгород, да так, что счета приходили совершенно другому абоненту. Дело замяли, и штраф был небольшим. Родители Геру не наказали, просто посоветовали не заниматься нелегальными заработками.

Примерно в это же время начался повальный бум компьютеризации, и Гера себя уже чувствовал неуютно без настоящего компьютера. Но откуда у пацана такого возраста две тысячи долларов на компьютер? Их даже у родителей не было и

быть не могло. Вот и пришлось записываться в компьютерный кружок. И хотя первое время там было не очень интересно, а руководитель рассказывал о таких прописных истинах, которые Герман знал давно, со временем Герман добился особого положения. Ему разрешалось делать все что угодно, правда, при этом помогать тем, кто ничего в программировании не понимает. Так и тянулась жизнь Германа — медленно идущие школьные занятия, а потом моментально пролетающее время в кружке. К концу учебы Герман был уже хорошо известен в молодежных тусовках компьютерщиков, мог написать драйвер к любому устройству и выйти в сеть из любого места. Без всяких проблем он поступил в Политехнический институт на специальность «Электроника».

Учеба давалась легко, благо подготовка у Геры была отличная. А со второго курса началась военка. И будущая военная специальность у Германа называлась «Системы электронной разведки». Эта электронная разведка увлекла его с невероятной силой. Несмотря на то, что большую часть времени на военке посвящали уставам и строевой подготовке, основная специальность тоже преподавалась очень хорошо. Конечно, аппаратура на кафедре была не просто древняя, а музейная. Транзисторный приемник считался уникальным прибором. Но Гера не пропускал ни одного занятия, изучая азы военной электроники.

Однажды во дворе здания военной кафедры, где обычно проводили строевые занятия, он заметил на крыше армейской будки на колесах странную конструкцию. Она напоминала антенну, но с кучей деталей непонятного назначения, расположенных на длинных плечах антенны. Куратор его взвода объяснил, что по просьбе руководителя одной из лабораторий института тут хранится прибор, который получился в результате выполнения одной хозтемы. Мол, завлаб — бывший полковник, просто подарил неработающую штуковину кафедре. В ней собирались хранить инвентарь по уборке плаца, но так и не собрались. А конструкция называлась гордо: «Радиоголографическая локационная установка с синтезируемой апертурой». Гера понимал смысл каждого из слов по отдельности, но в целом назначение конструкции не улавливалось.

Куратор, тот даже и не пытался понять назначения странной системы, спрятанной в военной кабине, но, сообразив, что любопытство Геры можно использовать с выгодой, принял мудрое решение. Он пообещал узнать у начальства, можно ли из этой штуковины сделать наглядное пособие. Выгода для куратора — самая прямая. Если у этого пацана получится сделать что-то,

мигающее лампочками и производящее впечатление на комиссии, то его похвалят за организацию научно-исследовательского военного творчества молодежи. А нет, так никто и не вспомнит… Как оказалось, полковник-завлаб уже давно умер, про установку забыли, и никаких формальных препятствий для того, чтобы отдать облезлую зеленую будку на растерзание студенту, не было.

Через день Гера получил ключи от висячего замка, запиравшего дверь кабины, казенный паяльник, две палки припоя и коробку с канифолью. Канифолью, правда, уже пользовались, была она почерневшей и некрасивой, но Гера не возражал. За научное рвение авансом было позволено пропускать занятия по строевой подготовке и даже семинары по уставам боевой и караульной службы. Поковырявшись минут десять с замком, Гера впервые вошел в отсыревшую и пропахшую плесенью будку, ту, которая впоследствии изменила его жизнь.

Сначала содержимое кабины напоминало свалку старых телевизоров. Куча проводов, самодельные блоки в самодельных же алюминиевых ящиках, тумблеры-выключатели, платы, набитые простыми логическими микросхемами. Но через неделю ужас непонимания прошел, и стала вырисовываться общая картина этой локационной установки. С помощью особых комбинаций электромагнитных импульсов эта конструкция должна была синтезировать особый набор сигналов, которые испускала антенна, а потом, получая отражение от объектов, можно было вычислить их объемный образ. Данные с приемников оцифровывались и выводились на перфоратор. Конечно, в те далекие времена о персональном компьютере еще не подозревали, и, судя по всему, именно здесь и оказался затык в конструкции.

Еще неделю Гера потратил на проверку цепей, чтобы при первом включении не устроить первомайский салют из коротких замыканий. Поразмыслив, Гера решил переделать и излучающе-приемные элементы. Он пробегал по радиорынку целый день и скупил облучатели от устаревших аналоговых телетарелок, чем обрадовал продавцов радиорухляди. Когда электроника была восстановлена, Гера притащил свой, по тому времени очень мощный ноутбук и начал придумывать систему сочленения, которая бы позволила замкнуть все системы локатора на компьютер. Это оказалось достаточно просто, во времена разработки антенны еще не догадывались, что можно легко управлять информацией не в десятках, а в тысяче каналов, поэтому через месяц работы Гера был готов к первому включению восстановленной и обновленной антенны. Правда, сложнее всего

было добиться разрешения на подвод питания к кабине. Толстенный кабель, ведущий от кабины к рубильнику, пугал начальство, в особенности инспектора по технике безопасности. Но куратор налил инспектору стакан самогона, и в один прекрасный вечер Гера, не колеблясь, нажал кнопку «ПУСК» на силовом блоке кабины. Мягко щелкнули десятки реле, запускающие отдельные электронные блоки, засвистели скоростные армейские вентиляторы охлаждения. Гера с замиранием сердца загрузил программу, контролирующую систему и обрабатывающую информацию.

Сначала картинка на ноутбуке была невнятная. Гера кое-что изменил в программе и уже через десять минут получил первые результаты. Локатор захватил несколько объектов на расстоянии примерно в километр. Глубину сканирования Гера задал программно. Вначале на дисплее появилась прерывистая полоска, но после включения сканирования по вертикали на экране монитора нарисовались внутренности какого-то здания. Судя по всему — учреждения. В картинке угадывались металлические ножки столов, трубы коммуникаций, приборы. Особенно удивило Геру, что в нижней части здания обнаружился склад оружия. Автоматы Калашникова в стойках угадывались легко. С восторгом и повышенным сердцебиением всматривался Гера в изображение. Он попробовал изменить параметры синтеза апертуры и смог переместиться на другое здание.

Гера так увлекся работой, что даже не слышал звуков, доносящихся снаружи. Поэтому, когда дверь в кабину распахнулась и люди в черных масках завалили его на пол, Гера от неожиданности даже не успел испугаться. На голову Тельбизу накинули черный мешок и моментально выволокли из кабины. Даже с завязанными глазами было понятно, что его усадили в машину и без всяких комментариев повезли… На его вопросы «Что случилось?» и «Кто вы такие?» ответов не поступало. Очень скоро машина затормозила, и Геру, не обращая внимания на его попытки брыкаться и требовать адвоката, затащили в помещение. Там с его головы содрали мешок. Герман понял, что он находится в маленькой камере. Никакого криминального опыта у Геры не было, и он решил, что его посадили в тюрьму. Один из двоих конвоиров, все еще остававшихся в масках, достал нож. При виде ножа Герман почувствовал себя совсем нехорошо, но охранник всего лишь перерезал зип-лок, которым были связаны руки Тельбиза. Потом конвоиры, храня молчание, удалились из камеры и заперли ее снаружи.

Гера громко чертыхнулся, вяло постучал каблуком в дверь, потом плюнул и улегся на откидную полку, которая должна была,

видимо, служить постелью. В голове роились мысли одна мрачнее другой. Но все-таки уверенность в том, что никакой вины за ним нет, победила, и Гера уснул. Проспал он до утра. Впрочем, утро можно было определить только по часам. К своему удивлению он обнаружил на полу возле двери поднос с вполне приличной едой. Это вселило хоть какой-то оптимизм. Не сильно задумываясь о том, что с ним будет дальше, Герман проглотил предложенный завтрак и стал ждать развития событий. Ждать пришлось долго. В какой-то момент нижняя часть двери распахнулась, и в камеру просунули очередной поднос, на этот раз с обедом.

— Эй, стойте, я ни в чем не виноват! — безрезультатно попытался Тельбиз докричаться до человека, который принес еду.

Скоро Гера начал злиться и нервничать. Безделье и непонимание происходящего выводили его из себя. Он уже почти дошел до точки кипения, но тут за дверью загремели запоры, и в камеру к нему вошел немолодой человек в штатском.

— По какому праву вы держите меня здесь? — Гера почти закричал, но моментально осекся. В гробовой тишине камеры вопрос прозвучал наивно и глупо. Как в плохом кино.

Гера, не дождавшись ответа, произнес еще более глупую фразу:

— Я же ничего плохого не делал, мне разрешили!

— Меня зовут Николай Петрович Лазненко, — представился вошедший. — У меня к тебе есть несколько вопросов.

— Да, — печально согласился Гера. Он понял, что на его вопросы отвечать никто не будет.

— Гололокатор с синтезируемой апертурой. Так называется то, что ты спаял. Совершенно секретная разработка Института спецсвязи из Питера, которая существует в данный момент в одном экземпляре, имеет разрешение в десять раз хуже и еще меньшее быстродействие. Ты знаком с их работами?

— Нет, — с испугом ответил Тельбиз. — Я просто… Мне интересно было… Там кабина такая…

— Эта кабина — бездарная разработка двадцатилетней давности. Она в принципе не могла функционировать.

— Ну да, не могла, я ее переделал. — Голос у Геры был унылым, он никак не мог вернуть свое психическое состояние в норму. — А что нельзя? Я же попросил разрешения у начальства. Оно даже обрадовалось.

— Можно-можно. — Лазненко улыбнулся. — Только ты совершил ошибку, которая, правда…

Николай Петрович задумался.

— Ты не хотел бы продолжить образование в другом месте? — задал он вопрос.

— В тюрьме? — В груди у Геры похолодело. — Но я же ни в чем не виноват!

— Да какая, к черту, тюрьма? — рассердился Лазненко. — Я тебе предлагаю продолжить образование в очень серьезном учреждении, по окончании которого ты можешь поступить на работу в не менее серьезную организацию.

— А если я не соглашусь? — все еще с опаской в голосе спросил Тельбиз. — Вы меня?…

— Мы тебя отправим в твое общежитие. Будешь учиться дальше, где учился. Будешь хорошим инженером. Скорее всего даже станешь сисадмином и, возможно, даже в большом банке. Но скорее всего ты лишишься одного.

— Чего? — встрепенулся Гера.

— Ты скорее всего не будешь иметь возможности видеть и сталкиваться с тем, с чем никогда не сталкивались люди. — Голос Лазненко был тихий и практически без эмоций. Только легкое сожаление проскользнуло. — И конечно, кабину эту заберут.

— А там мой лэптоп, — испугался Гера. — И я покупал на радиорынке всякое. И меня от занятий освободили.

— Ну, твой ноутбук никуда не пропадет, только уж извини — программу оттуда изъяли.

— Да прога — фигня, — слегка успокоился Герман. — Я таких прог понаписываю еще сотню.

— Я бы не советовал заниматься подобными работами, не подумав заранее. Не стоит делать приборы, которые видят далеко и глубоко.

— А как вы меня засекли? Ведь луч синтезированный, очень узкий, и расстояние-то было небольшое.

— Может, мы бы тебя и не засекли, — задумавшись на мгновение, ответил Лазненко. — Но ты зачем-то стал сканировать здание нашей организации. Зачем?

— Случайно просто, — ответил Герман. — Так у вас военная организация?

— С чего ты решил? — встревожился Лазненко.

— Автоматы у вас внизу, в стойке.

— Вот же. — Лазненко буркнул под нос что-то нецензурное. — Хороший ты прибор сделал. Нет, мы не военные. Что-то вроде вневедомственной охраны.

— Да? — Гера сделал кислую мину. — Так вы меня зовете в охранники?

— Ну… Считай, что охранять надо Землю. Человечество.

— А подробнее? — настаивал Герман.

— Давай сделаем так, — предложил Лазненко. — Тебе сейчас принесут программу обучения. А ты решай — нужно тебе такое

образование или нет. А вопрос о том, будешь ли ты после у нас работать и чем будешь заниматься, решим через год, по окончании твоего образования.

— Так мне еще три года в институте!

— У нас год за три считается, — успокоил его Лазненко.

Через год Герман Тельбиз был принят в группу «Табигон».

ГЛАВА 14

Телефоны «Иридиум» обеспечивают высококачественное соединение для голосовой связи и предполагают интерфейсное соединение с ноутбуками, «палмтопами», электронными органайзерами и другим телекоммуникационным оборудованием.

Система « Iridium » была введена в эксплуатацию 1 ноября 1998 года у а к 13 августа 1999 была доведена до банкротства. После чего была куплена министерством обороны США.

Из рекламного буклета

— Опять сиди жди, — с сожалением произнес Тимур и ткнул пальцем в экран сканера, показывая на метку Тяги. — Вон, уже и Тяга ушел от Гасла.

— Клава, а у тебя в косметичке нет щипчиков для ногтей, а то какая-то заусеница, неприятно. — Тимур в качестве аргумента показал большой палец.

— У меня косметичка? — Клава покосилась на Рымжанова. — У меня имидж не тот.

— Имидж — ничто, заусеница — все, — многозначительно и несерьезно ответил Тимур. — Ну, не в косметичке, а про запас? Мешает же!

— На, страдалец, — улыбнулась Клава. Щипчики нашлись в «бардачке» машины. — Может, еще пилочку для ногтей?

Тимур обрадовался и, повертев инструмент в руках, попытался срезать кусочек ногтя. Щипчики, злобно клацнув, сломались.

— Китайская халтура! — возмутился Тимур.

— Из чего твои когти? Тебе нельзя нормальную вещь в руки давать, — рассердилась Клава. И, подумав, добавила: — Мне тоже не нравится это сидение и безделье.

— Клава, как вы там? — раздался голос Малахова. — И

заодно скажи, как там мы.

— Мы нормально, Вадим, никакой активности вокруг вас не наблюдается, ты же знаешь, если что, я немедленно сообщу. Тима — голодный.'

— Вот обжора, это на него свежий воздух так влияет, — вмешался Гера. — Давайте не скучайте, мы скоро!

Дорога, по которой двигались Малахов, Гера и Сухой, чудом сохранилась за годы после катастрофы. Старый бетон, хоть и потрескался местами, выпуская к небу упорные травинки, был пригоден для спокойного движения. По пути встретились несколько совершенно разрушенных хибарок. Непонятно, кто и зачем их строил в этой местности, закрытой для посторонних еще до катастрофы.

— Вот скажи, Сухой, — спросил Герман. — Мы сегодня столько прошли, чаща прямо вокруг какая-то, а где же твои артефакты? Кроме дешевой дурилки с призраком — ничего! Или растяжка — это тоже артефакт?

Сухой остановился в том месте, где дорога резко уходила в сторону. Здесь в давние времена был КПП объекта. Скрываясь в лесу, налево и направо уходил забор, вернее, останки забора из бетонных столбов и обрывков колючей проволоки. В будке КПП из белого кирпича, судя по копоти выше окон, когда-то бушевал пожар. Ворота из стального листа еще хранили красную звезду посередине. А вокруг только сосны и худые березки с желтыми листьями. Тонкий снежок почти не скрывал палую листву и прелую хвою. Сталкер молча достал гайку и швырнул ее вдоль полотна дороги, уходящей к объекту, потом, словно обдумывая каждое слово, произнес:

— А кто его знает. Я уже думал про это. Мы же не ищем артефакты, вот их и нету. Может быть, Зона сама лучше знает, кому и что надо. Ну и конечно, нет аномалий — нет артефактов.

— А вчера? — не удовлетворился Тельбиз. — Как «мясокрутка» эта плющила!

— Так кого она плющила? Никого! Ну, буквы бетонные разнесла. — Сухой словно воспрянул и стал спорить с азартом. — А больше всего вы сами плющили! Эва скока народу положили! А чего ради? Зачем стрелять надо было?

— Слушай, Сухой, а ты политиком не был раньше? — спросил Вадим. — Уж больно ты ловко передергиваешь факты. Мы просто оборонялись. У нас есть одна странность — нам хочется остаться в живых. И эту свою странность мы будем холить и лелеять всеми доступными средствами. Включая огневую поддержку с орбитальных платформ.

— Ну, берите то, что вам надо, и идите отсюда подальше,

будете живы, — возразил сталкер.

— А еще, дорогой, у нас есть работа, и ее нам надо выполнять, — спокойно объяснил Малахов.

— Да что за работа такая у вас?

— Простая — родину защищать. Небось слыхал такую фразу? Только родина у нас большая. Земля называется, вот мы ее и защищаем.

— Ой-ой, нашлись защитники, — нарочито противным голосом произнес Сухой. — Вон там впереди просвет, это уже то, куда мы идем? Плохое место, чует моя душа.

— Ну, душа — дело такое. — Герман запустил сканер, в очередной раз проверяя обстановку на ближнем расстоянии. — А приборы говорят, все в порядке. Кинь железяку, успокойся.

— Кину, как надо будет, — непререкаемо ответил Сухой.

Дорога снова повернула, открыв очередные руины. Громадные конусы возле одного из полуразвалившихся строений говорили о том, что там раньше была градирня.

— Видать, немереную энергию качали на этот самый «Круг». — Гера остановился на минутку, рассматривая руины. — Вот ерунда какая ведь получается, странно.

— Что странно? — поинтересовался Малахов.

— Не знаю, как этот комплекс раньше работал, но получается, что сейчас он словно включен задом наперед. Ведь судя по энергетическим ресурсам этой рухляди, — Гера ткнул пальцем в сторону «Круга», — здесь был излучатель, а на решетке — приемник. А сейчас как раз наоборот. Черт-те что.

От градирни до самого объекта оставалось совсем ничего. Сухой, попросив у Геры кусочек бинта, в очередной раз запустил гайку. Путь, как показала гайка, был свободен.

Объект «Круг» действительно выглядел странно. Казалось, кто-то разметил гигантским циркулем лес и расставил среди сосен несуразные металлические сооружения,- похожие на длинные беличьи колеса, поставленные набок. А потом, отступив несколько метров, выкосил всю растительность внутри этого циклопического круга. И воткнул посередине еще одну такую же конструкцию, водрузив ее на крыше квадратного приземистого здания. Вот и получилась круглая полянка, которую, спрятавшись на опушке, сторожили металлические скелеты невиданных зверей.

— Посмотри. — Гера остановился возле одного из вертикальных объектов. — Вот дряхлые изоляторы. Тут киловольты подводились. А сейчас ничего нет. Но вот этот кабелек — очень интересный!

Герман подошел поближе и осторожно потрогал новенький

коаксиальный кабель» уходящий в центральную, опорную ось сооружения!.

— Новодел. Коаксиал недавно прокладывали. А в те годы, когда эту систему делали, то есть при советской власти, когда комплекс ПВО этот собирали, — Герман похлопал рукой по железному каркасу, — кабель совсем, не так выглядел. Ладно, посмотрим, что к чему.

Практически все пространство от антенн до центральной аппаратной было когда-то заасфальтировано. Сейчас асфальт растрескался, а местами просто исчез. Слева валялась полуразложившаяся туша пожарной машины.

— А зачем же тут все жгли? — Малахов смотрел на закопченные оконные проемы аппаратной. — И кому эта надо было?

— Как Зону закрыли, так стала сюда всякая шушера лазить, — ответил Сухой. — Кому не лень. И те, что потом сталкерами стали, и туристы, и шпана из города. Вот шпана, видать, и жгла.

— Гайку кидать будем? — поинтересовался Малахов.

— Чисто тут, сам видишь» все трещинки на асфальте настоящие, окна все выбиты равномерно» ну и ветерок все деревья качает одинаково. — Сухой, как опытный охотник, успел заметить массу мелочей. Впрочем, Малахов и сам это видел.

— Ну что, идем в аппаратную? Или, может, я сам? — поинтересовался Гера.

— Что скажешь, Чингачгук? — Малахов с улыбкой посмотрел на Сухого.

— Спасибо, что не Гойко Митич, — хохотнул сталкер. — Можно идти, я с вами. Только хабар мой.

— Вот же человек своекорыстный! — делано возмутился Гера. — Пошли! Хотя подождите.

Гера открыл сканер и запустил проверку здания.

— Так, камера на входной двери, наверное, только ближнее пространство захватывает, а на уровне подвала — активные приборы. Вся конструкция передает направленный сигнал на решетку, ну, это и раньше знали.

Малахов перестроил очки-коммуникатор на увеличенное изображение и внимательно осмотрел дверной проем.

— Ага, вижу, — удовлетворенно сообщил Вадим. — Левый угол козырька, маленькая, зараза, вроде не на нас направлена. Секунду. — Он сбросил с плеча свой автомат и, почти не целясь, выстрелил в направлении камеры.

— О! Всегда удивлялся, как ты это делаешь, — восхитился Гера. — Видеосигнал отсутствует. Ну, пошли!

Когда до входа в аппаратную оставалось несколько метров,

раздался встревоженный голос Клавы:

— Ребята, тут меняется обстановка, те биообъекты, что двигались в сторону решетки, повернули и идут к вам. И еще… — Клава на секунду замялась.

— Что еще? — Вадим поднял правую руку, давая команду остановиться.

— Еще около сотни существ направляются к вам, идут компактно, скорость высокая. Но они поменьше. Килограмм по двести.

— Время контакта?

— Минут двадцать спокойной работы у вас есть, если кто-то новый не появится.

— Идем. — Малахов жестом подтвердил команду. — Клава, держи нас в курсе.

Внутренности аппаратной представляли собой жуткое зрелище. Бушевавший здесь пожар выгрыз все содержимое. Бетонные опоры потолочных балок, похожие на рюмку для мартини, были покрыты почерневшей коростой сгоревшей краски, от стоек с аппаратурой остались только ржавые каркасы. И совсем дико выглядел шкаф с реле, чудом выживший и в пожаре, и в набегах мародеров.

— Надо спуститься вниз. — Гера наклонился над проемом в полу, в лучшие времена служившим для прокладки кабелей между этажами. — Вадим, подстрахуй.

В инфракрасном диапазоне, позволявшем видеть подвал, скрытый в глухой черноте, удалось определить, что расстояние до пола около двух метров. Проникнуть на нижний уровень не составило особого труда. Гера, несмотря на свою неспортивную фигуру, легко скользнул вниз, чуть придерживаясь за стальной уголок, обрамлявший проем.

— Ага, все ясно! Вижу я эту бай… ерунду, — раздался его голос. — Сейчас.

В нескольких метрах от лаза в подвал на цементном полу стоял небольшой стеллаж. На нем крепился металлический ящик. Ящик был почти точно такой же, как и те, в коммутаторной. Гера включил фонарик, который он заранее примостил на лбу, и быстро свинтил крышку.

— Ага, приемник космической связи, даже не постарались его хоть как-то замаскировать под домашний комбайн фирмы «Бош», — весело комментировал Гера.

— А почему «Бош»? — спросил Тимур, не прекращавший следить за действиями друзей ни на минутку.

— А чтоб никто не догадался. Теперь попробую выяснить частоту приема.

Герман открыл сканер и выдвинул клавиатуру, которой он до сих пор не пользовался. Застучали клавиши, Гера набирал одному ему ведомые команды. Через минуту результат был получен.

— Вот же ж блин! Нас что, за придурков держат? — Гера одновременно возмущался и радовался. — Это же обычный «Иридиум». Любят они тут эту приблуду.

— Клава, когда у «Иридиума» переключение спутников над нами?

— Через девяносто секунд, — Клава ответила немедленно. Она привыкла предугадывать вопросы коллег.

— Так, сейчас попробую перехватить этот приемник на переходе. Дай отсчет, — попросил Гера.

— Восемьдесят пять, восемьдесят четыре, — стала отсчитывать Клавдия ровным голосом.

Гера осмотрел кабеля, соединенные с приемником, и легко вычислил тот, который шел от приемной антенны. С помощью неизменного мультитула он вскрыл изоляцию, не разрезая ее, сдвинул в сторону экранировку и щупом с иглой на конце подсоединил кабель к сканеру. Второй конец щупа с «крокодилом», он подключил к экранировке.

— Тридцать три, тридцать четыре… — не переставала считать Клава.

Чуть повыше того места, где он распотрошил кабель, Тельбиз пристроил кусачки, готовый в нужный момент перекусить провод. Свободной рукой Гера опять переключил режим работы сканера и занес палец над «энтером».

— Три, два, один…

На «ноль» Герман с силой надавил на рычаг резака и одновременно нажал «энтер».

— Так! Есть! Эта дура теперь ловит сигнал от сканера. И выдает белиберду в пространство! — обрадовался Герман. — Но уровень сигнала на передающие антенны круга не поменялся!

— Гера, а на фига оно тебе было нужно? — раздался голос Малахова. — Не проще было просто кирпичом по лампам или что там у него?

— Кирпич — не наш метод, товарищ командир! — Герман был рад и не скрывал гордости. — Смотри, я сейчас с сигналом поиграюсь и устрою такую пляску на этих антеннах! Резонанс электрических цепей еще никто не отменял.

Весело насвистывая под нос древнюю мелодию «Не кочегары мы, не плотники», Гера погрузился в программирование сканера.

— Вот интересно, ты свистишь, совершенно не фальшивя. Это дар? — поинтересовался Тимур.

— Лишь бы не фальшивить, не свистя, — не очень понятно

ответил Тельбиз. — Ребята, там у вас есть спектр сигнала с решеточной антенны?

— Да, видно, — отозвалась Клава. — Твоими стараниями он в кашу превратился. Кстати, гости все идут к вам. Вы бы там хоть сворачивались уже…

— Секунду. Следите!

— Спектр резко сузился, амплитуда выросла, — сообщила Клава. — Пик ползет по частоте, амплитуда падает.

— Спокойно. Сейчас мы его! Тимур, можешь вести визуальное наблюдение за решеткой антенны?

— Слушай, ты же не плохой роман научно-фантастический читаешь? Ну на хрена такое говорить? Скажи просто — «глянь на антенну». А то «визуальный контакт», да «доложи войсом»! — возмутился Тимур.

— Тима, посмотри на антенны, — как нив чем не бывало попросил Герман.

— Слежу уже, — ответил Рымжанов. — Ничего странного.

— Ща-а-ас… — Гера изменил еще немного задание сканеру.

— Вижу легкое свечение, птицы летят, — доложил Тимур.

— Кто светится и куда летит? — поинтересовался Гера. — Войсом доложи!

— Светятся антенны, летят от антенн, — бесстрастно ответил Рымжанов.

— Разумно! Клава, что со спектром?

— Узкая полоса, почти пик. Амплитуда выросла в сотню раз.

— Так, продолжаю! — Гера повертел ручку усиления на передатчике.

— Свечение сильно возросло, блин у меня даже голова заболела! О! Сильные разряды между элементами антенны. Горит! — Голос Тимура был словно у комментатора напряженного футбольного матча. И тут Тимур произнес совершенно спокойным голосом: — Сильное воспламенение, искрения прекратились.

— Амплитуда спектра ноль, — поступило сообщения от Клавы.

— Все, трындец котенку. И не придется бомбы кидать! Вадим, дай лапу выбраться. — Гера достал небольшой пластиковый заряд и прилепил к приемнику.

В светлом прямоугольнике лаза показалась рука Вадима. Гера, подпрыгнув, ухватился за ладонь товарища и с его помощью легко выскочил наружу.

— Вот теперь можно и кирпичом по таблу! — Гера слегка картинно, на вытянутой руке нажал кнопку подрыва.

Раздался резкий негромкий хлопок, и из подвала потянулся

легкий белый дымок. Дым поднялся до самого потолка, а там, распластавшись, потек вон из помещения, ведомый неприметными воздушными потоками.

— Все, дело сделано! Ну что, пошли к машине! — Герман был вполне доволен проделанной работой. — Теперь никто тут психотронику разводить не будет. А с сигналом с «Иридиума» пусть в Центре разберутся, откуда он приходил. И вообще такое ощущение, что у них «Иридиум» в спонсорах. Я бы на их месте все по-другому сделал.

Малахов похлопал по плечу Геру и, кивнув сталкеру, направился к выходу. Уже на самом выходе Геру заинтересовал старый коммутационный ящик в углу.

— Подожди, Вадим, секунду. — Гера решительно направился к находке. Ящик открывался легко, выстрелом в навесной замок. Гера удивленно присвистнул.

— Слушай, командир, а тут вообще загадка странная! Еще один приемник. И самое интересное — самопал, явно наш! Иди сюда!

Вадим без особого энтузиазма подошел к ящику.

— Вот, смотри — это приемник сигнала, он из стандартного переделан. От него через усилители сигнал идет на силовой блок. Вот он внизу, отключенный. И еще тут передатчик стоит — это, видимо, что-то вроде обратной связи.

— Слушай, мы антенну вырубили, эти находки пока не так важны, пойдем, да? — Вадим не хотел задерживаться над очередной головоломкой.

— Ну дай я хоть выясню, откуда сигнал приходит, да? — стал просить Герман.

Но тут раздался голос Клавы:

— У нас изменилась ситуация. Рекомендую подняться на крышу здания. НЕМЕДЛЕННО!

Малахов, не раздумывая, в секунду огляделся, определяя возможные пути, и строго приказал:

— Сухой первый, Гера, потом ты, я последний. Вон та лестница, она на крышу.

ГЛАВА 15

Убой скота должен производиться на специально оборудованных асотоубойных пунктах — стационарных или передвижных, а также на бойнях, принадлежащих потребительской кооперации, колхозам, совхозам и другим сельскохозяйственным предприятиям.

«Как правильно организовать убой скота»
http://www.domovest.ru/5ivnost/uboiskota.html

Ветерок слегка теребил листву двух низеньких березок, выросших за последние годы на крыше. Ветер ощущался совсем чуть-чуть, а по небу неслись облака так, что казалось, бушует ураган. А над антенной, вдали, поднимался столбом белый дым, вопреки всем законам здравого смысла не следуя за потоками воздуха. Сквозь него пробивались языки пламени и изредка, словно в агонии, проскакивали электрические разряды.

— Клава, объясни, что случилось, — спросил Вадим, не видя пока ничего странного вокруг. — Мы уже на крыше.

— Во-первых — объекты, направлявшиеся в вашу сторону, ускорились, лучше их встретить с возвышенности, во-вторых, спутниковое наблюдение показывает, что Зона закрывается от внешнего обзора. — Голос у Клавдии был слегка встревоженный. — Ребята, может, мы к вам подтянемся?

— Вы той же дорогой не прорветесь, тем несколько узких мест, — ответил Малахов. — А объезжать… Растяжки могут быть, не дай бог напоретесь.

— Вадим, вероятность того, что растяжка не из проволоки, мала, — вмешался Гера. — А точности главного сканера хватит, чтобы даже проволоку засечь, только скорость у машины должна быть маленькой.

— Клава, слыхала? Хватит сил, чтобы назад вернуться и потом по черепашьему до подстанции прокатиться? — спросил Вадим.

— Да с чего бы не хватить, выезжаем! — ответила Клава, в

коммуникаторе раздался звук запускаемой турбины.

— Клава, только осторожно! И дай картинку по этим зверям на наши очки. — Малахов переключился на прием данных в коммуникатор. — Гера, не забудь мне напомнить — я хотел с тобой по поводу спутникового наблюдения поговорить. Только потом, как уйдем отсюда, — попросил он.

— Да уж не забуду. Этих тварей около пятидесяти, ох и прут же быстро! Как ты думаешь, что за зверь может переть по лесу со скоростью локомотива? Вон оттуда. — Гера, обращаясь к Сухому, показал направление, откуда неслась пока не видимая стая.

. — Большие? — Сухой не мог оценить зверей, ему коммуникатор так и не дали, сославшись на режимность.

— Кило по триста, — пояснил Малахов. — Тяжелые, сволочи.

— Кабаны… — мрачно произнес Сухой. — Ну и влип же я с вами. Говорил же, Зону трогать нельзя, она этого не любит. Довы… довзрывались.

— А ты что, боишься, что они к нам на крышу залезут? — нервно пошутил Гера. — Выбросят желуди, которые они несут в подвалы, шкряб-шкряб копытами по кирпичу, и глядь — прямо у нас!

— Да на фиг им лезть? — В голосе у Сухого был неподдельный ужас. — Они запрыгнут сюда, не дорого возьмут! Это же страшная тварь!

— Ладно, ты мне скажи, ружье твое — оно для форсу или стрелять может? — прервал Сухого Малахов.

— А чего это не может? — обиделся Сухой, как обычно насупив брови. — И не ружье это, а СКС. Небось и не слыхали там, в городе?

— Да куда нам, — протянул Малахов. — Дай гляну. Сухой нехотя протянул карабин Вадиму. Малахов

открыл затвор, скривился и закрыл его, придерживая патрон.

— Чистил давно?

— А тебе что? Мой карабин, сам и разберусь. — Досмотр взбесил Сухого.

— Оружие надо чистить, тем более карабин сорокалетней давности. А чистить надо хотя бы для того, чтобы у нас было на одну боевую единицу больше. Стрелять хоть умеешь?

— Умею, не бойся. Но в зверя стрелять — дурное дело. Если уж ты его увидел, то тут не до стрельбы. В Зоне оружие от людей помогает. Ну или там кролика забить. На ужин.

— Я боюсь, сегодня на ужин у нас будет свинина, причем в избытке… — Вадим не окончил, со стороны, чуть севернее решеточной антенны, стало явственно видно, как дрожат верхушки берез там, где несется стая. — Они съедобные?

— Да кто же их ел, ты что? — искренне удивился Сухой. — Кабана если кто увидел, так, считай, не убежал.

— Слушай, у вас тут есть хоть один зверь, которого кто-нибудь из живых видел? — фыркнул Вадим.

— Нету, — просто признался сталкер.

— Клава, как вы там? Мы вот-вот войдем в контакт, — вызвал машину Малахов.

— Нормально, впереди растяжка, сейчас мы ее обезвредим. Скоро к вам подтянемся.

— Только не рискуйте, не вздумайте разминировать, бейте ракетами по заряду, — строго приказал Малахов.

Словно ответом ему слева прозвучал взрыв.

— Так и делаем, — немедленно доложил Тимур. — До подстанции чуть-чуть осталось.

— Ждем! — коротко ответил Вадим.

Для разговора уже не было времени. Сталкер словно завороженный смотрел, как Малахов и Тельбиз готовились к бою. Как раз в том углу, который находился ближе всего к предполагаемому месту выхода стаи, на крыше была небольшая надстройка, сделанная для систем охлаждения. Вадим занял место слева от этой надстройки, а Гера справа. Оба сняли с разгрузки запасные магазины и разложили их возле своей позиции.

— Как товар на базаре, — буркнул Сухой. Он тоже решил приготовиться и залег на краю крыши.

Поколебавшись, сталкер вытащил из недр своего плаща несколько обойм, ощетинившихся гребенкой патронов, и тоже положил их рядом с собой.

— Зря ты залегаешь, — сказал Малахов, следя за маневрами Сухого. — Кабаны не стреляют, прятаться не надо. Стань слева, будешь снимать тех, кто за экранирующую сетку прорвется. Гера, включишься, если я не буду успевать.

В тишине осеннего леса, казалось, уже было слышно, как приближается, топая по мягкой хвое, страшная стая.

Малахов, а следом за ним и Герман перевели очки в режим боя. Все вокруг потемнело, картинка стала чуть размытая, но зато четко вырисовывались красноватые силуэты кабанов. По мере того как они приближались к периметру «Круга», их изображения становились все четче. Прозвучал сигнал достижимости целей для стрельбы, но Малахов подождал, пока звери подойдут вплотную к решетке экранирования.

— Ну, поехали, ребята! — Вадим словно отключился от внешнего мира и слился со своим оружием.

Первые выстрелы положили зверей у самой металлической

решетки. Однако стая словно по команде разошлась в две стороны, беря периметр в клещи. Малахов переключился на левую часть звериного потока, Гера — на правую. Сталкер остолбенело смотрел на происходящее. Без очков-коммуникаторов ему казалось, что кабаньи туши вылетают из тени деревьев навстречу пулям. И это не стрелки на крыше посылают свой смертельный подарок чудовищам, а сами кабаны ищут смерти.

Малахов быстро понял, что ситуация становится тревожной. Звери, несмотря на чудовищные потери, взяли «Круг» в осаду по всему периметру. Вдвоем держать под контролем стаю было невозможно. Звери слаженно и совершенно не по-звериному стали методично расшатывать сетку экранировки, служившую последней защитой, последним препятствием. Прорви они ее, и в несколько секунд здание аппаратной будет окружено.

— Сухой, приготовься. Если где-то порвется — отстреливай сволочей! — Но Малахову и не надо было предупреждать сталкера, он был готов включиться в бой в любую секунду.

— Вадим, мы уже рядом! — раздался голос Клавы. — Вы как?

— Бывало и лучше, — прошипел в ответ Вадим, не прекращая стрельбы. Мельком глянул на боезапас — оставалось всего два рожка.

— Тима, приготовься включиться в бой, ракеты бесполезны, тут тварей слишком много. — Голос Вадима в коммуникаторе почти сливался со звуками выстрелов.

«Патриот» летел по растрескавшемуся бетону к «Кругу». Зная, что каждая секунда задержки может стоить жизни товарищам, Клава, словно лев на охоте, была полностью сконцентрирована на движении. Турбина выла на полных оборотах, таиться было не нужно, и все глушители были отключены, чтобы не отбирать мощности двигателя. Ловко меняя переднюю и боковую разгрузку, Клава обходила мелкие препятствия на повороте у КПП. В который раз взвыв полным газом, влетела в распахнутые ворота. Машина ворвалась за периметр круга, словно взбешенный зверь. На последних метрах, взвизгнув резиной по бетону, «Патриот» развернулся на месте и стал как вкопанный на позиции ведения огня.

К этому времени Тимур уже убрал обтекатели над передними колесами, и машина ощетинилась двумя скорострельными пулеметами. Взвыли приводы вращающихся стволов, и в сумраке узкой дороги пролегли кроваво-желтые следы трассирующих пуль.

— О! Ваше появление, как всегда, эффектно, — обрадовался Вадим. — Подгоняйте к входу и занимайте оборону этого фланга,

мы с Герой на ту сторону крыши переходим.

Клава скорее для собственного удовольствия лихо развернула машину еще раз. Снизив скорость в нескольких метрах от входа в аппаратную, вывернув руль вправо, она сначала сбросила газ, а потом, заблокировав межосевой дифференциал, выдала всю мощность на колеса. Машина хищно закружилась вокруг центральной оси. Тимур, не растерявшись, воспользовался моментом, чтобы длинной очередью из обоих пулеметов вылить море свинца в полукруг, словно с турели. Потом, включив основное управление оружием, Тимур раз за разом прошелся по зарослям у «Круга», каждый раз разнося в клочья окружившие здание деревья и антенны, скрытые в зарослях, и несущихся из чащи кабанов.

— Стой-стой! — услыхал Тимур голос Малахова. — Ты на локатор глянь!

Зеленое поле обзорного локатора было чистым, без каких-либо признаков живых кабанов. Термосканирование показало, что десятки туш остывают в зарослях. И словно природа пыталась показать, что бой окончен, исчезли рваные тучи на небе. Опять светило солнце.

— Как мы их? — обрадовался Тимур. — Отбились все-таки! Вадим, я анализы сделаю, да?

— Да, только осторожно, мы сейчас спускаемся, — ответил Малахов.

Тимур, прихватив анализатор, выскочил из машины и, разминая затекшие ноги, двинулся к краю «Круга», туда, где были хорошо видны туши кабанов. Разодранная металлом плоть слегка парилась на прохладном воздухе. Тимур поморщился, запах из разорванных кишечников был сильным. Он наклонился над ближайшей тушей и открыл крышку анализатора. Резкий хлопок выстрела заставил его упасть на землю. Рядом с ним, еще дергаясь, завалилась туша кабана, который выскочил невесть откуда.

— Спасибо, Вадим, — пробормотал Тимур. — Что-то я чутье потерял.

— Это ты Сухому спасибо скажи. Он у нас за прорвавшихся в «Круг» отвечал. Хоть раз выстрелил, но удачно.

Тимур внимательно осмотрелся и, убедившись, что никакого шевеления не наблюдается, взял анализы тканей и крови. Подождав результата, он ловко вспорол брюхо и в два приема снял шкуру с мертвой туши.

— Гера, помоги! Давай мясом запасемся, — позвал Рымжанов товарища.

— Что тебе неймется? — удивился Малахов. — Спешить

пора!

— Вадим, ну сколько тут делов-то? — расстроился Тимур. — Зато шашлык вечером какой забацаем! Есть-то охота.

— Тебе прогулки на свежем воздухе вредят, — вздохнул Вадим. — Жрешь много. Давайте, быстро!

Гера под руководством Тимура помог быстренько разделать тушу, и буквально через десять минут в машину погрузили пару окороков и здоровый кусок вырезки.

Пока шла погрузка мяса, Сухой нервничал. Он то и дело оглядывался, обошел два раза машину по кругу и один раз осторожно заглянул в провал окна аппаратной.

— Сухой, что-то случилось? — поинтересовался Малахов. — Ты какой-то напряженный. Все ведь хорошо кончилось. Видишь, стаю завалили, и никаких «воронок» не прилетело, что еще надо? Они же на стрельбу, говоришь, прилетают?

— Вот потому и беспокоюсь! — ответил Сухой. — Так не бывает. Не бывает конфликта в Зоне без аномалий. И не бывает аномалий без артефактов. На этом Зона стоит.

— Стояла, — с издевкой в голосе заявил Тельбиз. — А еще, как оказалось, она стоит на психотронном поле. Видать, поле психотронное и определяло порядок в Зоне. Может, и аномалии эти — тоже в мозгах, а не в Зоне?

— Ага, в моих! — почему-то радостно возразил Сухой и ткнул пальцем куда-то за спину Герману. — Оглянись!

Ни Гера, ни остальные члены группы не заметили ничего странного. Тот же забор, те же деревья, обступившие «Круг». Но постепенно дрожание листвы под осенним ветром стало изменяться. Оно стало похоже на регулярную вибрацию. Словно кто-то большой рукой схватил одновременно несколько стволов и начал их трясти. Потом дрожь передалась воздуху вокруг берез. Как мираж на раскаленном шоссе, когда в потоках горячего воздуха начинает плясать картинка. Но здесь это выглядело пугающе неестественным и своими размерами, и мелкими волнами искажений.

— Это «трында», — уверенно сказал сталкер. — Вроде зыби, только воздушная. Если остановится, то ничего страшного.

— А если не остановится? — вкрадчиво спросила Клава.

— А вот этого никто тебе не расскажет, — ответил сталкер.

— Я так и думал, — заключил Малахов. — Всем в машину!

— Какое в машину? — вдруг заартачился Сухой. — А хабар? Ведь от «трынды» такое может нападать!

— А если не остановится? — повторил недавний вопрос Клавы Малахов. — Что тогда?

— Волков бояться — не пить шампанского! — заявил сталкер.

— Поступательная скорость три метра в секунду, — раздался бесстрастный голос Германа. Он, сидя в машине, анализировал продвижение аномалии. — Снос вправо метр в секунду. Проход для машины остается открытым еще тридцать секунд. Если оно не ускорится.

— Ты как хочешь, мы поехали. — Малахов ловко вскочил на место за Клавой и, дождавшись, когда устроился Тимур, добавил: — Клава, осторожно выруливай, мало ли тут чего еще…

— А я?! — заорал Сухой и, отворив багажный отсек, ловко юркнул на свое место. — Мы на обратном пути заскочим, главное — место запомнить.

Сталкер сидел на боковой скамеечке багажного отсека с видом человека, принявшего мудрое и значительное решение.

— Заскочим, куда денемся, — согласился с ним Малахов.

Машина почти беззвучно на малой мощности выбралась из «Круга» и через пару минут была уже возле подстанции.

— Так, отсюда по этому шоссе, — Малахов смотрел на уходящую в тень деревьев дорогу, — километров двенадцать, для Клавы всего ничего.

— Для нашей машины, — поправила, улыбнувшись, Клавдия. — По этой колее сам бегай!

— Для нашей Клавы за рулем нашей машины, — с ударением произнес Малахов.

Хотя все и выглядели внешне спокойными, недавнее побоище все еще стояло перед глазами. Группе не раз приходилось участвовать в перестрелках, но в такой бессмысленной бойне — никогда. Бессмысленность кабаньей атаки была очевидна, но то, что неразумные звери, словно выполняя чей-то приказ, пытались уничтожить группу, было совершенно невероятным.

— А вот что наш шерп расскажет? Что ты, Сухой, думаешь о случившемся? — Малахов полуобернулся к сталкеру.

— Тенцинг тебе шерп, а я — сталкер! — не понравилась шутка Сухому.

— Ваша эрудированность, господин сталкер, иногда потрясает. — Малахов сделал движение, как будто снимал шляпу перед сталкером. — Прошу прощения. Но все-таки — ваши жизненные преференции, они скорее всего как у шерпов, не так ли?

— Не нравится — езжайте сами, — отрезал Сухой.

— Да брось, Вадим, — вмешался Тимур. — Он мне жизнь спас только что. И ты, Сухой, не дуйся, никто тебя ни обижать, ни бросать не собирается.

— Молчать, всех на рею! — заревел Малахов и, выждав секунду, захохотал. — Да и вправду, Сухой, ну что ты в самом

деле… Ну извини, если неудачно пошутил.

— Да ладно, проехали, — примирительно согласился сталкер.

— Вот и отлично, — весло ответил Малахов. — Раз ты больше не обижаешься, теперь я буду звать тебя Сусанин.

— Ну вот же, что за народ! — взвился Сухой. — Понаприезжали тут из Москвы, мало того что хабар наш вывозите, так еще и гнобите нас, как в старые времена! А нет, чтобы не выпендриваться, а говорить на ридной мове и уважать нашу незалежнисть! Небось сейчас еще и про Бандеру гадость скажете? Или еще хуже, про святого Ющa шось нэпотрэбне дозволытэ? Кажить, заграбныкы — дозволыте?

В салоне автомобиля на секунду возникло тягучее молчание. Но прежде чем кто-то сказал хоть слово, Сухой рассмеялся.

— Ага! Офигели? То-то же! А я с этим много лет жил! — Когда Сухой засмеялся, его нарочитая суровость исчезла. Из строгого и мрачного обитателя Зоны он на мгновение превратился в человека из московских интеллектуальных тусовок. Но ощущение было мимолетным. Миг — и Сухой опять стал строг и сосредоточен.

— Ладно, поржали — и хватит. Едем не спеша, я увидел у вас хороший аппаратик под крыльями, когда скажу — надо будет стрельнуть, куда надо. — В голосе у сталкера пропала обычная напряженность, он говорил уверенно и безапелляционно.

Клава, дождавшись полной тишины и спокойствия от пассажиров, мягко пустила машину в путь.

— Вадим, ты просил напомнить, вот напоминаю, — сказал Герман. — Про спутники.

— Да вопрос у меня простой. — Малахов вернулся к старой теме. — Спутниковое наблюдение. Ведь это же оптическая система. Мы получаем простые фотографии Зоны. Не более. Так?

— Ну почти так. Давай пока считать, что так, — кивнул Герман.

— Так вот, заметь, когда мы въезжаем в Зону, она каждый раз выглядит, хотя бы с точки зрения погоды, по-разному. А со спутника это кто-то видит?

— До того, как мы попали в Зону, таких вопросов не возникало. Считалось, что мы получаем объективные данные. Я понимаю, что ты имеешь в виду. Или все, что мы видим в Зоне, — это плод нашего воображения, или кто-то контролирует спутники? — Гера на мгновение задумался, словно пытаясь найти ответ на свои вопросы. — Я правильно понял?

— Ну почти, — кивнул Малахов. — Хотя в контроль над нашими спутниками поверить труднее, чем в то, что все вокруг —

это плод нашей галлюцинации. Клава, а ты как думаешь? Ты же у нас главный психолог.

— Для меня как раз более вероятным кажется взлом компьютера спутника, чем такие массовые галлюцинации. А вообще, что нам мешает сравнить спутниковые данные с реальностью именно сейчас.

— Уже получаю. — Гера успел запросить в Центре необходимую картинку. — Да, сейчас никак не солнечный зимний день, все тучами заволокло. Кстати, Клава, ты говорила, что время от времени Центр теряет картинку Зоны.

— Да, нас предупреждали, но мне тогда было не до того, не до картинок из космоса. Но все равно не пойму я всей этой ерунды. А может, мы сейчас совсем не там, не в той Зоне, которую видно со спутников. Да ладно, потом будем об этом думать.

Малахов немедленно переключил коммутатор на связь с Центром. Там объяснили, что закрытие Зоны имеется в виду как раз визуальное.

— Мы в сложной ситуации, — задумчиво произнес Вадим. — С одной стороны, возможно столкновение с таким явно невещественным явлением, с каким встречался Герман, — вроде полтергейста. С другой стороны, не все, что мы видим, — иллюзорно. Поэтому давайте в дальнейшем не разделять группу, не принимать решений в одиночку. Разведка окончена, психотронный фактор, мне кажется, окончательно ликвидирован. Вопрос с физикой закрытости Зоны откладываем. Пока, грубо говоря, не заморачиваемся, но имеем в виду — не все, что мы видим, является таковым на самом деле.

— Так, сейчас у нас примерно двенадцать часов, — после секундной паузы, продолжил Малахов. — Через пятнадцать минут мы будем уже в районе кладбища техники.

— Блин! Ну зачем так говорить? — внезапно взвился Сухой. — Ты еще сказал бы…

— Что сказал бы? — Малахов обернулся.

— Ага, я щас скажу, а оно потом… — фыркнул Сухой. — В Зоне не то что ляпать нельзя языком что попало, но и подумать нельзя. Раз всплыло — исполнится.

— Ладно-ладно, — кивнул Малахов. — Не тупой. Короче, у нас до цели примерно двенадцать километров, как было, так в общем-то и осталось. Я думаю, придется ночевать не в гостинице. Как, Сухой, ночевать в Зоне — не слишком?

— Если с умом, то почему бы нет? — пожал плечами сталкер. — Поставить вахту, чтобы, если что, меня разбудили, и все в порядке.

ГЛАВА 16

КЛАДБИЩЕ, территория, специально выделенная для захоронения покойников. К. периода первобытно-общинного и раннефеодального об-в обычно называют могильниками. С развитием машинной цивилизации сложилась традиция захоронения сломанных механизмов наравне с умершими людьми.

Советский энциклопедический словарь. Москва: «Советская энциклопедия», 2024

Машина медленно катила по странной дороге, разделенной деревьями на три полосы. Эти полосы казались тремя совершенно независимыми трассами, идущими в одном направлении. Общие у них были ветхость и запущенность. Сталкер сидел, чуть прикрыв глаза, то ли дремля, то ли прислушиваясь к чему-то потустороннему.

— А вот и Тяга собственной персоной. — Гера заметил сначала, как в ближней зоне сканера появилась метка «жучка», которого установили сталкеру Тяге вчера. А вскоре все увидели и одинокого велосипедиста, неспешно телепающегося по дороге навстречу автомобилю.

Клава, чуть сбросив скорость, нажала на секунду клаксон, приветствуя встречного. Велосипедист качнулся, очумело глянул на автомобиль и, увеличив скорость, объехал его.

— Какой-то он не радостный, — проговорил Тимур. — Что это с ним?

— Да так, — ответила Клава. — Он сейчас не может понять, на кой он в такую даль мотался. Ну, недоумение пройдет скоро, но зато останется подсознательное чувство, что он сделал нечто хорошее.

— А это не вредно? — открыл глаза Сухой. — Не нравятся мне ваши штучки с мозгами.

— Не бойся, не вредно. По крайней мере не так опасно, как

если бы мы решили напрямую добиться от него того, чего хотели, — успокоила Клава.

— Странные вы какие-то, — проворчал Сухой. — Сколько людей видел — люди как люди. А с вами — вот как с Зоной. Вроде все так, как обычно, а не так. И что вы за люди…

— Знаешь, Сухой, ты, может, и прав, — согласился Малахов. — Работа у нас такая, что приходится иметь дело с всякими странными вещами. Вот и мы становимся тоже странными. Ничего не поделаешь.

Дорога уперлась в громадную вспаханную проплешину. А на выходе из проплешины уже не было трехполосного шоссе, дальше, в обход пашни, шла простая грунтовка.

— Вот смотрите, везде Рыжий лес зарос кустами, елочками. — Сухой смотрел в окно автомобиля, повернувшись спиной к остальным. — А тут плешь навсегда осталась. И таких плешей тут много. Плохое место. Не зарастает, никаких артефактов там не бывает. И самое ужасное — выглядит, как будто только что вспахали. А ведь сколько лет прошло!

Еще пару раз попадались такие мертвые пашни, пока дорога не уперлась в узкую речушку. Никаких признаков моста не наблюдалось.

— Я могу с ходу, тут не глубоко, — предложила Клавдия. — Даже водомет запускать не придется.

— А оно шо, еще и плавает? — встрепенутся Сукой. — Эх, мне бы такую машину, я бы золотом обернулся за неделю.

— Размечтался, — буркнула Клава.

— Нет, на фиг она мне. Где я на нее горючки наберу? — передумал Сухой. — А вы, кстати, где заправляться думаете, если что?

— Заправляться? — протянула Клава. — Нам это ни к чему. Под днищем реактор на быстрых нейтронах, а турбина паровая. Если что — так просто водички долить. Делов-то.

— Что??? Реактор тут под… — Под чем — Сухой не уточнил. — Так оно еще и…

— Да не бойся! Защиты хватит, все надежно, — Малахов успокоил сталкера. — Ты лучше скажи — что тут водится в речках? Я думаю, что если по лесу такие красавцы бегают, то и в водах тоже не гуппи живут?

— Сомы бывают, — кивнул Сухой. — По тридцать пудов, говорят. Могут сумчатого сохатого затащить.

— А сом — он вкусный, — отозвался Тимур.

— Блин, ты уже жратвой достал, — вдруг взорвалась Клава. — Только и слышу от тебя.

— Да ничего я не достал, — обиделся Тимур, — просто есть

хочу. Это что, позор?

— Не базарить! — прервал перепалку Малахов, — Гера, просканируй глубины в этом месте.

— Метр максимум. — Гера смотрел на сканер не отрываясь, пальцы легко прыгали по клавишам. — Можно проложить трассу, при которой не глубже сорока сантиметров будет.

— Давай веди, — кивнула Клава. — Стенограмму, конечно, не надо составлять, но веди.

Малахову и Тимуру и раньше случалось наблюдать ситуации, когда Гера был штурманом у Клавы, и это впечатляло сильно. Многочасовые тренировки привели к тому, что в таких случаях Тельбиз и Клава действовали как один слаженный механизм.

— Скорость держи порядка пяти, я успею отслеживать, буду говорить в метрах. — Гера включился в работу. — Семь, лево пять, шестнадцать. Право три, девять, минус…

Клавдия смотрела только на приборы, полностью доверяя своему штурману, машина спокойно рассекала воду, со стороны казалось, что кто-то заставляет водителя рисовать странный узор на воде. Но на самом деле Герман вел машину по одному ему известным намывам песка и мелям, которые он изучил с помощью сканера.

— Сто восемьдесят пять, право один, сто пятьдесят, плюс, лево пять, плюс, — монотонно продолжал Герман. Он тоже не смотрел на дорогу, полностью контролируя ситуацию по сканеру.

Даже не попытавшись пробуксовать, машина легко выбралась на противоположный берег.

— Сколько смотрю на ваше шаманство, столько и удивляюсь, — прервал молчание Тимур. — Молодцы.

— А то! — улыбнулась Клава.

Машина еще касалась воды задними колесами, и словно последний подарок, раздался всплеск, и на черной поверхности реки вспух бугор. Как будто громадное бревно, из-под воды выскочило веретенообразное туловище, в отчаянном прыжке пытаясь достать машину и, скользнув слизистыми челюстями по бамперу, опять скрылось в воде.

— Во! Не врали мужики, — встрепенулся сталкер. — Такие есть сомы тут!

— Хорошо, что он нам колеса не откусил, — угрюмо произнесла Клава. — Только, Тима, ни слова про уху!

— Так! — призвал к порядку Малахов. — Я вот как-то в детстве читал один роман фэнтезийный, там автор, чтобы как-то унылый сюжет разукрасить, все время заставлял двух гномов ругаться между собой по всяким мелочам. Чтобы читателю весело было. Давайте договоримся — гномов не надо. Хватит об одном и

том же.

Без всяких комментариев Клава отправила машину в дорогу. Поколесив слегка по буеракам, «Патриот» выскочил на шоссе, ведущее к кладбищу техники. Было видно, что когда-то здесь была очень хорошая дорога — широкие бетонные ленты, разделенные полосой бывшего газона. Сталкер, казалось, потерял всякий интерес к происходящему и подремывал на своем месте.

— Сухой, а что, железок кидать не надо? — поинтересовался Тимур.

— Да зачем, это, считай, и не Зона. Она тут так, для виду расползлась, — вяло отозвался Сухой.

И тут, как нарочно, машина влетела в узкую полосу марева.

— Вот видите, совсем из Зоны выскочили, — сказал сталкер.

Вокруг опять стояла мокрая беспросветная осень, и не было никакого снежка и синего неба. Не успели все как следует осмотреться, а полоса тумана опять скрыла на мгновение машину, и за окном в который раз все поменялось. Стоял солнечный весенний день, деревья наливались легким зеленым цветом, какой бывает перед тем, как распустятся почки. Небо было по-весеннему белесым, и только далеко на востоке сгущались тучи.

— Вот Зона резвится опять, — бесстрастно прокомментировал Сухой. — Только что-то не так там, над Саркофагом, вроде как выброс, но какой-то уж угрюмый.

— Это ты про те облака? — спросил Малахов. — Уровень радиоактивности вроде не высокий.

— Да не в миллирентгенах дело, все меняется вокруг, а как — поди предугадай, — ответил сталкер. — Но сюда не дойдет. Оно обычно в сердце Зоны оседает.

Уже возле самой свалки Клава свернула налево на узенькую грунтовку.

— Ну вот и прибыли! — Клава остановила машину, ожидая дальнейших указаний Вадима.

— Сухой, ты же Гасло хорошо знаешь, может, позовешь его, а то испугается чужих людей? — попросил Вадим.

— Да зачем мне его звать? Остановимся, костерок сделаем, он и сам придет. На запах. Все равно здесь ночевать» — Сухой на секунду задумался, потом продолжил: — Надо туда, к вертолетам, екать. Там лучше стать.

Клава в ответ на утвердительный кивок Малахова двинулась, осторожно объезжая ряды техники, к тому месту, где, бессильно опустив лопасти, стояли мертвые вертолеты.

— Эко мародеры поработали. — Герман даже присвистнул. — У каждой машины капот открыт, все выломано.

— Так жить-то всем хочется, да и не станут на базаре потом проверять — фонит или нет шланг маслопровода или, там, генератор, — спокойно ответил Сухой. — Давно это было. Лучевую болезнь от фонящего карбюратора не получишь, а если кто и получит ведь жаловаться не пойдет. Времена такие были…

— А зачем половину лопастей потырили? — Гера не мог спокойно смотреть на технику, которую словно нарочно бросили здесь умирать. — Лопасти на базаре не продашь!

— Крышу ими хорошо крыть. Тут, если по Зоне походить, можно найти пару хатынок с такими крышами. Легкие и прочные. — Сталкер неожиданно подергал за рукав Малахова. — Вот тут станем. Хорошее место.

Место и вправду было неплохое. До ближайшей колонны ржавых БТРов было метров пятьдесят, и фюзеляжи вертолетов от этого места находились почти на одинаковом расстоянии, создавая нечто похожее на полянку.

— Ну что, привал, наверное. Выгружаемся! — отдал команду Малахов. — Тимур, ты шашлыком угрожал? Давай с Сухим за дровами, а мы пока обустроимся.

— Есть! — с радостью отозвался Тимур.

Он достал из багажника небольшой топор и легкую струнную пилу.

Пила немедленно привлекла внимание Сухого. Он взял из рук Тимура свернутую кольцами стальную нить с насечками. Потрогал пальцем, примерял рукоятки, которыми оканчивалась пила. Удовлетворенно хмыкнув, он вернул ее назад.

— А что, Сухой, тут в лесу нет гадостей всяких? — поинтересовался Рымжанов, когда они были уже на полпути к опушке леса.

— Да сказал же я, тут и не Зона почти, но вот мужики сказывают, техника иногда бузит. Умирать никому не хочется. Только прошу — не называй обитателей Зоны гадостью. Они обидеться могут.

— Не буду, не буду. А в каком смысле бузит? — не понял Тимур. — С плакатами на обочину выходит? Бензина просит?

— Тебе бы все смеху… смешинки, — угрюмо произнес сталкер. — Стонет иногда ночью, иногда клаксон бродячий ходит. Ну, это надо у Гасла спросить. Он тут свой.

— Понятно, — произнес Рымжанов. — Ну что, давай завалим сосенку и…

— Нет, лучше сушняка набрать, — отрезал Сухой.

— Это почему? Смолы меньше? Или опять какие-то таинства Зоны?

— Да какие, на фиг, таинства? — рассердился Сухой. —

Разжигать легче. Тащить проще. Тут же туристов не бывает, никто сушняк не тянет.

С сушняком и вправду проблем не оказалось, и, набрав охапку толстых веток и пару бревен, Сухой с Тимуром вернулись к машине, где уже был разбит небольшой лагерь.

Тимур оставил сталкера разводить костер, а сам принялся без лишних слов разделывать мясо.

— Центр говорит, что в данный момент Зона полностью закрыта облачностью. — Малахов вернулся к костру после сеанса связи. — Но нас отслеживают по датчикам.

— Самое интересное, что никаких нарушений видимости в Зоне нет. — Гера в это время работал со сканером. — Гасло, судя по всему, затаился метрах в пятидесяти от нас. Вон в тех автобусах. Биоактивности вокруг не наблюдается. Словно все зверье по норам разбежалось.

— Ну, я думаю, скоро на запах сбегутся, — отвлекся от мяса Тимур. — Гасло как минимум.

— Тема, ну как так можно, — вдруг возмутилась Клавдия. — Ты зачем пальцы облизываешь, они же в крови! Это же свинья, там такое может быть…

— Да я анализ делал, все в порядке, — отшутился Тимур, но было видно, что он смутился. — Я просто процессом увлекся…

— Кстати, Сухой, а тут темнеет нормально? Вовремя? Или тоже свои законы? — Малахов стал разжигать костер, впрочем, не очень сноровисто.

— Пока не жаловались. Да и полнолуние завтра, ночью так светит, что фонаря не надо.

— Ой, ребята, а откуда тут котенок? — вдруг раздался голос Клавы, которая в это время доставала из багажника все необходимое для ночлега.

И вправду, метрах в трех на открытом пространстве сидел спокойный белый котенок и смотрел на людей. Он, видимо, почувствовал внимание женщины и жалобно мяукнул.

— Ишь ты, такой смешной. — Клава решила накормить гостя и направилась к нему.

— НАЗАД! — заорал Сухой диким голосом.

В два прыжка он настиг Клаву и повалил ее на землю.

— Ты что? Ошалел? — Клава легко вывернулась из-под Сухого. — Что тебе котенок сделал?

— Да подумай ты, женщина, откуда здесь котенок?! — Сухой успокоился только тогда, когда оттянул Клаву поближе к машине. — Это «морок»! Смотри!

Сухой подошел к тому месту, где Тимур на развернутой клеенке разделывал мясо. Взял одну из костей и с силой кинул ее

в котенка. Когда кость, казалось, достигла цели, на том месте, где только что был милый котенок, фонтаном вздыбилась земля, образовав воронку, и из отверстия в центре земли взлетело веретенообразное туловище с мерзким трехстворчатым ртом, набитым мелкими костяными пластинками. Оно не успело еще скрыться, как сталкер всадил в него несколько пуль из карабина. Не отстал и Малахов, успев за это время перехватить из-за спины свой автомат. Частая очередь скорострельного оружия прошила чудовище. Дико воя, оно скрылось в своей норе.

— И что теперь? — грустно произнес Тимур. — Пикник окончен?

— Его пулей не возьмешь, но сюда он не вернется. Он гадкий и пугливый. Небось уже черт-те куда по своим ходам урыл. А у вас гранаты есть? — спокойно спросил Сухой. Сталкер оставался совершенно невозмутим, как будто только что не было «морока» и стрельбы. Вроде как все в порядке.

— Да найдем что-нибудь и получше гранат. — Вадим порылся в багажнике и достал приличный по весу заряд пластида. Воткнув в него радиовзрыватель, он направился к воронке и, глянув бегло в нее, бросил в дыру заряд.

— Тимур, накрой свою стряпню, еще песка нанесет, — Вадим подождал, пока и Тимур, и остальные прикроют все разложенное на земле защитной пленкой, и после этого нажал кнопку подрыва. Видимо, заряд упал достаточно глубоко. Большого выброса не произошло, только, поглощая дыру, просел грунт,

— А говорил, тут не Зона даже. Мол, не опасно. — Клава укоризненно посмотрела на сталкера. — Предупредил бы, и все нормально было. Не пришлось бы валять меня по грязи. Но все равно — спасибо.

— Да разве это опасность? Просто знать надо. Я ж не могу все предусмотреть, — примирительно сказал Сухой. — Ладно, «морок» не вернется, второго рядом не бывает. Так что теперь, я думаю, точно не опасно. Пожалуйста.

— Ладно, поверим тебе на этот раз, — согласился Малахов, — вот только, боюсь, Гасло не скоро к нам придет после такого шума.

— Да ладно, — протянул Сухой. — Чтобы сталкер грохота испугался? Грохот, он, как правило, от людей, чего их боятся?

— Ну, я как раз обратного мнения. — Тимур, который не прекращал резать мясо, следил за беседой. — Зона пока особо страшной не выглядит.

— Не туда смотрите, — угрюмо протянул Сталкер. — А Гасло придет. Не мчаться же ему сразу, не присмотревшись.

Тем временем работа над шашлыком шла самым активным

образом. Шампуры, конечно, были импровизированные, для этого Герман облазил окрестные руины вертолетов и нашел подходящую стальную полосу от обшивки, которую и нарезал с помощью своего неизменного мультитула. Хотя особых специй и маринада не нашлось, над импровизированным лагерем повис дурманящий запах жареного мяса. Тимур, явно преувеличив число едоков, кроме шашлыка, запустил еще и кабанью ногу на вертеле, сделав для этого отдельный костер. Ради него он сам сбегал на опушку и притащил невероятных размеров бревно.

К тому времени, как первые порции мяса были готовы, Клавдия накрыла импровизированный стол и с разрешения Тимура достала спирт, прихваченный для сугубо медицинских целей.

— Ну что, за первую ночевку в Зоне, — предложил Гера тост. — Как, Сухой, можно за это пить?

— Считай, как за день рождения, — не очень понятно объяснил Сухой и, догадавшись, что его мысль не дошла, продолжил: — Если в Зону попал, она в тебе навсегда останется. Так что, считайте, новая жизнь.

— Ну, с началом! — заключил Гера и опрокинул отопку со спиртом.

За ним последовали другие, быстро закусывая ароматным и сочным шашлыком. Тимур, наконец дождавшись вожделенного ужина, не останавливаясь, поглощал горячее мясо.

От следующего тоста отвлекло деликатное покашливание. Из-за брюха ближайшего вертолета показалась фигура человека в пыльнике, практически таком же, как у Сухого. Человек был невысок, из-под темно-синей лыжной шапочки выбивались всклокоченные волосы. Картину довершала большая нечесаная борода. За спиной у гостя торчала современная штурмовая винтовка с лазерным прицелом, непонятно откуда взявшаяся у сталкера.

— Гасло, привет, давай к нам на огонек. — Сухой обрадовался своему товарищу. -Чего затаился, словно замышляешь что-то?

Гасло улыбнулся, обнажив плохие зубы, и медленно подошел к костру.

— Я вот все не мог понять, что за люд собрался. А рассмотрел, вижу — так свои вроде. Я Гасло, местный я тут, — представился сталкер.

— Да наслышаны. — Малахов поднялся, приветствуя гостя, и протянул руку: — Малахов.

— Присаживайтесь, угощайтесь. — Клава выступила как хозяйка стола. — Будем рады.

— Спасибо, с удовольствием. — Гасло, не церемонясь, присел у расстеленной пластиковой скатерти.

ГЛАВА 17

Поведение до, во время и после землетрясения.

До землетрясения. Внутри дома прочно прикрепите шкафы, этажерки и мебельные стенки к стенам и полу.

Во время землетрясения. Не поддавайтесь панике! Быстро сосредоточьтесь на выполнении ранее продуманных действий, но будьте готовы поступить и по обстоятельствам.

После землетрясения. Находясь в здании, сохраняйте спокойствие, оцените ситуацию. Осмотрите себя и находящихся рядом людей, при необходимости окажите медицинскую помощь нуждающимся. Ходите в прочной обуви, чтобы не поранить ноги осколками и обломками. Спускаясь по лестнице, проверяйте надежность ее конструкций.

По материалам Государственного Комитета Республики Бурятия по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям

Расправив полы пыльника, Гасло раскланялся перед Клавой, принял из ее рук шашлык и замер, всем своим видом показывая, что он ожидает полного ритуала.

— Ну что, выпьем за встречу, — понял причину паузы Малахов и разлил по стаканчикам спирт. — Ну, за знакомство!

Гасло с видимым удовольствием опрокинул стакан и, крякнув, стал закусывать шашлыком. Утешив первый голод в полном молчании, гость поинтересовался.

— И откуда вы будете? Сюда редко кто забредает, не Зона

почти.

— Из Москвы мы, — ответил Малахов. — И не за хабаром, нам интересно посмотреть, что здесь и как,

— Да, Зона такая, манит к себе, только не всем показывает. Это хорошо, что Сухой вас повел, он опытный.

Сухой, хоть и поглощен был пищей, кивнул, не выпуская из зубов кусок шашлыка, застрявшего на шампуре, словно соглашаясь с Гаслом — «мол, опытный, да».

— Что-то часто из Москвы к нам стал народ ходить. — Гасло посмотрел с некоторой тоской на пустой стакан. — Неужто там у вас так скучно стало?

Гера, не томя публику, наполнил стаканы.

— Давайте выпьем, чтобы нам всем везло! — Гасло решил, чтобы не задерживать процесс, сам произнести тост.

Выпили, и опять на время повисла пауза. Малахов, понимая, что, витая вокруг да около, можно ничего и не добиться, решил перейти к делу.

— А вы говорите, группа московская была еще одна, она что, тоже не за хабаром? Просто туристы?

— Да нет, дело у них тут было. Артефакт один искали. — Гасло говорил, не прекращая жевать.

— И как? Нашли?

— А кто их знает, — протянул Гасло. — Что-то нашли, а то ли, что искали… Кто же знает?

— Гасло, не пудри людям мозги, — внезапно произнес Сухой. — Они знают, что группа пропала, и ищут то, что эта группа искала.

Малахов сердито глянул на Сухого, он боялся, что такая прямота спугнет сталкера и усложнит задачу. Но, видимо, Сухой лучше знал своего коллегу. Гасло ничуть не смутился и без колебаний ответил:

— Да кто его знает, пропали они или нет. Ну отвел я их к Сфере, ну а там… — Сталкер замолчал, на лице было такое выражение, словно он старался в мелких деталях вспомнить произошедшее.

— Что там? — тихо спросила Клава. -. Вы же не бросили группу?

— Со Сферой все не просто. Ведь Сфера, она же корыстных не любит. Если один к ней придешь, то никогда ничего не сбудется. А идти с кем-то — тоже стремно. Мало ли что напарник задумает попросить. Ведь никому даже вселенную пополам делить не хочется. Да и выполнит Сфера не то, что просишь — стопудово! — Видимо, Гасло давно хотел поговорить о последних событиях и просто не находил собеседника. — Ну вот и пришли мы туда, я

только подумал, а вдруг бах — в ириш-пубе сижу. Водку жру. Как пришел, как заказал — не помню. Одно знаю — что теперь жизнь изменится. Все будет по-другому! Правильно.

— А что заказал-то, не секрет? — Сухому тоже было интересно.

— А что же нормальный человек не откажется попросить? Я что, людям враг? Чтобы исполнилось заветное и у меня, и у них…

Голос у Гасла стал мечтательный, в нем даже явно прослушивались нотки человека, который доволен Жизнью и, может, даже счастлив.

— Исполнилось? — Малахов глядел на Гасло внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. — Винтовку вот твою суперовскую тоже тогда получил?

— Ну, пока нет, но все к тому идет! Хорошо мне, понимаете, хорошо! А винтарь — мой, у меня давно! — Тут Гасло выразительно глянул на стакан, явно желая повысить уровень хорошего в организме. Малахов прикоснулся к своим очкам, словно поправляя их, и записал в память фото винтовки так, чтобы номер был хорошо виден.

— А про группу ничего больше не слыхал?

— Да плевать мне на группу! Я им тоже хорошего пожелал. А они исчезли. Да и ладно…

— А нас отведешь к Сфере? — Клава произнесла это вкрадчиво, ее друзья поняли, что она пытается подчинить волю Гасла себе.

Но сталкер не отвечал, он молча поглощал шашлык, обкусывая с шампура большие куски мяса и долго их пережевывая. Из пищевого ступора его вывела очередная порция прозрачного в стакане.

— Давайте выпьем за нашего хозяина, — подняла стакан Клава. — Чтобы он исполнил все свои заветные мечты и оставался всегда таким добрым и отзывчивым.

За это и выпили.

— Я не ходок уже в Зону, мне и тут хорошо, — Гасло, словно выждав большую паузу, ответил Клаве. — Да и вам оно зачем?

— Каждый хочет кусочек своего счастья, правда ведь? — Клава не отставала от Гасла, говорила четко и слегка приглушенно, так что Гаслу приходилось слегка прислушиваться. Она старалась, чтобы все внимание сталкера было приковано к ее словам. — А его должно хватить на всех.

— А Сухой вас что, не отведет? — кивнул в сторону своего коллеги Гасло. — Вы-то его первым наняли. Сталкеров в дороге не меняют.

— Так не меняем мы его. Вместе пойдем.

— Не знаю я, где твоя Сфера лежит. И знать не хочу! — немного резко ответил Сухой.

— Не придуривайся, Сухой! Только глухой не слышал, что Сфера в тоннеле под реактором. — Гасло говорил, не отрываясь от шашлыка. — Правда, где вход в тоннель, этого ты, конечно, можешь и не знать.

— Так отведи людей, что же ты за сталкер, если не хочешь людей отвести куда надо? — Сухой не отставал.

— Отведи нас, Гасло, — поддержала Клава. — Мы заплатим хорошо.

— Утром поговорим, -г отрезал Гасло. — Спасибо за стол, спать пора!

— Ну чего спешишь? А поговорить? — остановил его Сухой. — Люди вот впервые в Зоне, интересуются.

— Зона — она у каждого своя, — многозначительно произнес Гасло. — Вот вы, уважаемые, как сюда въезжали?

— Ну, как… — задумался Малахов.

— Так через КПП Лелив, — помог Тимур.

— О! — Гасло обрадовался. — Сразу видно — по карте и книжкам готовились! Нету Лелива! Есть Лелёв! И всегда был… А какие-то умники вдруг на картах в девяностые годы написали на мове «Лилив». А не звали его никогда местные так. Лелёв, и все! Вот так просто определить, кто Зону по книжкам учил, а кто тут свой.

Ни секунды не задерживаясь, он поднялся и направился в темноту. Через мгновение оттуда, где в сумерках исчезла фигура Гасла, послышалось: «Спите в вертолете, там спокойней».

— Не очень плодотворная беседа, — заключила Клавдия. — Ну, завтра так завтра!

— А что ты можешь о нем сказать? Что ты чувствовала? — Малахов отложил свой обглоданный шампур и плотно закупорил фляжку со спиртом.

— Что-то там не так. Такое ощущение, что он словно под психоблокадой. Хотя все может быть проще. Скажи, Сухой, а Гасло сильно закладывал раньше?

— Да это старая история, — подумав, ответил Сухой. — Он вообще последние пару лет практически ни-ни, после того как Тяга вытащил из «жадинки». А попал Гасло туда потому, что пил не в меру!

— Ну, тогда все может быть просто, но лучше пока не будем делать выводы, давайте ночлег готовить. — Клава решительно стала убирать остатки еды.

— Куда спешить, мяса еще полно, — попытался возразить Тимур, но понял, что Клава не собирается ждать, пока он наестся,

подхватил нетронутый шампур и, держа его как флаг, отправился к машине помогать готовить ночлег. Внутренности старых грузовых вертолетов за годы стоянки на свалке были выпотрошены «под ноль». С трудом удалось найти один, у которого сохранился настил на полу. Внутри на удивление мало фонило, можно было спокойно устраиваться на ночь. Через полчаса импровизированный бивак был готов.

— Будем дежурить ночью, не очень я доверяю Зоне, — сказал Малахов.

Сухой удовлетворенно кивнул. Вадим назначил порядок вахт. Первым — Сухой, потом Гера, Тимур, и на самое гадкое время — себя. Сухой, противореча самому себе, побурчал, что от беды никакое дежурство не спасет. Полез на пилотское место, где еще хранился остов кресла, запахнув неизменный пыльник поплотнее, поставил свое ружье между ног и отрешенно уставился в темноту. Сон пришел к остальным моментально, провалив сознание в черное небытие.

В пять утра, когда началась вахта Вадима, было еще совсем темно. Зона хоть и делала вид, что кругом весна, но ночи были по-осеннему длинны и беззвучны. Холодный воздух из выбитых окон в кабине вертолета быстро разогнал остатки сна. Вадим, устроившись поудобнее в разбитом кресле, достал палм. КПК был постоянно соединен с основным компьютером «Патриота». Первое, что поразило Вадима, — не было связи с Центром. Словно Центр отключил все виды коммуникаций. Потом хуже — сканер не работал. Вернее, работал, но так, словно главный датчик сканера залит тоннами свинца и пространства вокруг него нет. Один за другим Вадим запускал тесты системы — все компоненты сканера работали отлично, но никакой информации он не выдавал. Словно пространство вокруг свернулось. Отсутствие связи и каких-либо данных об окружающей обстановке пугало. Вадим меньше всего ожидал, что группа останется без связи и сканера. Внезапно Малахов почувствовал легкую дрожь. Сначала показалось, что кто-то из товарищей просто решил пройтись внутри алюминиевого корпуса и от этого заскрипел старый металл. Потом дрожь, неритмичная и нервная, начала усиливаться. Словно вертолет забился в эпилепсии. Вся группа, как солдаты по команде «подъем», вскочила на ноги.

— Вадим, что случилось? — Клава первой добралась до пилотской кабины по колышущемуся полу, который так и норовил вырваться из-под ног. — Что это?

— Клава, не знаю, — голос Вадима чуть дрожал от вибрации, — но системы не работают.

— Я сейчас, — отозвался Гера. — Проверю машину.

— Сидите все внутри! — заорал Сухой.

Сталкер рявкнул так, что ни у кого не осталось сомнений, что он знает, что надо делать.

— В укрытии больше шансов выжить! Это Зона!

— Сидим! — кратко ответил Вадим.

Внезапно, будто пришел незваный рассвет, снаружи посветлело. Но это был неестественный, зеленоватый свет, как на дискотечном лазерном шоу. К дрожи и скрежету обшивки прибавились звуки, приходящие извне. Словно не выдержав многолетнего забвения на кладбище, стали стонать машины. Техника кричала от боли и обиды. Ближайший вертолет начал вращать ротором с одной оставшейся целой лопастью. От чудовищного дисбаланса машину стало раскачивать, и ее конвульсии совершенно не совпадали с общим ритмом вибраций, охвативших всех и вся. Через мгновение лопасть, треснув у основания, убийственным лезвием полетела в сторону от вертолета. Как меч великана она пронзила вертолет, в котором укрылись люди. Лезвие прошло в сантиметре от Тимура, пропоров навылет брюхо давно уже мертвой машины. Вибрация не прекращалась. Но звук снаружи стал меняться. Это уже был не металлический стон мертвой техники, гудела сама земля — сначала басовитым рокотом, потом все громче и громче, уже на пределе чувствительности человеческого уха, к рокоту стал примешиваться вой. Звук терзал людей как холодный скальпель.

И тут начался ад. Зеленое свечение превратилось в бушующее голубое пламя. Тимур, еле держась на ногах, достал их аптечки таблетки каспарамина и с трудом передал остальным — вибрация и звук парализовали сознание, пламя за бортом пожирало больное пространство. Техника сорвалась со своих мест и танцевала в безумной воронке. Клава, стоя на четвереньках на полу, пыталась ввести команду в палме и, не выдержав, в какой-то момент рухнула без сознания. Вой стал расти в тональности и прерываться. Очень скоро это уже был не вой, а скрежет, чудовищный металлический скрежет, словно два «Титаника» сошлись в смертельной драке. А потом как будто исполин хлопнул ладонью по кладбищу техники. Техника прилипла к земле, прогнулся внутрь фюзеляж вертолета. По барабанным перепонкам ударило тупой волной боли, и *для* людей, которые боролись за свою жизнь, впиваясь руками в металл, чтобы не унесло в небытие, все кончилось. Сознание не выдержало и покинуло всех на время. Мир и людей поглотила темнота.

Утреннее солнце высвечивало пылинки, скользнув тонким лучом внутрь вертолета. Первое, что увидел Малахов, это сидящего в проеме пассажирского люка Сухого. Тот спокойно

читал книгу. Каким-то шестым чувством сталкер понял, что Вадим пришел в себя, и без всякого вступления произнес:

— Вот же ж что удумали! Не люди, а изверги! — Для убедительности сталкер помахал раскрытой книжкой, которая захлопала страницами, как птица. — Чтобы сталкер впереди себя пускал пацанов необученных. Да и назвали как! Отмычки! Сталкер никогда такого не сделает! Не зря написано — фантастика! Может это какие американские сталкеры, не знаю, но наши такими сволочами не будут!

— Насмотрятся «хелло-бобских» фильмов, книжонок всяких начитаются и будут. — Вадим себя чувствовал на удивление прекрасно, видимо, сработала лошадиная доза каспарамина. — А что остальные?

— Да нормально! Спят! А что за «хелло-бобские»?

— О, я думал, это все знают… Это в советские времена фильмы наши снимали про ту жизнь. Вот и представь, Дикий Запад, салун, на стене реклама «кока-колы». Стоит бармен — Моргунов. Входит ковбой — Никулин. Ну вот Никулин и говорит Моргунову: «Хелло, Боб!» А тот ему в ответ: «Хелло, Джим!» Ну и такая же красота и дальше. В общем, я думаю, ты понял. Художественное изложение несуществующей жизни средствами искусства. Разновидность фэнтези.

Сталкер кивнул, мол, понял.

— Часто у вас такое? — Вадим встал и с трудом, борясь с болью, размял мышцы.

— У нас такого не бывало. Это вы, видать, натворили. — Сухой спрятал книгу в карман пыльника и грузно вскарабкался внутрь вертолета. — Надо бы выйти, да как-то… Не знаю, что там теперь.

Разговор разбудил спящих в глубине кабины. Все чувствовали себя вполне нормально, только предательская струйка крови, засохшая на щеке Германа, напоминала о том, что пришлось перенести вчера.

— Ну что, руки целы, ноги целы? Будем выдвигаться? — Тимур чувствовал себя бодрее всех. — Я сейчас завтрак соображу!

— Сидеть и не высовываться, — строго произнес Сухой. — Если не хотите отмычками стать!

— Чем-чем? — не поняла Клава.

— Я потом объясню, — успокоил ее Малахов. — Это так, литературный образ. Но благодаря Сухому мы обошлись без потерь. Надо нашего сталкера чаще слушать. Кстати! — Вадим достал палм, который даже в суматохе вчерашнего безумства он успел надежно закрепить на разгрузке, и проверил системы. Связи с Центром не было. Но сканер работал в обычном режиме,

сообщив о мелкой животной сволочи, околачивающейся вокруг кладбища. Словно ничего и не было этой ночью.

— Смотри, всю свалку кувырком перекувыркнула, а наше-то машинко — ничего, выдержало, — обрадовался Тимур, заглядывая Вадиму через плечо.

— Скажи спасибо Клаве. — Малахов кивнул в ее сторону. — Она сознание потеряла, но успела анкер активировать.

— Да ничего я не теряла, — возразила Клавдия. — Так, легкий женский обморок! Бывает перед полнолунием.

— Сухой, кидай гайки, пора выбираться из этого Саркофага! — Малахов отключил и спрятал палм. Выпрямился, насколько это можно было сделать внутри вертолета, и вопросительно глянул на сталкера.

Сталкер, переняв опыт у Геры, привязал бинт к гайке, выглянул из люка и выбрал направление. Гайка, вильнув марлевым хвостом» описала дугу и упала невдалеке.

— Вроде чисто, ждите!.- Сухой легко спрыгнул на землю и осторожно направился к тому месту, где виднелся бинт.

— Чисто! Давайте за мной, только, чур, след в след! Не нравится мне все это спокойствие. — Сухой махнул рукой, подбадривая остальных.

Так, в несколько приемов, добрались до «Патриота», который стоял метрах в пятнадцати с другой стороны борта. Ночной катаклизм порядочно потрепал машину — прогнутая крыша, сорванная главная антенна. Но внедорожник стоял там, где его оставили. Четыре троса, загнанные глубоко в землю пиропатронами, намертво приковали машину к стоянке. Анкер сработал на сто процентов. Герман незамедлительно принялся за ремонт антенны, Тимур со сталкером продолжили тщательно, шаг за шагом, изучать пространство вокруг стоянки.

— Сухой, ты что, «стальку» нашел? — поинтересовался Тимур, после того как сталкер уже в десятый раз украдкой подобрал что-то с земли.

— Ну «стальку», а что? Тут ее с ночи вон сколько нападало! Видать, вместе с бурей какая-то новая аномалия разыгралась, — сказал Сухой, не прекращая собирать в изобилии рассыпанную «стальку». — Если так и дальше пойдет, то, видать, не зря я с вами поперся!

Внезапно сталкер окаменел и заорал:

— Стоять! Не шевелись!

Тимур замер на месте, словно на стоп-кадре.

— Видишь? — еле слышными шепотом спросил Сухой, вытаращенными глазами показывая куда-то вперед.

Там, в двух метрах от Тимура, в воздухе чуть колыхалось

марево, как жар над не закипевшим чайником.

— Что это? — беззвучно спросил Тимур.

— Хер его знает!

Тимур плавно и осторожно достал очки-коммуникатор и, надев их, произнес, вызывая на связь основную группу:

— Клава, впереди нас артефакт неопознанный, просканируй и дай картинку.

Картинка, спроецированная на сетчатку, совпадала в пространстве с тем, что видел Тимур сквозь очки. В том месте, где колыхалось марево, теперь было хорошо видно цилиндрическое образование величиной с бак от стиральной машины. Оно висело в воздухе почти неподвижно, только слегка качалось вокруг цилиндрической оси.

— Объект невещественен, — услыхал Тимур доклад Германа. — Высокая степень электрической поляризуемости, если разрядится — возможен большой выброс заряженных частиц.

— Что говорят? — Сухой уже давно понял назначение очков-коммуникаторов.

— Ну, если тронуть, может ё… стукнуть током. Тут, словно услышав, что о ней говорят, аномалия

тихонько качнулась на месте и медленно поплыла в сторону Тимура.

— Кинь в нее чем-нибудь. — Тимур понимал, что уйти не удастся.

Сухой медленно достал гайку и так же медленно стал привязывать к ней бинт. Казалось, он не успеет, и эфемерный цилиндр накроет Тимура. Но тут невесть откуда взявшийся воробей, летевший по своим делам, ныряя вниз для набора скорости, влетел со всей дури в аномалию. В доли секунды, захватив птицу электрическим разрядом, цилиндр раскрутился до бешеной скорости и осыпал Тимура и Сухого кровавыми обрывками перьев. И, словно насытившись, спокойно поднялся в небо.

— Экая карусель получается, — воскликнул Сухой, провожая взглядом исчезающую аномалию. — Надо мужиков предупредить, такого еще не бывало.

— Я так понимаю, после ночного концерта тут много чего еще появится, — пробормотал Тимур. — Так что будем мы с тобой на пару на сталкеров нового типа учиться.

— Настоящим образом, — добавил Сухой.

— Связь есть! — раздался радостный возглас Тельбиза. Он как раз закончил ремонт снесенной ночью антенны.

Из Центра, выслушав подробный доклад группы, сообщили, что ночью наблюдался интенсивный выброс изотопов из

Саркофага. Изотопы были все короткоживущие, и особой радиационной опасности в настоящий момент нет. Никаких данных по сейсмоактивности или повышенному уровню электромагнитного излучения не поступало. Спутниковый мониторинг невозможен из-за плотной облачности в районе Зоны. Предлагается продолжить работу по начальному плану.

— Облачность, говорите, — пробормотал Малахов, глядя в бирюзовое, без единой тучки небо. — Ну ладно, по плану так по плану. — И повернулся к сталкеру. — Так что, Сухой, пойдем к Сфере счастье искать, или тебе все еще религия запрещает?

Сухой стоял, оперевшись на капот машины, и безразлично смотрел по сторонам.

— Да отчего бы и не пойти, что я, совсем отмор какой-то? Вас все равно не переубедишь, а без моей помощи не обойдетесь. Вон Зона-то что творит, вместе изучать веселее. Но с хабаром — уговор прежний! — Сталкер выпрямился, всем видом демонстрируя готовность.

— Ну давай, ищи своего кореша, и отправляемся. — Тут Вадим на секунду задумался и произнес: — Только экипировку тебе надо улучшить.

— Плащ не отдам! — категорически возразил Сухой. — Мне его знакомый министр из Новой Зеландии подарил! Это «скин-ойл» знаменитый. Меня тут Зона прихерачит однажды, и через сто лет найдут мой скелет в этом плаще. А плащ как новенький!

— Да нужен нам твой плащ! У нас есть лишний комплект очков-коммуникаторов. Они тебе помогут не только связь с нами держать, но и видеть гораздо больше, чем ты видишь сейчас. Опять же новые аномалии легче находить.

— Не шибко я верю в ваши цацки, — поморщился сталкер.

— А ты попробуй! — Малахов обернулся. — Гера, дай ему тот комплект, что у нас лишний. Только поставь фильтр на информацию. Допуск для Сухого мы оформить не успеем,

Гера понимающе кивнул и через несколько минут, проведя необходимые манипуляции, протянул Сухому очки, которые чуть было не достались тетке-вахтерше.

— Вот смотри, простая штука. — Герман стал показывать. — Это не просто очки с передатчиком. Сами стекла — волоконный усилитель изображения. Ты сможешь видеть все, как в нормальной жизни, а можно получить й инфракрасную картинку. Причем даже в дальнем инфракрасном диапазоне. Ты сможешь увидеть любое теплокровное существо и ночью, и сквозь листву дерева. Дальше — вот эти штучки на внутренней стороне оправы. Это устройство проецирования на сетчатку. Кроме того, что ты видишь перед собой, тебе передается информация с главного

компьютера, соединенного с большим сканером. Так что ты, если захочешь, можешь увидеть и спутниковую карту, и данные по объекту, и многое другое. Если надо будет — спрашивай, мы поможем. Управление дисплеем голосовое, а пока научишься — вот маленькая кнопочка на дужке. Ну и понятно — голосовая связь. Понял все?

— Да что тут не понять, — спокойно ответил сталкер, словно он всю жизнь только и имел дело, что с подобной техникой. — Мужики рассказывали про такую фигню. Ну, не знаю, насколько это удобно, но раз вы так настаиваете — попробую.

Сталкер церемонно нацепил на нос очки и стал прислушиваться к собственным ощущениям. Понажимал кнопочку на дужке, переключая информационные каналы, произнес «раз-раз», проверяя слышимость. Потом спросил, уже явно оценив возможности прибора:

— Можете мне дать картинку по живым объектам здесь, на кладбище?

Малахов удовлетворенно кивнул Гере, а тот немедленно передал Сухому данные сканирования.

— Ага, вот он где, родимый, расположился! Ну, я пошел к нему, ждите! — Сухой почему-то задирал нос› как слепой, видимо, не привыкнув к многообразному изображению, которое он получал с очков. — Хотя не нравится мне вез это.

— Что не нравится? — спросил Герман.

— Да с чего бы это Гасло, как пень, сидел на одном месте? Утро уже, хотъ пожрать приготовить надо.

— Гера, дай данные по биокативности объекта. — Малахов понял тревогу сталкера.

— Даю, — отозвался Тельбиз, — пульс — тридцать пять, артериальное давление — семьдесят на сорок, дыхание поверхностное, учащенное, температура тела — тридцать четыре и пять. Слушайте, а ведь он…

— Хреновато ему… Все, я пошел! — Сухой решительно двинулся туда, где поданным коммуникатора находился Гасло. — Биокативность, говорите… Хе!

На пути Сухого никаких явных аномалий не предвиделось. Но сталкер, несмотря на техническую поддержку, останавливался время от времени и по старинке бросал гайки.

Сталкер двигался, в основном доверяя своему опыту. Все известные ловушки он заранее видел, если даже не чуял. Вон там «воронка» слева вдалеке затаилась, колеблясь воздушным столбом, искажающим картинку. В очках она отображалась чуть синеватым конусом. Видимо, ее проявление теперь можно было определить не только по колышущемуся воздуху, что-то менялось

и в ультрафиолетовой части спектра. Про себя Сухой отметил, что, несмотря на ночной катаклизм, вокруг все оставалось таким же, как и раньше. Примерно таким же. Но, во-первых, в воздухе чувствовались новые, едва различимые запахи. Эти запахи были незнакомыми и потому тревожными. Во-вторых, странные коричневые нити, словно выброшенные из моря водоросли, свисали местами с ржавой техники. Проверять их свойства Сухой пока не хотел и старался, продираясь через ряды железной рухляди, этих нитей не касаться.

Гасло лежал, придавленный бортом перевернувшегося грузовика. Машина наклонилась на правый бок, словно кто-то отрезал у нее по этому борту колеса. Оторванные, они валялись в стороне, метрах в тридцати. Гасло лежал лицом вниз и стонал. Он был в сознании, но ослаб от сильной кровопотери, и стон его был почти не слышен.

— Гасло, держись, сейчас ребят позову, мы тебя высвободим. — Сталкер присел на корточки возле товарища и, отстегнув фляжку, которая до сих пор пряталась в складках пыльника, попытался смочить водой сухие губы раненого.

— Слышим, двигаемся к тебе, — раздался голос Малахова в коммуникаторе.

— Машина нужна, сами его не вытащим. — Сухой оценил вес грузовика. — Двигайтесь точно по моим следам, там «воронка» есть одна, и не нравятся мне эти отрепья коричневые — не влетите!

— Вот я и не успел, — прохрипел Гасло. — А ведь еще день-два, и сработало бы. Я чувствовал. Ведь это на счастье мне так ночью все…

Хриплый кашель с кровью не дал договорить. Видимо, сломанное ребро проткнуло легкое. Тяжелая судорога исказила лицо раненого.

— Молчи, силы береги. — Сухой взял в руки ладонь Гасла — она была холодной. Холодной смертельным холодом.

— Я дурак, нельзя было выходить наружу. Нельзя ночью в Зоне без крыши. А ты пойди с этими, найди Сферу.

— Да мы еще вместе столько сфер найдем! — Сухой, видевший смерть в Зоне много раз, никак не мог к ней привыкнуть. И сейчас он не верил, что его товарищ, да и не товарищ даже, а просто хороший знакомый, погибает.

— Тоннель там, за забором. — Гасло опять зашелся в клокочущем кашле. — Ты пойди. Сделай, чтобы…

Не договорив, Гасло потерял сознание. Звук приближающегося «Патриота» заставил Сухого оглянуться. Он надеялся, что сейчас Гаслу помогут. Машина, не имея

возможности пройти в узкий коридор между ржавыми автобусами, остановилась. Тимур первым выскочил из машины и подбежал к Гаслу. Пощупав пульс, он немедленно сделал ему стимулирующую инъекцию.

— Эх, блин, часом бы раньше! — зло и безнадежно прошипел Рымжанов.

В это время Вадим и Гера уже приладили трос к покосившемуся грузовику. Тихо зажужжал мотор электролебедки, и грузовик медленно стал подниматься на левый борт.

— Стой — не вздумай тащить его! — остановил Сухого Тимур. — У него позвоночник поврежден.

Тем временем под искореженные оси грузовика Малахов с Герой подложили те самые сорванные колеса, а под них, чтобы распределить нагрузку, толстый лист металла, намертво заблокировав остов грузовика.

— Какие шансы? — спросил Малахов у Рымжанова.

— Никаких, у него уже некроз начался в нижней части. Как он только выжил до сих пор?

— Да, вот оно, счастье, — вздохнул Сухой.

— Выпить есть? — Гасло на мгновение пришел в себя. — Ты всегда с собой носил.

Голос раненого был совсем слаб, слова неразборчивы, глаза, теряя прозрачность, уже подернулись легкой голубоватой пленкой.

— Вот. — Над сталкером склонилась Клава и поднесла к его губам горлышко плоской металлической фляжки. — Выпей, тебе легче станет.

— Коньяк, — сделав несколько судорожных глотков, прохрипел Гасло. Даже в этом хрипе угадывалось удовлетворение. — Как с колеса на десять колясок подняться от семнадцатого — вход покажет.

Гасло вдруг сделал попытку нащупать что-то рядом с собой, но, не найдя, прошептал:

— Иди… Это все волхвы… — Глаза у сталкера подернулись пеленой, он широко улыбнулся и произнес: — Хорошо как.

Гаслу уже было хорошо. Он смотрел мертвыми глазами в небо и улыбался.

— Похоронить надо, — тихо сказала Клава. И, грустно посмотрев на Сухого, добавила: — Только не говори, что Зона сама разберется!

Сухой, только махнул в сердцах рукой, молча пошел к машине, открыл заднюю дверь и достал лопату. Видимо, он раньше ее заметил.

— Идите, я сам. Это наше, сталкеровское дело. — Потом

добавил: — Только возвращаться не вздумайте старой дорогой.

Сухой, дождавшись, когда все ушли, остервенело стал ковырять твердую глинистую почву, с хаком вгрызаясь в нее лопатой. Потом, когда уже над свеженасыпанным могильным холмиком стоял крест из скрученных проволокой железных труб, Сухой огляделся и направился к стоящему рядом автобусу. Он безошибочно определил логово Гасла. Там среди нехитрых вещей покойного он отыскал горсть гаек, И, вернувшись к могиле, горкой сложил их на вершине холмика. Посидел немного рядом и решительно направился назад, к месту стоянки, тщательно выбирая новый путь.

— Ну что, будем двигаться? — Сухой без всяких вступлений обратился сразу ко всем: — Нам надо за забор, к Саркофагу. Это не каждый сможет.

— Ну, Гасло-то смог, — возразил Вадим, — И мы сможем.

— Только, не зная, где вход, можно долго искать! И это был Гасло! Он один знал Зону так, что… Он был моим другом. — Клаве показалось, что Сухой смахнул слезу.

— А что он говорил про колесо и коляски? — спросила Клава.

— Не знаю, на месте разберемся. Надо идти. Дорога не близкая, и что там будет на пути, неизвестно. Зона за ночь натворила много. Надо трассу проложить. Есть карта?

— А что, по старой дороге никак? — поинтересовалась Клава.

— Никак! — отрезал Сухой. — Запомни! Никогда не возвращайся той же дорогой. И всегда иди след в след за мной.

— Ясно, — кивнула Клавдия. — Карта, конечно, есть. Клава вывела на дисплей спутниковую картинку.

— Мы находимся здесь, ехали по этой двухполосной, — начала объяснять Клава.

— А тут через поле сможешь? — Сухой выбрал дорогу через северную часть кладбища.

— Да вполне, — кивнула Клава. — Я поняла уже, что ты хочешь.

— Тогда по коням, — резюмировал Малахов. — Гера, передай сводку в Центр.

ГЛАВА 18

Головные боли могут быть вызваны различными причинами.

Общеизвестный факт

Все заняли свои места, ждали только Сухого. Смерть человека, пусть и малознакомого, давила. Больше угнетало даже не то, что практически терялся ключ к поиску Сферы. В который раз все происходило не так, как нужно. А вот теперь еще и потеря сталкера.

— Отсюда поедем в город, а уже из центра повернем к Саркофагу, — неожиданно произнес Сухой, устроившись на своем, ставшем уже привычным боковом сиденье. — Иначе нельзя.

— А почему нельзя? — поинтересовался Тимур. — А напрямую? Клава сказала, что может и по полю…

— Не нравится мне сегодня, не нравится, — покачал головой сталкер. — Если тут, на свалке, где не Зона вообще, такие аномалии попадаются, то что говорить о настоящей Зоне. А так дорога прямая, просматривается хорошо. Только вот что…

Сухой внезапно, словно передумал, выбрался из машины.

— Давайте так, тут с километр примерно, я пойду впереди, а вы потихоньку за мной.

— Что случилось? — Вадим высунул голову из бокового окна кабины. — Что беспокоит?

— Мне не нравится хата эта, впереди, метрах в шестистах. Я же карту смотрю. — Сталкер совсем освоился с коммуникатором.

— А что с ней, с той хатой? — удивился Тимур, глядя в свою очередь на ту же карту.

— Не нравится, и все! Можете мне дать картинку поподробней? — Сталкер не мог объяснить свою тревогу, и от этого она становилась все сильнее.

— Да, пожалуйста! — Гера набрал команду на главном компьютере. — Вот тебе еще и скан по биообъектам в округе. Чисто.

— Чисто, чисто, — недовольно буркнул Сухой. — Давайте за мной потихоньку.

Он бросил гайку и, удовлетворившись результатом, осторожно зашагал по грунтовке.

— А вот скажите мне, что это совсем маленькое, словно песчинки красненькие на картинке? Живое? — Сталкер остановился, отведя назад руку с раскрытой ладонью.

— Ты что, в штатовском спецназе служил? — узнал Малахов условный сигнал. — А красные точки — это мелочь всякая не больше мыши, да и то по норам устроилась — несколько сантиметров под землей. Биологические объекты определяют не только по температуре. Сканируется в нескольких диапазонах, и потом система по куче параметров делает вывод о том, что это.

— Ясно, не тупой, — буркнул Сухой, но не сдвинулся с места.

Сталкер стоял и вынюхивал что-то в холодном воздухе Зоны, в легком ветерке, время от времени налетавшем со стороны леса. Инстинкт, ставший в Зоне почти звериным, но усиленный в тысячи раз человеческим разумом, подсказывал ему опасность. Опасность невидимую, неслышимую, не поддающуюся распознанию чуткими приборами. Постояв так немного, Сухой уже было решился идти, но тут раздалась команда Малахова:

— Ты был прав, стой или вернись в машину.

— Что там? — Сталкер даже на десяток метров не хотел возвращаться по тому же пути, но винтовку взял наперевес.

— Сканер показывает движение этих самых мышек. Не спят они. Сейчас и ты их увидишь. — Малахов переключил степень увеличения на экране сканера и передал картинку Сухому. Рябь красных точек, до сих пор почти неподвижная, вдруг зашевелилась. Сначала хаотически, словно шум на экране телевизора без антенны, а потом совершенно определенно начала согласованное движение. Даже без анализа компьютером было понятно — лесная мелочь двигалась именно к той разваленной избе, которая так беспокоила сталкера.

— В машину, быстро! — Малахов уже приказывал, а не предлагал.

Пятясь, пытаясь не терять из виду полуразрушенное строение, Сухой вернулся к машине, и без колебаний забрался на свое место.

— Это что за год лемминга тут у вас? Часто мыши толпами сбегаются? — Малахов смотрел как зачарованный на мириады красных точек, стекавшихся к избе.

— Первый раз такое вижу. Хрень какая-то. — Сухой тоже был потрясен этим зрелищем.

Через мгновение уже не надо было сканера, можно было увидеть наяву, как серый, колышущийся ковер стал стягиваться к полуразрушенному дому. В какой-то момент волна мигрирующих зверьков иссякла и, словно втянутая гигантским пылесосом, исчезла внутри здания.

— Блин, да что же это такое! — Малахов увидел, как внутри здания сканер показал движение объекта, который по температуре не отличался от окружающей среды.

— Это что за чертова игрушка там движется? Гера, попробуй дать картинку четче!

Герман и так уже пытался использовать все возможные резервы сканера и экстраполяционых программ компьютера.

— Сейчас, секунду, восстанавливаю синтезированное изображение.

Герман закончил манипулировать с компьютером и, нажав «энтер», стал ждать, пока система выведет картинку на экран.

— Ох, бля-а… — только и смог вымолвить Тельбиз, увидев построенное изображение. Он немедленно передал его всем присутствующим.

Отвратительный, совершенно непривычный для человеческого глаза паук в полметра диаметром разворачивал свои суставчатые конечности. Мохнатое туловище без каких-либо признаков глаз оканчивалось мерзкими жвалами. Картинка была настолько реалистична, что Малахову даже показалось, что он слышит запах капающего со жвал секрета. Изображение реального времени показывало, что собравшиеся в доме грызуны сгрудились вокруг паука и замерли. Потом как по команде ринулись на паука, образовав из своих тел громадный шар, обволакивающий насекомое. Весь этот комок застыл в смертельной неподвижности. Зверьки не напали на паука, не стали с ним бороться. Они облепили его со всех сторон, словно пытались согреть его хитиновое тело.

— Температура насекомого растет, они что, уморить его теплом хотят? — Гера непрерывно сканировал картинку во всех возможных режимах. — Это похоже на то, как пчелы шершней убивают. Столпятся вокруг него и греют, пока тот не скопытится.

— Какого… они вообще сюда приперлись? — Сухой, никогда не видевший подобного, был напряжен и даже напуган.

Температура тела паука, или того, что так было похоже на паука, росла, но ничего больше не происходило. Внезапно Сухой, ничего не говоря, распахнул заднюю дверь, вылез из машины и молча, с отрешенным видом пошел в сторону дома. Он двигался с трудом, гримаса боли исказила лицо.

— Стой, куда! — заревел Малахов. Но на сталкера это не произвело никакого впечатления. Как большая кукла или манекен, он медленно шел в сторону топорщащейся сломанными досками избы.

— Блин! Опять пси-поле, — выругалась Клава. — Ребята, следите, если что снесите эту хрень, я за сталкером! Не бойтесь,

напряжение поля небольшое. Для меня.

Никто не успел возразить, и Клава, распахнув дверь, бросилась за сталкером. Она подбежала к Сухому и, резко дернув его за руку, развернула лицом к себе. Видя, что Сухой смотрит в пространство и совершенно не понимает происходящего, Клава, как непослушного мальчишку, потащила его за руку к машине. У самого борта ей помог подоспевший Тимур, и общими усилиями они водрузили Сухого на его место, накрепко заблокировав заднюю дверь. Одновременно с этим Гера, боковым зрением заметив утвердительный кивок командира, привел в действие ракетную установку. Краткий хлопок стартующих ракет — и через мгновение доживающая свой век хата взлетела в воздух в огненном столбе взрыва.

Машина ринулась вперед подальше от страшного места. Но в тот момент, когда «Патриот» проезжал горящее строение, из пламени вылетел черный шар. Он глухо ударился о капот и, расправив омерзительные лапы, намертво вцепился в машину. Казалось, и взрыв, и пламя не принесли никакого вреда мерзкому созданию. Вывернув суставы, он поднял черное круглое тело над капотом и словно уставился всем своим безглазым телом на людей. Клава ударила по тормозам, пытаясь сбросить мразь с машины, но паук вцепился намертво.

Клава видела, как побледнел Гера, как его лицо стало таким же, как у Сухого несколько мгновений назад, — отрешенным, с гримасой боли. Она и сама чувствовала, как в ее сознание пробиралась холодная рука нечеловеческого ментального поля. Но Клава находила в себе силы не только противостоять. Как два борца сумо, уперевшись друг в друга, два сознания сцепились в смертельной схватке. Одно, холодное, бессознательное, желавшее только смерти и уничтожения соперника. И второе — гибкое, податливое, делающее уступки противнику и затягивающее его в смертельную ловушку. Паук, или что это было, словно тупым железом пытался поразить мягкую податливую перину, утопая глубже и глубже, и когда он завяз в ней намертво, было уже поздно. Сознание чудовища не чувствовало противника, но уже и не могло подчиняться само себе. Мозг женщины справлялся с чудовищной нагрузкой, работал выше всех пределов человеческих сил и возможностей. Паук уже давно бросил попытку управлять сознанием всех пассажиров машины. Он полностью потерял контроль над самим собой. Неприятно дернувшись, как поломанная марионетка, он отпустил капот и свалился на землю. Вадим, не раздумывая, выскочил из машины с гранатометом. Короткий хлопок, и черное округлое тело раскололось пополам, не выдержав удара бронебойного заряда. Клава дернулась, по

инерции оставаясь в ментальном единении с мерзким созданием. Она обвела всех слегка бессмысленным добрым взглядом и тихо сползла по сиденью, улетая в небытие.

— Все нормально. — Тимур метнулся через спинку кресла и схватил Клаву за руку, проверяя пульс. — Просто обморок от перенапряжения. Сейчас ей поспать надо.

Рымжанов и Тельбиз выбрались из машины, вместе перенесли Клаву на заднее сиденье и, устроив ее поудобнее, накрыли курткой. Тимур достал из аптечки инъекционный пистолет и вкатил прямо сквозь рукав успокоительное. Рядом с Клавой сел Малахов и взял Клаву за руку. Вадим был уверен, что так ей будет легче. Тимур уже занял место за рулем, но тут вдруг заметил что-то странное на земле. Не скрывая отвращения, он поковырял мокрые и зловонные ошметки паука и извлек из них твердое образование. Осторожно, пытаясь не испачкаться о коричневато-зеленую жижу паучьих потрохов, Тимур обтер находку салфеткой.

— Ну и что мы на это скажем? — Рымжанов легко вскочил на водительское место и, сев в пол-оборота к Гере и Малахову, показал находку. — Как такое называется?

Гера взял в руки предмет, который нашел Тимур, повертел его и удовлетворенно произнес:

— Ну, я не знаю, я не биолог, но смею осторожно предположить, что это управляющий процессор для биоробота. Вот — все ощетинилось контактами, скорее всего оно вживляется в мозг. — Тут Гера на секунду замолк, услышав, как хихикнул Сухой. — Ну ладно, не в мозг, а в нервный центр. И спокойно контролирует тварь. Высокие технологии. У нас таким не занимались с советских времен. Да и еще вот посмотрите. — Гера потрогал пальцем один из отростков, окружавших процессор. — Это, похоже, антенна. Полностью покрыто диэлектриком. Какой мы вывод делаем?

— За нами продолжают охоту? — Малахову не надо было напрягать фантазию для такого заключения.

— Скорее всего так. Сухой, таких жуков раньше не видел? — Гера обратился к сталкеру, который бы еще в легкой прострации.

— Да будь оно проклято! Не было никогда такого здесь. Поехали отсюда!

— А не боишься, что опять куда-то влетим? — с нажимом спросил Вадим. Он и вправду уже начинал беспокоиться, что если препятствия будут возникать с такой частотой, то миссия может оказаться под большой угрозой.

— А толку бояться? Все равно больше, чем через ваши окуляры, не увижу. Только, Тимур, давай не быстро. — Сталкер говорил нервным, резким голосом. Сказывались последствия пси-

атаки.

ГЛАВА 19

Женщины думают по-другому.

Общеизвестный факт

Из архивов особого отдела при правительстве России.

Личное дело номер 025.
Хранить вечно»
Количество экземпляров — один.
Заполнять ТОЛЬКО от руки.
Уровень допуска — ноль.
Имя: Клавдия Петровна Моисейчик.
Дата рождения: 14.02.1985
Социальное происхождение: служащая.
Позывной: Танильга
Специальность: водитель-инструктор.
Гражданская служащая Центра
Время привлечения в группу «Табигон» — 12 мая 2005 года
Участие в операциях группы «Табигон»:
2006 — «Олгой-хорхой»
2010 — «Пьющий из ступы»
2011 — «Мимикрия»
Награды и звания: 2010 — «Герой Российской Федерации» с вручением медали «Золотая Звезда»

Утреннюю дымку над рекой разгоняли громадные попугаи, которые с криком носились над самой водой.

Их крики заглушали ровный гул водопада. Здесь Нам-Кан, приток Меконга, был совсем узкий, и джунти подступали к самой воде. До Луангпробанга было не больше восьми километров, но здесь уже не было никаких признаков цивилизации. Такой же эта местность была и тысячу, и две тысячи лет назад. И хорошо. Третий час Клава, Вадим и Гера сидели в этой дурацкой засаде. И надо же было поверить дурачкам, юродивым из деревни, что именно здесь из реки должен выйти «великий, что пьет из ступы».

Если бы не фотография, снятая со спутника, Малахов ни за что бы не согласился на миссию. И теперь, продравшись сквозь джунгли, после долгих и бессвязных бесед с местными, после трехдневной отсидки в кутузке Луангпробанга до выяснения, они наконец вышли на точку вероятного контакта. А ведь в Центре говорили, что это что-то вроде отпуска за казенный счет. Курорт. Подумаешь, нужно просто развеять сомнения в голове начальства. Да и на фотографии было изображено что-то совершенно невнятное. Типичное фото уфологов из какого-нибудь Муходранска.

Громадный попугай, александриец, налетавшись над утренней водой, решил пристроиться именно на ветке, листва которой прикрывала Вадима, В очередной раз гнусно прокричав что-то свое, наглая птица, ступая боком, подобралась поближе к Малахову, уставилась на него практически в упор, склонив голову набок. Потом, видимо, сообразив что-то, балансируя на одной лапе, попугай протянул вторую прямо к бандане Малахова и вцепился в нее когтями, желая забрать ее себе. Вадим попытался движением головы прогнать настырную птицу, но это только разозлило попугая. Бешено заорав, как будто бандану хотели отнять именно у него, попугай долбанул красным клювом Малахова прямо в ухо. Ему пришлось отмахнуться от нахала рукой. Движение рукой демаскировало Вадима, но истерика, которую закатила гадкая птица, разрушала засаду еще больше.

Тот, кто все это время пытался высмотреть группу Малахова из-под струй водопада, увидел своих врагов. Бесцветный эллипсоид метнулся вперед и, срикошетив по воде, ударил всем своим весом в то место, где только что скандалил попугай. Вадима отбросило в сторону на ствол дерева. Шквальным огнем его товарищи отпугнули нападавшего. Эллипсоид, отскочив на середину реки, подернулся дымкой, словно кальмар, выпустивший белую струю. Потом он завертелся вокруг своей оси и свечкой поднялся в небо, где через несколько секунд исчез.

Герман, придерживая вывихнутую руку — как оказалось, тоже задел нападавший, — поднялся во весь рост. Смысла держать маскировку больше не было. Клава уже хлопотала возле Вадима. У того из носа шла кровь. Малахов был без сознания, мертвенная бледность заливала лицо. Клава, понимая, что, кроме необходимых в таких случаях инъекций, она ничем помочь не может, подложила ему под голову свою куртку. Потом Клава метнулась к Герману, который тихо стонал в листве. Осмотр показал, что переломов у Тельбиза не было, только вывих плечевого сустава. Клава выбрала одну из низких веток ближайшего дерева и с трудом поставила Геру так, чтобы ветка

оказалась под мышкой. Тельбиз кряхтел и пытался сказать, что у него все в порядке. Резкий рывок, нецензурные проклятия неизвестно в чей адрес от Геры, и вывихнутая конечность стала на место. Вадима взяли под руки, до машины под камуфляжной сеткой было метров сто.

— Держитесь, мальчики, сейчас будет трясти. — Старый «лендровер», который удалось взять напрокат за безумные деньги, жалобно забренчал дизелем, но поехал. И тут словно прорвало небо, и разверзлись хляби небесные.

— Говорил же я, накануне сезона дождей ехать сюда — дурное дело, — возмутился Герман.

— Ничего, хоть поплаваем, если выше колес зальет.

— Клава, вот ты мне объясни. — Гера уже почти пришел в себя после вправления вывиха. — Я слыхал столько легенд о том, как ты попала в группу, но никогда не знал, что правда, а что нет. Как ты у нас оказалась?

— Еще неизвестно, кто у кого оказался. — Клава почти прильнула к лобовому стелу, «дворники» не справлялись с потоком воды, несущимся с неба. — А тебе оно надо? Обычная бабская история. Подобрали и приютили.

— Ну, в Центре обычного не бывает, — возразил Герман. — Вот про Малахова рассказывают, что он президента Гаджубанского спас. Потом его и взяли в группу.

— Врут. Не стал бы он спасать его. Скорее… Да чего ты пристал?

— Не, не говори… Держи втайне.

— Какая тайна? Все как у всех. Заметили в школе девочку со странностями, потом на работу пригласили. Учили, вот доучили, я и диссер собираюсь защитить… Начальство предложило.

— А что за странности? — не унимался Герман.

— Если бы я тебя не знала хорошо, то подумала бы, что ты бабник и хочешь меня закадрить. Никаких сексуальных подробностей не будет. И хватит об этом.

Клава замолчала, и по ее молчанию было понятно, что она задумалась…

— Моисейчик, а ответь мне на такой вопрос, — Ирина Павловна, учительница химии, приготовила самый последний аргумент, пытаясь завалить Клаву, — что будет…

— Соляная кислота, — не дожидаясь вопроса, ответила Клава.

Клава не любила химию. Все началось с того, что она прожгла свой любимый передник кислотой, а потом все усугубила училка, старавшаяся поставить каждый раз отличницу Клаву на место.

— Заткнись, дура! — Химичка слетела с катушек. Получить правильный ответ на незаданный вопрос для нее было наивысшим оскорблением. — Не смей хамить мне, я еще не спросила! Заткнись и жди вопроса.

— Да. — Клава хлопнула ресницами.

— Скажи мне тогда, раз ты такая умная, что будет, если…

— Карбонат калия, — опять не выдержала Клава.

То, что она заранее знает ответы на все ответы учительницы по химии, Клава выяснила еще полгода назад. Но никогда не пользовалась этим, до тех пор, пока непонятно почему химичка возненавидела Клаву.

В общем, на этот раз вызвали родителей.

Школу удалось в итоге окончить вполне нормально, но от поступления в серьезный вуз пришлось отказаться. Химичка использовала все свои связи и добилась для Клавы просто провальной характеристики. Однако, наплевав на все, Клава подала документы на психфак столичного университета. Родители разумно решили, что армия дочке не грозит, — пусть провалится в этом году, а на следующий спокойно поступит в районный институт ветеринарии, где у отца были хорошие связи.

Экзамены Клава сдала блестяще. А потом было нудное собеседование, где декан, скривив кислую физиономию, держа в руках характеристику, произнес:

— Вы понимаете, Моисейчик, что. для того чтобы я вас взял на факультет, даже при блестящих оценках на вступительных экзаменах, нужно нечто экстраординарное. У вас есть аргументы?

— Я вожу автомобиль на уровне мастера спорта по ралли. Меня звали в сборную, — совершенно неожиданно для самой себя соврала Клава. — Я могу за университет выступать.

Скорее всего на Клаву подействовал разговор, который она услышала в коридоре, ожидая собеседования. Два молодых человека, видимо, студенты, важно поглядывая на абитуриентов, обсуждали жизнь на факультете. Про то, что такой-то на коллоквиумах зверствует, что такая-то вообще оборзела и требует предъявлять конспекты. Это был обычный треп с целью произвести впечатление на молоденьких девочек. И между прочим в разговоре промелькнуло, что, мол, завтра городское ралли и они вдвоем будут там участвовать от факультета, мол, больше некому отстаивать честь альма-матер.

В общем, врали. И Клава соврала декану. Она машину вообще водить не умела. Но была готова на все ради того, чтобы поступить в университет. Назло всем! И еще Клава и знать не могла, что у декана есть одна большая страсть — он обожал смотреть автогонки по телевизору.

Декан захлопнул открытый от удивления рот и сказал:

— У нас нет сборной по автогонкам в университете» С вас она начнется, договорились? Встретимся через месяц у меня, Я за вами бегать не буду.

Клава со слезами счастья на глазах кивнула и, прижав к груди папку с документами, выскочила в коридор. Первое, что сделала, придя домой, — это отыскала в телефонном справочнике ближайшую автошколу. Ралли — раллями, но научиться водить было необходимо. А там — посмотрим.

На курсах теорию удалось пройти за неделю, и вот наконец практика вождения. Инструктором оказался жгучий брюнет Тофик, Он сразу заявил, что руку будет держать у Клавы на коленке, чтобы успеть вовремя снять ее ногу с педали газа. Про педаль Клава не поверила, но согласилась. В голове словно по подсказке всплыл эпизод из одного документального фильма, там женщина, не умея водить машину, с завязанными глазами провела автомобиль сквозь пробки города, ориентируясь только по идеомоторным рефлексам инструктора.

Клава закрыла глаза и вдавила в пол акселератор.

Тофика уволили на следующий день. Никто не поверил его истории о девушке с закрытыми глазами, которая пронеслась через весь город, подрезала кортеж президента и ушла от погони мотоциклистов ФСБ. Клаве так и не удалось бы получить права, если бы эта история не добралась до самых верхов. Спустя три дня домой к Клаве приехал Лазненко и пригласил ее поехать вместе с ним в Центр. В общем — все окончилось хорошо.

Картинки из прошлого выскакивали сами по себе, но Клава была сосредоточена на дороге. Серая водяная мгла поглотила весь мир вокруг, и казалось — ей не будет конца. Но дождь прекратился так же внезапно, как и начался. Небо очистилось в одно мгновение, и дорога засверкала красной мокрой грязью. Но лучше бы дождь не прекращался. Казалось, что этот «Мираж» сидел в засаде высоко в небе и ждал, когда раздвинутся облака. Черной точкой он падал в пике на шоссе, где среди луж несся «лендровер». Выходя из крутого виража, истребитель плюнул маленькой ракетой в сторону машины. На подсознании, тысячи раз тренированном предчувствием, Клава швырнула машину вправо, уходя от удара. Огненный ком, выросший на месте упавшей ракеты, разорвал воздух и швырнул взрывной волной машину на деревья.

Шаман, раздув дымную траву, выл заунывную песню. Никто из племени не знал, о чем песня, но все верили колдуну. Если «тот, кто пьет из ступы» хотел убить чужаков и не смог, то ему нужно помочь. Поляну в центре деревни окружили женщины с

множеством латунных колец на шеях, мужчины в синих балахонах. Над деревней явственно стоял опиумный смрад. Чужаки лежали, привязанные к бамбуковым помостам. Под помостами были разложены дрова, и до финальной сцены ритуала оставались считанные секунды. Сейчас шаман получит благословение богов и даст команду поджечь дрова.

Клава первой пришла в себя. Племя, плавающее разумом в опиумном мареве, впилось глазами в женщину. То, что жертва очнулась, их очень обрадовало. И вправду, намного веселее смотреть, когда в огне жертвенного костра будет корчиться и кричать белая женщина, находящаяся в сознании.

Клава моментально оценила обстановку. Шаман в экстазе, с ним можно легко разобраться. Но то, что сзади толпы, на возвышенности, в тени навеса стоял и наблюдал человек европейской внешности, было опасно. Клава, легко уловив ритм завываний шамана, стала ему тихонько подвывать. Колдун не заметил этого и продолжал камлать. Мелодия, которую тянула Клава, стала слегка отличаться от того, что выл туземец, и он незаметно для себя самого стал вторить Клаве. Еще немного — и колдун забился в эпилептическом припадке. Племя, ожидая чудес от своего шамана, смотрело на него, замерев. Тот, брызжа слюной и пеной у рта, корчился в пыли. Тем временем Клаве удалось слегка ослабить путы. Судя по тому, что Гера зашевелился, он тоже смог распутать связывающие руки волокна. Клава, резко вскочив на помосте, стала выть мелодию шамана. Ошалевшие односельчане стояли как завороженные. Раскачиваясь, как кобра перед прыжком, Клавдия взяла полный контроль над людьми, обступившими площадь. Они уже качались в такт, безумно глядя на женщину. Гера тем временем полностью освободился и стал рядом с Клавой. Петь он, правда, не пытался, боясь испортить номер.

— Там под навесом, нейтрализуй, — отрывисто шепнула Герману Клава в короткой паузе между завываниями.

Гера, пользуясь тем, что люди на него внимания не обращают, нырнул в толпу.

Толпа изнемогала. Раскачиваясь в такт Клаве, следуя ее голосу, они все больше и больше впадали в транс, падая в припадке на землю. Но Клава чувствовала, что силы у нее вот-вот кончатся. И помощь пришла тогда, когда казалось уже, что сейчас она рухнет без сил. Сверху из той самой тенистой хижины, где промелькнуло недавно лицо белого человека, грохнула очередь из крупнокалиберного пулемета. Очередь прошла над головами односельчан и вызвала истерику среди тех, что еще хоть что-то соображал. Люди попадали на землю, прикрывая головы руками.

А из хижины, словно Зевс Громовержец, вышел Герман. Он в одной руке держал пулемет, а в другой — пакет с чем-то белым. Переступив через тела местных, он вышел на середину площади.

— Эй, чебуреки, — обратился он к племени на чистом иностранном, как ему казалось, языке. — Опиум для народа — даром!

Гера открыл пакет и выгреб оттуда пригоршню маленьких пакетиков с белым порошком. Словно сеятель он широким жестом понес прогресс в массы, разбрасывая наркотик по площади. Несмотря на транс, местные отреагировали очень живо и на четвереньках кинулись собирать с земли пакетики. На Клаву и Германа и на все еще лежащего без сознания Малахова уже никто не обращал внимания. Только ветхие старухи, которые не могли соревноваться в ловкости с молодежью, тянулись, заламывая руки к Герману. А он щедро удовлетворял их нужды.

Видя, что запасы счастья для племени кончаются, Герман рукой показал — мол, туда, в хижину, там еще есть. Но люди опасливо смотрели в ту сторону, чего-то боясь.

— Там склад был, — стараясь перекричать галдящих на площади, сказал Герман. — Наркодилеры так обнаглели, что оставили охранять всего одного человека.

— Надо найти машину. — Клава отвязала Малахова, тот был еще в глубоком сне после инъекции лошадиной дозы каспарамина. — Должна быть где-то.

— Сейчас. На пока, подержи. — Гера положил на помост рядом с Клавой пулемет. — Справишься? Он тяжелый.

Клава хмыкнула и, легко вскинув пулемет стволом в небо, дала короткую очередь. Жители деревни как подкошенные попадали на землю в страхе.

— Я побежал, жди! — бросил Гера и рванулся к хижине.

Через несколько секунд он вышел. В руках Гера держал мешок, который он просто свалил на землю у порога. Скрывшись на мгновение в темноте хижины, Гера вернулся с охапкой трубок для курения опиума. Судя по энтузиазму местных, Тельбиза уже короновали в вожди и боги одновременно. Удовлетворенный содеянным, он вернулся к Клаве.

— Мне кажется, машиной лучше тебе заняться. — На раскрытой ладони Германа лежал брелок с ключами.

Клава нажала кнопку на брелке, из глубины деревни раздался характерный звук сигнализации. Через двадцать минут лихой «хаммер» вынес Клаву, Геру и уже приходящего в себя Вадима на главное шоссе. После телефонного звонка из первого придорожного таксофона была вызвана группа эвакуации. Потом было много шума о государственной поддержке подпольным

заводам героина. Приезжали следственные комиссии. Местным выделили большой грант на развитие сельского хозяйства. Производство опиума от этого только удвоилось.

ГЛАВА 20

Болезнь — процесс, возникающий в результате воздействия на организм вредоносного (чрезвычайного) раздражителя внешней или внутренней среды, характеризующийся понижением приспособляемости живого организма к внешней среде при одновременной мобилизации его защитных сил. Болезнь проявляется нарушением равновесия организма с окружающей средой, выражающимся в возникновении побочных (неадекватных) реакций, а у человека — снижением на время болезни его трудоспособности.

Извините, «Википедия»

Тимур молча кивнул, подтверждая, что он будет двигаться осторожно, и мягко тронул машину в путь. «Патриот» легко переваливался по рытвинам грунтовки. Сухой внимательно, не снимая коммуникатора, следил за дорогой. Время от времени он просил Тимура притормозить, встревоженный чем-то. Спокойно объехали несколько «воронок», дрожавших встревоженным воздухом в стороне от дороги, и, добравшись до конца лесопосадки, свернули налево на импровизированную, выглаженную тяжелой техникой колею, идущую на север. Здесь дорога уже практически исчезла. Было только некое направление, однако Рымжанов уверенно вел машину, словно это была не утоптанная пашня, а хорошая грунтовка. Только руль он держал не свободно, а словно медведь, который норовит обхватить пень. Это сразу заметил Малахов.

— Тимур, ты чего набычился? Все нормально?

— Да не пойму что-то. — Тимур немедленно сел прямо, оперевшись о спинку сиденья, но голос у него был неуверенный. — То ли меня этот паук своим полем достал, то ли я банально простудился.

— Простуда после каспарамина? Не смеши. Мяса небось

обожрался. Теперь газы мучают. — Малахов на самом деле очень встревожился. — Ты, может, давай назад, отдохни рядом с Клавой, я поведу.

— Нет, ерунда, я сейчас в себя приду, это так, фигня. — Тимур опять распрямился и сидел за рулем уже совершенно профессионально.

Так продолжалось несколько секунд. Гера заметил, как лицо Тимура начало стремительно бледнеть и покрываться испариной. Уже в последний момент, когда Тимур стал заваливаться на бок, Гера успел перехватить руль и выключить зажигание.

Рымжанова вытащили наружу и уложили на пожухлой траве возле колеи. Попытки привести его в сознание оказались безрезультатными. Тимур лежал словно в тяжелой коме, не реагируя ни на какие попытки вернуть его в чувство. Вадим вытащил из сумки анализатор и, приставив к запястью Тимура, взял пробы крови. Анализатор пессимистически звякнул, отказываясь выдать диагноз. Анализ немедленно передали в Центр для расшифровки. Ответ был странным.

«Анализ практически идентичен присланному вчера, однако, как и было сообщено ранее, не представляется возможным определить видовую принадлежность форменных элементов. Анализ на вирусные маркеры отрицательный, однако присутствуют антигены неизвестного вида. Вывод — анализ крови животного, не поддающегося идентификации, возможно, зараженного вирусом неизвестной формы. Рекомендации те же, что и в предыдущем сообщении, — минимизировать контакты, экземпляр уничтожить, образцы тканей сохранить»,

— Сейчас я все брошу и буду сохранять образцы своего сотрудника, блин. — Малахов был вне себя. И из-за сообщения из Центра, и от того, что Тимур ничего не говорил о своей болезни. — Давай его в багажный отсек, введи каспарамин, лучше все равно ничего не придумаем.

Тимура положили на втором откидном сиденье, зафиксировав страховочным ремнем. Температура у Рымжанова была высокой, испарина на лбу высохла, и кожа приобрела неприятный землистый оттенок. Дыхание было глубокое и судорожное.

— А мы как? — осторожно поинтересовался Сухой. — Не заразимся? Ведь как его кол басит…

— Скорее всего он что-то подцепил в Рыжем лесу. Помнишь — ему тварь ногу распорола? Вот инфекцию и занес. Надо срочно эвакуировать его, в Лелёв, на площадку вертолетную надо. Вертолет вызову сейчас.

— Срочно-то срочно, но поспешим — никто не доедет. —

Сухой опасливо косился на Тимура.

Малахов сообщил в Центр о необходимости эвакуации члена группы. Те ответили, что заранее не могут прибыть, и будут ждать точного времени контакта с группой, когда она будет приближаться к месту встречи вертолета.

Нелестно прокомментировав в очередной раз действия Центра себе под нос, Малахов запустил турбину, и «Патриот» продолжил неспешное движение к Припяти, потихоньку, словно на ощупь, передвигаясь по раскисшей земле Зоны. Первое время все молчали, Малахов, не отвлекаясь от дороги, пытался найти выход из ситуации, над которой он терял контроль. Сталкер, войдя в роль штурмана, внимательно следил за пространством вокруг машины.

Тут неожиданно раздался голос Клавы.

— Ну что, мальчики, чего насупились?

Клава проснулась и чувствовала себя прекрасно. Она потянулась совершенно по-домашнему и оглянулась назад.

— А что с Тимой?

Малахов вкратце объяснил ситуацию.

— Я думаю, его звериный голод тоже с этим связан. Но не похоже на вирус. Такая активизация метаболизма — вещь странная. — Клава, перевесившись через спинку заднего сиденья машины, потрогала Тимуру лоб. — Температура высокая, но я не чувствую особого угнетения мозговой функции. Он в сознании. Где анализатор?

— Там, в багажнике, в сумке Тимура, — ответил Малахов.

Клава ловко скользнула в багажный отсек и, порывшись, достала анализатор. Она не стала включать его на исследование крови, а перевела в режим энцефалографа, присоединив к нему сетку электродов, которую она прикрепила у Тимура на голове.

— Гера, слинкуйся с анализатором, — попросила Клавдия. — Мне нужна немедленная расшифровка.

Через несколько секунд главный компьютер сообщил данные по энцефалограмме:

«Период альфа-волн удлинен, распространяются тэта-волны, но с ними продолжают сосуществовать альфа-волны. Амплитуда тормозящих альфа-волн увеличена, ритм замедлен, процесс торможения усилен. Клетки мозга из «функционального хаоса» восстанавливаются. Локальные центры поочередно переходят из состояния отдыха в бодрствование, в состоянии активности девяносто процентов клеток. Активизирована гипотельно-гипофизальная область».

— Это что значит? — Гера не дождался окончания анализа. — Я тут ни бум-бум.

— Если я правильно понимаю, сейчас мозг Тимура работает невероятно эффективно. Его активность в несколько раз выше активности обычного человека, координация процессов усилена в несколько раз. Я видела подобное в одном закрытом институте в Крыму. Надеюсь, что Тимур сможет это контролировать, иначе мозг может не выдержать. Но ему лучше дать успокоительное. Неизвестно, как он выдержит такое напряжение. Одно могу сказать — это не болезнь. Это что-то другое. — Клава сняла сетку контактов с головы Рымжанова и, порывшись в его сумке, нашла инструменты и сделала нужную инъекцию.

— Клава, а что его рана на ноге? Посмотри, да? — не оборачиваясь, попросил Малахов.

Клава, осторожно сдвинула штанину Тимура, сорвала уже засохший пластырь с того места, где недавно была глубокая царапина. Рана полностью зажила, но на ее месте образовался толстый роговой рубец, похожий на панцирь.

— Не нравится мне это, надо спешить. Это же не шрам, а какое-то новообразование. — Клава осторожно прикоснулась к зажившей ране. — Холодная.

— Ладно, надо его эвакуировать скорее. Сухой, мы можем газу прибавить? — Малахов, не дожидаясь ответа, вдавил педаль газа. «Патриот» заметно прибавил ходу.

— Вот до конца поля — сколько видно — можно по газам вдарить по полной. — Сухой напряженно всматривался в даль. — А пока на поле не выехали, тормозни! Надо из леса выбраться.

До поля было метров сто, и Малахов с сожалением, понимая, что сталкеру виднее, сбросил газ.

— Еще медленнее! Еще! — Сухой встревожился. — Вон, на самом срезе леса!

— Не вижу, сканер не показывает ничего. — Гера переключал аппаратуру из режима в режим, пытаясь опознать то, что увидел, вернее, почувствовал Сухой.

— Вон посмотри, дерево поваленное, прямо на дорогу должно было упасть, у него верхушка словно срезана. — Сухой показывал пальцем на дерево, но все его увидели и так. — Я выйду, кину гайку.

— Давай, только подъедем ближе, — согласился Малахов.

— Метров на двадцать подъезжай, пока чисто, — сказал Сухой и стал прилаживать гайке хвост.

— А это что? У вас что, полную луну и днем показывают? — Клава увидела, как вдали над горизонтом нагло выставился круглый диск спутника, до сих пор не спрятавшийся за деревьями.

— Клава! — воскликнул Гера. — Нам сейчас только луны не

хватало.

— Плохо, — неожиданно произнес Сухой. — Я тут с вами совсем забыл. Плохо в Зоне в полнолуние.

— Так — прекратить! — Вадим почти крикнул. — Сухой, иди бросай гайку!

Сталкер осторожно обогнул замерший внедорожник и, раскрутив гайку за бинтовый хвост, сильно пустил ее вперед. Гайка упала как раз напротив сосны с отрезанной верхушкой и, подскочив пару раз, успокоилась на укатанном грунте.

— Все нормально, — сообщил Сухой, вернувшись на свое место. — Километр до следующей опушки можешь давить!

— Ну, по коням. — Малахов, уже озверевший от черепашьей скорости внедорожника, выжал газ. Турбина радостно взвыла, и внедорожник, резко набирая скорость, понесся вперед. Достигнув того места, где валялась гайка, «Патриот», словно выпущенный циклопической баллистой, взмыл в небо. Его бросило в полет, но не резким ударом, а словно плавной пружиной. Машина вылетела из леса, совершив почти полную бочку, и ударилась о землю правым бортом. Подушки безопасности сработали, как только внедорожник жестко коснулся земли и, в последний раз, зацепившись бампером о нелепо торчащий пень, развернулся. Задняя дверь от удара распахнулась, открыв багажник и рассеяв груз по земле. Компьютер, распознав, что руль никто не держит, отключил двигатель. Еще через мгновение, фиксируя отсутствие движения автомобиля и людей, система выпустила газ из подушек безопасности.

Первым пришел в себя Малахов. Он, стиснув зубы от боли в голове, открыл дверь и, стараясь не упасть на Геру, расстегнул ремень. С трудом, собирая последние силы, видя все как в тумане, Вадим выбрался наружу. Как сомнамбула, он подошел к переднему бамперу, раскрепил лебеду и тяжело, как будто это была стопудовая цепь, потянул трос. Отрешенно, как будто глядя со стороны, Вадим заметил, что трос в том месте, где он его держал, запачкан кровью. «Наверное, я порезался!» — даже собственные мысли казались прилетающими из звенящего далека. Он пропустил трос через верхнюю дугу багажника на крыше, с напряжением дотянул его до одинокой березы в двух метрах от машины. Обхватив деревце тросом и зафиксировав его, Вадим, шатаясь, вернулся к «Патриоту» и запустил лебедку резервным тумблером на электромоторе. Тихо зажужжав, лебедка начала сматывать трос, который очень быстро натянулся и стал поднимать кузов. Через мгновение, загремев всеми многострадальными частями, машина стала на колеса.

Сначала, забравшись в багажник, Малахов помог Клаве, уже

приходившей в себя. Пока он выносил женщину, Сухой оклемался и уже помогал Герману. Гера сильно рассек лоб и, видимо, получил легкое сотрясение мозга. Он тихо сел на землю, оперевшись о борт машины, и обхватил голову руками.

На боковом сиденье, где лежал Тимур, были вырваны с мясом фиксирующие ремни. Самого Тимура нигде не было. На горизонте, неуместная в утреннем синем небе, нагло висела полная луна.

ГЛАВА 21

Пандемия (греч. pandemia — весь народ) — эпидемия, характеризующаяся распространением инфекционного заболевания на территории всей страны, территорию сопредельных государств, а иногда и многих стран мира (например, холера, грипп).

Словарь иностранных слов.
Москва: АСТ, 2012

Из архивов особого отдела при правительстве России.

Личное лело номер 029.
Хранить вечно.
Количество экземпляров — один.
Заполнять ТОЛЬКО от руки.
Уровень допуска — ноль.
Имя: Рымжанов Тимур Нурланович.
Дата рождения: 16.12.1985.
Социальное происхождение: служащий.
Позывной: Доктор.
Специальность: врач-терапевт.
Звание: открытое — лейтенант, пенсионное — полковник.
Образование: высшее, специальность: «Военная медицина».
Время привлечения в группу «Табигон» — 5 мая 2010.
Участие в операциях группы «Табигон»:
2011 — «Мимикрия»

Март 2010 года, Самара.

Проснуться Тимуру было очень сложно. Работа в комиссии по пандемии козлиного гриппа выматывала до такой степени, что Тимур очень долго, не раскрывая глаз, пытался вспомнить — где он спит? Дома, или на осмотровом топчане в клинике, или на диване в центральной лаборатории? Так и не вспомнив, чем кончился вчера день, и не определив местоположения, Тимур открыл глаза. Ну конечно, лаборатория. Немедленно всплыли события вчерашнего дня. Пандемия свирепствовала. Все мероприятия по карантину аэропортов и вокзалов ни к чему не привели. Тимуру, еще интерну, поручили анализировать данные по анализам крови больных. Работа была связана с разработкой вакцины, но пока ничего не получалось. Антитела у заразившихся в Москве не совпадали с антителами больных из Варшавы и еще больше отличались от американских. Вакцины, созданные в начале появления болезни, не помогали тем, кто заболел позже. И с каждым днем, с каждым километром распространения заразы болезнь становилась тяжелей и тяжелей.

Рымжанов, хоть и был еще совсем молодым, неопытным специалистом, чувствовал, что от него ускользает что-то очень важное, то, что может помочь найти решение. И сегодня, вырвавшись из тяжелого сна, Тимур опять засел за компьютер обрабатывать входные данные по анализам. Через час напряженной работы он понял, что пора менять систему в корне. Идея возникла, словно выскочив из ниоткуда. Разыскав в интернете карту мира, Тимур стал на ней ставить метки. Каждая метка содержала краткие характеристики крови больных. Для этого Рымжанов придумал свою собственную систему маркировки. Но картинка пока никак не складывалась.

Тимур, послав запрос руководству, попросил предоставить информацию о болезни, которая была получена в самом начале распространения вируса. Главное, что ему требовалось, — данные по антителам, а также время и место. Через несколько часов стала появляться некая система, а потом возникла и догадка. Первое, что бросилось в глаза, — это то, что динамика и география распространения вируса совсем не такие, как их представляли с самого начала. Да — первые случаи заболевания были обнаружены в районе козьей фермы в Мексике. Но потом, если сравнить данные по всему миру, динамика распространения вируса была странной. Это было не просто расползание во всех направлениях болезни, а словно направленное воздействие. Будто кто-то взял и нарисовал большой круг. Центром круга была Москва. И с каждым продвижением к центру этого круга, охватывающего страны и континенты, вирус мутировал, становился безразличным к созданной сыворотке, приходилось

создавать новые вакцины, но с каждым разом делалось труднее и труднее. И если первые заболевшие отделывались трехдневной температурой и насморком, то новые штаммы были опаснее и вызывали высокий процент смертности. Но были нестыковки. Почему северные районы России подверглись инфекции так, словно ее перенесли через океан из Канады, почему вирус двигался только внутрь круга и никак не распространялся вовне?

От работы Тимура отвлек только зверский голод. Рымжанов в сомнамбулическом состоянии поднял голову от монитора и тут понял, что скоро вечер. Двенадцать часов пролетели как один миг. Решив, что лучше отдохнуть и перекусить, Тимур сбросил свою карту и статистику к ней на флешку, так, на всякий случай, и отправился домой. Комиссия снимала офис в самом престижном месте — центре «Вертикаль», на последнем этаже, а жил Тимур недалеко, на Пролетарской, до дома было рукой подать. Всего-то дорогу перейти. Но когда Тимур входил в просвет между двумя стоявшими углом жилыми домами, сзади заскрипели тормозные колодки автомобиля. Большой внедорожник с затемненными окнами остановился рядом, и оттуда вышли два неприятных типа.

— Эй, пацан, закурить не найдется? — Один держал в руке незажженную сигарету и показывал ее Тимуру, вроде как искал огня.

Тимур прекрасно понимал, чем кончаются в вечернее время в Самаре такие вопросы. Он давно это понял и еще в младших классах увлекся боевыми искусствами. И без ножа, после одного случая в восьмом классе, не ходил никогда. Но сейчас он наделся, что обойдется.

— Не курю, извините, — спокойно ответил и уверенно направился дальше.

Немедленно сильнейший удар в спину повалил его. Если бы Тимур не был так хорошо подготовлен, если бы он не почувствовал в последнее мгновение неминуемую опасность и не сгруппировался, то, конечно, уже валялся в полной отключке бездыханным. Падая, он услыхал голос из машины: «Флешку найдите». Мысль о том, что он в своей работе нащупал что-то очень важное, промелькнула как молния. И удесятерила силы Рымжанова. Как выброшенный пружиной он встал на ноги и занял боевую стойку. Один из нападавших, тот, что нанес удар в спину, оторопел, не ожидая встретить сопротивление. Это его секундное замешательство стоило дорого. Резкий удар основанием ладони в лицо повалил бандита на землю. От восходящего удара в переносицу раздался гадкий хруст. Сломанная носовая кость проткнула мозг. Второй даже не успел

сообразить и взвести затвор пистолета. Лезвие ножа вонзилось в его левую глазницу. Со звериной ловкостью и силой Тимур ринулся к машине, распахнул водительскую дверь, полоснул ножом по горлу человека за рулем и, не прекращая свое стремительное движение, приставил оружие к лицу сидящего рядом с водителем. Тимур безошибочно определил старшего. Тот, выпучив глаза от страха, попытался что-то произнести дрожащими губами, но Тимур резким ударом отправил его в бессознательное состояние. Не спуская глаз с отключившегося бандита, Тимур ногой выпихнул на улицу труп водителя и, вытащив из кармана сотовый, набрал номер ФСБ, которой он подчинялся в рамках работы в комиссии.

Тимур никак не мог понять: он находится под арестом или просто тут его держат, пока не выяснят все обстоятельства… Узкая комната с белыми стенами, топчан и стул. Плоский телевизор на стене, на стуле пульт. Матовый плафон под потолком делал интерьер безликим и неприятным. Смотреть телевизор не хотелось, и Рымжанов, растянувшись на топчане, просто расслаблялся и отдыхал. Особой тревоги не было. Его даже никто не обыскивал. Только при входе в здание попросили оставить сотовый на вахте.

Отдохнуть не удалось. В дверь тихонько постучали, и в комнатку вошел поджарый немолодой человек. Тимур встал и ответил на рукопожатие. Впрочем, посетитель не представился. Вслед за ним вошел человек, который нес поднос с чаем. Поднос официант поставил на топчан рядом с Тимуром.

— Можно с вами поговорить? — Вошедший сел на стул и взял один из двух стаканов в подстаканниках, жестом призвав присоединиться и Тимура. — Вы извините, я заказал только чай, у нас просто сейчас было длинное совещание, горло пересохло.

— Спасибо, — сказал Тимур, хоть чая ему было действительно маловато. — Говорите.

— Скажите, когда вам пришла идея с бактериологической диверсией?

— Она пока еще не приходила, но ответ очевиден. — Тимур попробовал чай, тот был на удивление вкусным. — Все сегодня пришло в голову. Ведь когда есть столько данных, из них уже легко построить общую картинку.

— Тот, кто это задумал, был уверен, что догадаться невозможно. — Собеседник попробовал чай, помешал его ложечкой и поставил на поднос. — Скажите, а откуда у вас такое владение ножом? И удар поставлен хорошо.

— А… — протянул Тимур. — Я, когда пацаном был, на кузнеца учился, еще в Ташкенте. Ну, увлечение, хобби. Там, на

кузне, впервые в руки взял настоящий нож, с тех пор… Потом стал единоборствами заниматься. Юношеский чемпионат Казахстана даже выигрывал.

— А как же ваше хобби?

— Да, хобби это не простое. Надо или работать, или нет. — Голос Тимура погрустнел. Он до сих пор тосковал по такому красивому ремеслу — ковать булат!

— А почему решили врачом стать?

— Сложный вопрос. В школе биологией увлекался, да и родители настояли. — Тимур развел руками, не сумев внятно ответить на вопрос.

— Скажите, вы бы не хотели изменить немного свою специальность? — неожиданно спросил гость.

— В смысле? — не понял Тимур.

— Нам нужен врач в особое подразделение. Врач, аналитик, микробиолог. Для работы в экстремальных условиях.

— Вам — это кому?

— Узнаете. Работа будет похожа на то, чем вы занимались сегодня.

— Морды бить? — иронично спросил Рымжанов.

— Ну, от этого никто не застрахован… — тут собеседник замялся. — Я имел в виду работу, которую вы сегодня сделали, составив отчет по пандемии.

— Я так понял, она кому-то не понравилась?

— Мы не успели подстраховать вас, не ожидали, что одна международная структура успела обратить внимание на ваши исследования. — Гость сокрушенно покачал головой. — Но нам повезло.

— А если бы меня прибили? — слегка возмутился Тимур.

— Так вот, я вам предлагаю работу, которая будет посвящена исследованиям различных событий, не только у нас, но и по всему миру, которые не поддаются обычному объяснению. Считайте, это научная работа в особых условиях. — Гость не стал отвечать на вопрос Тимура.

— А я справлюсь?

— Сегодня же справились? Вы еще хотите булат ковать и врачом быть? Мы поможем. У нас достаточно средств, чтобы наши сотрудники могли бы иметь хобби.

— А откуда вы? — оторопел Тимур.

— Вы скоро все узнаете. Так что?

— Да какие могут быть вопросы?

На следующий день Тимур приступил к работе в Центре.

ГЛАВА 22

Отче, хоть мне с ним и худо, но я превосходно знаю, как преследовать, как настигать, следить, подсматривать и поослушивать, таиться и прятаться, как ломать на пути препятствия, подкрадываться, обманывать, кружить и сжимать петлю кругов, причем, исполняя все это быстро и безошибочно, я становлюсь орудием неумолимой судьбы, и это доставляет мне радость, которая, наверное, с умыслом была вписана пламенем в мое нутро…

Станислав Лем. Маска

Первым пришло понимание, что он живой. Потом зверь ощутил свое дыхание. Оно разрывало легкие холодом и мириадами запахов, которые бесновались вокруг, в мире тревожном и непознанном. Следующим пришло зрение — сначала появились туманные образы перед глазами, но туман постепенно рассеялся, и он увидел свои руки. Он знал, что это руки, но не знал, почему это называется именно так. Руки изменялись — на них росли длинные коричневые когти. Сколько времени ушло на это? Минута или вечность? Зверь не понимал, что такое время. А время не понимало, что такое зверь. Болело тело, его сдерживали путы, причинявшие страшную боль. Но те волокна, что давили, в конце концов лопнули и упали на землю, не выдержав напора растущего тела. Боль уходила, но в тело стали впиваться новые ощущения, которых он не знал до сих пор. Зверь медленно подобрал под себя ноги и, еще слабо сохраняя равновесие, выпрямился во весь свой более чем двухметровый рост. Не было тумана перед глазами, не было боли. Были голод и жажда. Вой, от которого содрогнулся лес, прорезал тишину. Зверь хотел крови, хотел убивать, хотел жрать. Запахи из разрозненных кусочков складывались в мозаику плотного смрада мутировавшей плоти, гадкой и несъедобной. Легкий ветерок приносил издалека дух хорошей плоти. Зверь, взяв след, ринулся вперед, но тут с

ним произошло что-то странное.

Словно проснулся кто-то другой в его голове, неизвестный, невидимый, но сильный. Он заставил зверя вернуться к тому месту, где он лежал, и, разворошив обрывки ткани, найти маленький прямоугольный предмет. Впрочем, зверь не понимал, ни что такое обрывки, ни что такое прямоугольный. Зверь пока не знал ничего. Но нечто заставило его сделать то, что он сделал. Зажав предмет в лапе, зверь заорал от страха перед тем, что с ним случилось, и ринулся навстречу запахам. Мотая на бегу головой, он сумел прогнать наваждение, пытавшееся захватить его мозг, и неизвестный исчез. Или затаился.

Лес внезапно кончился. Впереди черной полоской еле угадывались другие заросли, но открытое пространство испугало зверя. Вернее, не то чтобы испугало, а встревожило. Поколебавшись мгновение, он ринулся вперед, туда, куда звало его чутье и запах. Очень скоро, когда ноги уже привыкли к мягкому грунту, зверь увидел пищу. Небольшое пушистое существо с длинными ушами вяло прыгало по земле. Зверю ничего не стоило схватить его свободной лапой за уши, клыками распороть шкуру и, высоко задирая вверх морду, оторвать горячий кусок мяса. Зверь даже не остановился, съев зверька на бегу. Добыча была маленькой, она только усилила голод, но прибавила сил. Он, не замедляя движения, ворвался в новый лесной участок. И стал как вкопанный.

Там, впереди, в сумраке холодного леса, его ждало нечто. Сразу стало понятно — это враг. Опять тишину Зоны разорвал чудовищный вой. Но зверь теперь выл не от страха. Это был боевой клич. Противник не испугался. С видимой неловкостью, переставляя кривые хитиновые хожни, из-за деревьев вышло несуразное создание. Словно разросшаяся до трехметрового размера медведка, которая для удобства встала на костыли, тварь двинулась к зверю. Неторопливость движений медведки была обманчива. Выждав момент, она поджала свое покрытое слизью брюхо, выпрямила его моментально, словно взведенную пружину, взвилась на несколько метров в воздух. Тварь явно рассчитывала упасть зверю на холку. Но равных ему не было в Зоне. В самый последний момент, когда казалось, что медведка коснется его ядовитыми хелицерами, он сделал молниеносный скачок в сторону, оттолкнулся ногами от дерева и прыгнул на спину мрази. Лапа зверя, вооруженная чудовищными когтями, словно нож вошла между хитиновыми пластинами. Он развернул ладонь и резким рывком оторвал голову твари. Потом, все еще в запале боя, он высоко подпрыгнул на поверженной спине врага и пятками проломил хитин на ложногруди. Удовлетворенный

сочащейся светло-коричневой жижей, зверь брезгливо вытер конечности о желтую хвою на земле и опять ринулся в свой поход. Он не знал куда идет, но знал зачем — жрать.

ГЛАВА 23

Проблемы, связанные с соседством людей и животных в городах, на протяжении многих лет периодически обсуждаются на страницах печатных изданий, но все еще далеки от решения. Корни их лежат в нежелании значительного числа владельцев собак считаться с окружающими и соблюдать правила содержания домашних животных, утвержденные местными администрациями.

Ежедневная всеукраинская газета «День», № 210, пятница, 16 ноября 2001

— Сухой, что ты там своей гайкой накидал? — прокричал сталкеру Вадим, все еще морщась от боли. — Что это было?

— Я почем знаю? — ничуть не смутясь, ответил Сухой. — Словно трамплин какой-то гравитационный. Видать, он выборочно по массе объекта работает.

— Так что же ты не предупредил! Куда смотрел, проводник хренов?

— Да не было такого раньше, первый раз вижу. Теперь буду знать, — совершенно спокойно ответил сталкер. — Всем про эти трамплины расскажу.

— Как Тимура искать будем? — Вопрос Малахова был обращен ко всем. — Хоть кто-нибудь увидел, что произошло?

Никто ничего не видел. На земле не было никаких следов, в основном рваные полосы хвои, выползавшей языком из леса метров на пять от опушки.

— Так, Клава, Гера, проверить машину. Мы с Сухим лес прочешем.

Малахов проверил свой автомат, с трудом открыл примятую дверь багажника и достал еще один.

— На, держи, настоящее. А то с твоей пукалкой много не настреляешь. — Вадим протянул сталкеру оружие. — Как работает — разберешься?

— Разобраться-то я разберусь, только в лес идти… — Сухой с сомнением покачал головой.

Тут, словно подтверждая его слова, из глубины леса раздался страшный звериный вопль.

— А видимо, уже и смысла нет, — грустно продолжил сталкер. — Лес — он не выпускает.

— Много ты понимаешь. — Малахов, не обращая внимания на Сухого, зашагал к опушке.

Герман, все еще морщась от боли, прихрамывая, пошел к машине и запустил главный сканер. На коммуникатор Малахова сразу пошла картинка местности, помогая ориентироваться в лесу.

Вадим не сделал и трех шагов, как легкий порыв ветра швырнул ему в лицо комок рыжих лохмотьев, свисавших с дерева. Обожгло, словно листьями злой крапивы. Но Вадим не обратил внимания. Он осторожно, пытаясь отследить возможные ловушки, двигался в направлении, откуда раздался рев. Через сто метров он увидел то, чего больше всего боялся увидеть. На земле валялась разорванная одежда Тимура. Собрав все находки, Малахов уже решил идти обратно, но, вспомнив слова сталкера, пошел назад другой дорогой, выйдя из леса чуть дальше от того места, где он начал поиски.

— Вадим, что с твоим лицом? — встревожилась Клава.

И действительно, вся правая щека была покрыта мелкими красными волдырями. Некоторые из них лопнули и сочились сукровицей.

— Какой-то мох жгучий летает, ерунда, пройдет. Вот. — Вадим кинул на капот машины обрывки одежды. — Гера, сообщи в Центр — эвакуация отменяется.

— Вадим, но ведь это Тимур, его же голыми руками не возьмешь! — Клава и сама понимала, что надежды нет, но верить не хотела.

— Он был без сознания. — Голос Вадима слегка дрогнул. — Смысла искать нет.

— Но ведь крови нет! Посмотри. — Клава разворошила лохмотья. — Всегда есть надежда!

— Не будь наивной, Клава, включи сканер. — Малахов устало, как будто силы его моментально оставили, сел на землю, прислонившись к колесу «Патриота». Клава, ухватившись за эту идею как за последнюю надежду, стремительно вскочила на водительское кресло, стала набирать команду сканирования на компьютере.

— На расстоянии километра — только несколько биологических объектов большого размера. Но все они слишком

велики для человека. — Клава тихо вышла из машины, села рядом с Вадимом. — Ты прав. Тимур останется в Зоне навсегда.

Клава помолчала несколько секунд и заплакала. Потом она стремительно поднялась и, стряхнув рукой слезы, неожиданно произнесла:

— Нет, не может быть! Я чувствую смерть, тем более смерть близких. Он выкарабкается.

— Центр на связи, — нарочито бесстрастным голосом, чтобы скрыть эмоции, доложил Герман. — Я доложу или?…

— Давай ты, хотя… — Вадим поднялся и взял микрофон у Германа.

— Эвакуация пострадавшего отменяется. Имеем невосполнимые потери. Доктор, — четко и бесстрастно сообщил Малахов. — Подтвердите статус миссии.

— Статус подтверждаем. — Ответ Центра, как всегда, был лаконичным. Но потом прозвучало неуставное: — Держитесь, ребята, тут у нас самих полная жопа.

Окончив сеанс связи, Малахов приказал готовиться в путь. Клава, как всегда, стала тестировать системы машины. Выяснилось, что, кроме помятого кузова, никаких серьезных повреждений не было. Реактор был в порядке, фона не было. Компьютерная часть тоже работала без сбоев. Малахов хотел забрать у Сухого автомат, но потом, поняв, что тот был вообще-то не виноват, передумал. Сухой наотрез отказался садиться на место Рымжанова и остался верен своему, на боковом сиденье в багажном отсеке.

Первые минуты ехали в полном молчании, каждый думал о своем. Сталкер, приступив к своим прямым обязанностям, смотрел на дорогу, отслеживая каждый сомнительный участок по данным сканера. Но Зона, словно насытившись на сегодня, казалось, уснула. Спокойно проскочили короткий участок леса, помесили немного пашню и, чуть сбросив скорость, въехали в лес, который тянулся до самой речки.

— Блин, а это что за гости? — Сухой встревожено стал вертеть головой.

Вынырнув ниоткуда, около сотни красных точек — идентификаторов биологических объектов — стали стягиваться из лесной чащи к дороге, по которой крался «Патриот». Сканер показывал, что примерный вес животных был около двадцати-тридцати килограммов. Двигались они слаженно. Пытаясь перехватить машину, еще не видимые в чаще звери перестроились в одну большую стаю, которая стала, словно громадные клещи, приближаться к внедорожнику.

— Ну, нам-то они что? — беззаботно сказал Герман. —

Колеса не прокусят, они самозатягивающиеся, а уж крышу точно не прогрызут.

— Я бы так сильно не мечтал, — сквозь сжатые зубы почти прошипел сталкер. — Сначала на эту мразь посмотреть надо. Тут такое бывает… И танк раскусят.

Ждать пришлось недолго — вожак, или просто случайный лидер нападавших, уже выскочил на шоссе метрах в пятнадцати позади машины. Свинообразное создание на мощных лапах, голова оканчивалась аномально большими челюстями. Вывалив посиневший от бега язык, зверь уверенно преследовал машину. Следом за ним на дорогу вылетели еще несколько десятков его собратьев.

— Блин, слепые собаки! Газуй! — всполошится Сухой.

— Да чего ты? Что они сделают? — попытался его успокоить Малахов.

— Они слепые и за себя не отвечают. Их ведет тварь, которая находится в стороне и координирует их действия. Они сейчас будут головой стекла выбивать, вот увидишь! Я видел, как однажды они автобус с туристами располосовали. Газуй! — Сталкер был действительно напуган не на шутку.

— А вот так они не хотят? — Гера, не дожидаясь команды, активировал огневую систему. Скрывавшийся в задней части верхнего багажника пулемет, выехав вверх вместе с турелью, приготовился к бою.

Сначала, словно проверяя зверье на прочность, Тельбиз прошелся короткой очередью по преследователям. Ошметки мяса и клочья шерсти бегущих в авангарде собак ничуть не смутили идущих сзади. Правда, несколько псов остановились и прекратили погоню, пытаясь сожрать останки своих товарищей, но через мгновение, влекомые невидимой силой, опять кинулись вперед.

— Ну, не боитесь, так не боитесь, — удовлетворенно пробормотал Герман.

Тельбиз руководил огнем, не оборачиваясь на противника. Экран перед ним показывал все происходящее позади машины. Уже не робко, а длинной, нескончаемой очередью полился огонь трассирующих пуль на несущуюся стаю. Но та не отставала, и казалось, что скоро она вся ляжет на дорогу позади «Патриота». Но в какой-то момент тот, кто руководил погоней, видимо, понял, что надо менять тактику. В один миг звери ринулись в стороны и исчезли за деревьями.

— Затаились, суки, замышляют что-то. — Сталкер со злостью стукнул кулаком по обшивке сиденья. — Обходят, сволочи.

— Там, видать, и кобели тоже есть. Не надо сексизма, —

спокойно отозвалась Клава.

Сухой слегка обалдело посмотрел на Клаву, видимо, стараясь понять, о чем это она. Но в ответ ничего не сказал.

Стая и вправду начала обходить машину, которая продолжала двигаться не очень быстро, сохраняя безопасную скорость. Наконец один из псов решился на прыжок. Гадкая туша прочертила воздух и плюхнулась на капот прямо перед лицом Германа. Тупая безглазая морда застыла, словно пыталась что-то разглядеть сквозь стекло, и, не разглядев, прыгнула на крышу. Клава резким тычком педали попыталась сбросить тварь, но та удержалась зубами за багажные дуги и стала подбираться к турели, безошибочно определив главную опасность. Следом за первым псом на машину вскочили еще несколько тварей. Звери, скрежеща когтями по кузову, подобрались к пулеметной турели, впились клыками в раскаленную сталь стволов и стали раскачивать пулемет, пытаясь его сорвать. Гера нажал гашетку, вращающиеся стволы раскидали прочь нападавших, но через секунду пулемет заклинило.

— Суки, видать, своими кишками забили, — прорычал Тельбиз, терзая гашетку. — Говорил же, надо верхний люк в машине делать.

— Так мы не оторвемся. Гера, сканер, ищи неподвижный объект. Клава, повертись на месте, — попросил Вадим.

Малахов взял управление огнем на себя, чтобы упростить Клаве контроль над машиной.

Клава, резко вывернув руль и заблокировав передние колеса, послала машину в управляемый снос, а передняя спарка пулеметов открыла огонь веером по лесу, на секунду прекратив атаку собак.

— Есть, один сидит, на горочке метрах в ста! — закричал Гера.

Несколько секунд понадобилось, чтобы по обнаруженной цели ушли две ракеты с термитными зарядами. Огненный шар вспух недалеко в лесу, уничтожив в месте попадания ракет все живое на полметра вглубь. И словно по ˆкоманде прекратилась собачья травля.

— Интересно, кто же там ими руководил? — прервал возникшую после боя тишину Малахов. — Не знаешь, сталкер?

— Всякое говорят. Вроде у стай есть вожак зрячий, вроде как пес-телепат. Вернее, говорят, что это как раз сука. — Сухой мельком глянул на Клаву. — Но это так, говорят. Если стая на кого напала, то он уже не уйдет.

— А, ну да, помню, у вас тут каждый, кто с тварью какой встречается, — гибнет. И никто их не видел. — Малахов

вспомнил вчерашние россказни Сухого. — Ладно, Гера, что там видно в округе?

— Ничего особенного, десятка два этих уродов тихонько трусят подальше отсюда. И кто-то большой в километре от нас, но он удаляется. — Гера внимательно просмотрел сканером пространство вокруг на несколько километров.

— Ну, мир-дружба-жвачка просто, — удовлетворенно сказал Малахов. — Сухой, помоги мне, надо пулемет проверить на крыше. Гера, ты с Клавой осмотри машину, как бы эти псы войны не повредили подвеску.

Вадим легко, оперевшись ногой на капот, выбрался на крышу. Весь верх «Патриота» был заляпан желто-красной тошнотворной кровью. Стараясь не поскользнуться в липкой вонючей жиже, Малахов пробрался к кормовому пулемету. Оказалось, и вправду на стволы была намотана шкура слепой собаки, видимо, она неудачно влезла в привод, который и освежевал ее. Шкуру Вадим разрезал ножом и, морщась от отвращения, сбросил на землю. Пришлось еще повозиться с приводом, освобождая его от обрывков мяса и обломков костей, плотно засевших между шестерен механизма турели. Только после того, как все детали были освобождены от грязи, после того как Герман на короткое время включил привод и пожужжал мотором пулемета, Вадим спрыгнул на землю.

— Скоро речка, надо помыть машину, а то падальщики за нами будут толпами ходить, — тщательно вытирая руки дезинфицирующей салфеткой, произнес Вадим, вглядываясь в уходящую сквозь лес дорогу. — Тут есть падальщики? Или опять никто не видел?

— Есть, а как же, — кивнул сталкер. — Да кто их-то увидит? Падаль, что ли? Так она не скажет.

— Тьфу ты, у тебя на все один ответ. — Сухой в очередной раз поразил Малахова своей диковатой логикой. — Ладно, надо двигаться, время не ждет, миссия у нас толком и не началась.

Опять двинулся в путь «Патриот» по умирающей дороге Зоны. Черные деревья вдоль шоссе, смерть, невидимая, но летающая в воздухе, сумрак чащи — верные спутники окружали машину с людьми. Хотя системы оповещения не показывали никакой явной опасности, было понятно, что за каждой кочкой ждет новый сюрприз. Стремительно меняющаяся Зона вела себя совсем не так, как привыкли к этому сталкеры, и не так, как к этому были готовы пришедшие сюда впервые люди. Малахов отметил про себя, что лохмы обжигающего рыжего пуха попадаются все чаще и чаще. Несколько раз удалось распознать затаившиеся на обочине «карусели», но на машину они не обратили особого внимания.

Так в напряженном безмолвии доехали до очередной опушки рваного на куски леса. И сразу впереди блеснула черная извилина реки.

— Клава, вот тут есть отмель, можно проехать спокойно. — Гера просмотрел свежие, полученные перед самым началом операции спутниковые карты.

— На той стороне возьми чуть левее. Надо отъехать от леса, и станем на берегу. Я не хочу ехать с этой грязью на крыше. — Вадим до сих пор чувствовал легкую тошноту, подкатывавшую к горлу.

Пробег по песчаной отмели прошел удачно, несмотря на жесткие испытания, «Патриот» вел себя как очень выносливая машина. Ему было наплевать на всех и все, его задача — ехать. На том берегу, выбрав стоянку метрах в десяти от пологого берега, сделали краткую остановку. Малахов отправил Геру за водой, снабдив его ведром и длинной веревкой.

— Гера, ты помнишь рыбешку, которая за нами гонялась, когда мы сюда ехали? Так что привяжи веревку, а сам близко к воде не подходи, — предупредил Вадим.

Герман молча кивнул и привязал к ручке ведра конец фуллеренового шнура, который нашелся в багажнике.

Остановившись в двух метрах от воды, Гера ловко раскачал ведро и запустил его в воду. Но обратно он смог вытащить только одну веревку. Прочный композитный шнур был срезан словно бритвой. Однако обычная бритва вряд ли смогла бы так легко срезать веревку, сделанную из нанотрубок.

— Как же меня все достало! — взревел Тельбиз. — Что же это за жопа такая, а не Зона! Так всю матчасть на корм рыбам можно оставить.

Сердитой походкой Гера вернулся к машине, не говоря ни слова, полез в багажник и достал из своей части багажа желтый брикет взрывчатки. Подумав, он прибавил к нему еще два таких же и увенчал это все взрывателем.

— Блин, сейчас оно у меня узнает! Они, суки, мне еще за все ответят — и за Харьков, и за Киев, и за эту… Жмеринку! — Непонятно, при чем тут были эти города и в чем перед ними провинился животный мир Зоны, но, видимо, у Геры были свои счеты.

— Клава, подкати машину поближе к воде, да? — попросил Герман.

Клава с молчаливого согласия Вадима подогнала «Патриот» к берегу и остановилась почти в том самом месте, откуда Гера пытался набрать воды. Не задумываясь ни на минуту, Тельбиз швырнул в воду заряд. Пока связка тротила летела, Герман,

буквально выдернув Клаву из кабины, побежал прочь от реки. Все заткнули уши.

Разорвав тишину, белый столб с жутким грохотом взвился многометровым конусом вверх. Тонны воды, поднявшись в воздух, рухнули вниз и в стороны. Большая часть попала не обратно в реку, а осела на берегу, окатив машину получше любого автомоечного душа.

— Вот это другое дело, — удовлетворенно произнес Герман, — а то ведро, ведро.

— Ну ты и циркач, — улыбнулся Вадим. — Где рыбу глушить научился? Ты же дитя асфальтовых джунглей.

— Учителя были хорошие! — ответил Герман. Взрывному делу его учил Малахов еще в первый год подготовки.

— Интересно, а ту сволочь, что ведро стырила, не зацепило? — поинтересовалась Клава. — У нас же последнее ведро было, как мы без него теперь?

— Я думаю, ведро — это, как говорят итальянцы, problema minore, — ответил Малахов. — Ну пойдем, посмотрим.

— Стойте здесь, — неожиданно раздался строгий голос Сухого.

Он стоял, держа в руках свой новый автомат, и смотрел холодно и зло.

— Ты чего? — Малахов на мгновение решил, что Сухой или поехал крышей, или решил устроить государственный переворот.

— Я пойду, — произнес Сухой. — Там всякая тварь может на берег вылезти.

— Ну ты урод, а не сталкер! — У Малахова отлегло. — Какого хрена ты на нас автомат направил? Я уже думал…

— А? — Сухой растерянно посмотрел на свое оружие. — А как же его еще держать? Да вы что подумали? У меня никогда такой штуки не было, я думал его надо вот так и держать… В кино видел.

Первым засмеялся Герман, потом прыснула Клава, за ней, уже присев от смеха, взорвался Малахов. Сухой продержался чуть дольше, но в итоге захохотал вместе со всеми. Истеричный приступ смеха продолжался несколько минут. Когда еле успокоились, Сухой вытер слезы и пошел к берегу. За ним, чуть позади, последовали и остальные.

— Тс-с! — Сухой обернулся и приставил палец к губам. — Вот он… Может, еще живой.

Чуть слышными шагами, стараясь не издавать ни звука, вся группа подкралась к реке. Там в полуметре от берега из воды выступала гребенчатая спина какого-то животного. Если скрывавшаяся в черной пучине невидимая часть туловища была

пропорциональна тому, что торчало наружу, то существо было не меньше десяти метров в длину.

— Крокодил! — театральным шепотом произнес Сухой. — Допрыгался, сволочь!

Сталкер огляделся и увидел, что веревка, которую перекусил монстр, удачно зацепилась за колесо машины и не улетела в реку с потоками воды. Собрав ее кольцами, он быстро завязал петлю и попытался ее забросить на плавающего бревном монстра. Получилось с третьего раза. Совместными усилиями, как рыбаки, тянущие невод, вытащили добычу на берег.

Никто из группы не мог поверить своим глазам. Циклопический крокодил, невесть откуда взявшийся здесь, лежал бездыханный на берегу. Правда, бездыханность оказалась очень обманчивой. Словно поняв, что находится не в родной стихии, рептилия вдруг резко дернулась, вырвала из рук Сухого веревку, наброшенную на хвост, и, издав дикий рев, бросилась наутек. Но сталкер не хотел упускать добычу. В отчаянном прыжке он успел поймать волочащийся по земле конец десятиметрового шнура и заставил крокодила затормозить. Бронированная тварь развернулась, возмущенная неожиданной помехой, и ринулась на людей. Когда до сталкера оставалось не более метра, хлопнул выстрел, и многотонная рептилия застыла на земле, отброшенная назад крупнокалиберной пулей.

— Понаехали тут, — удовлетворенно произнес Малахов, пряча свой пистолет в кобуру на разгрузке. — Откуда тут крокодил? Что за хрень вообще? Ты мне еще завтра из кустов вытащи взвод негритянского спецназа вместе с пальмами.

— Эх, жаль, шкуру попортил, — печально произнес Сухой.

Он был удручен состоянием шкуры крокодила и при этом совершенно забыл, что его собственная шкура рисковала быть попорченной этим зверем гораздо больше.

— Я? Попортил? — делано возмутился Вадим. — Я белку бью только в глаз!

Малахов врал. Он никогда в жизни не убивал белок. И вообще до приезда в Зону не убил ни одного животного.

Сухой осторожно, ему не хотелось еще раз рисковать, подошел к поверженному чудовищу и, подергав веревку, убедился, что он на этот раз действительно мертв.

— Тут дело такое! — начал излагать Сухой. — Мужики сказывают, лет десять назад, ну, до войны еще, один крутой в Бобруйске завел себе крокодила. Маленького, в ванной держал, пацанам показывал. Котами кормил. Ну, сволочь, в общем. Оба они сволочи. Гера, подсоби, шкуру снять надо.

Достав из недр своего пыльника здоровенный нож, Сталкер

собрался, не прекращая рассказа, освежевывать тушу.

— Так, только давайте без фанатизма, — остановила их Клава. — Гера, возьми комбезы разовые в багажнике.

Гера кивнул и моментально добыл из недр «Патриота» два комплекта белых комбинезонов, предназначенных для использования при сборе образцов. Сухой, скинул свой драгоценный плащ на траву, неловко натянул комбинезон. Однако в нем он стал похож на сотрудника секретной лаборатории при вскрытии инопланетянина. Гера тоже выглядел нереально в этом наряде.

— Только, пожалуйста, особо не рассусоливайте, а то еще на вонь прилетят всякие… — предупредил Малахов.

Сухой, насвистывая веселую мелодию, ловко вспорол своим страшным ножом брюхо хищника. На землю вяло выпала куча зловонных внутренностей. Выгребая потроха, сталкер с ног до головы вымазался в дерьме и крови крокодила. Малахов с содроганием подумал о том, как бы выглядел Сухой, если бы не надел защитный комбинезон. Малахов и Клава, не сговариваясь, отправились на берег реки, подальше от зловония и от картины окровавленного, копошащегося внутри крокодила Сухого.

— Все, дело сделано. — Тяжело дыша, Сухой притащил мешок внутренностей рептилии и спихнул его в реку. — Пусть рыбешки порадуются.

Одной ходки было мало, Сухой еще раз вернулся.к месту разделки и с помощью Геры запаковал остатки внутренности в пакет и так же, волоком, сбросил его в реку.

— Так вот, как надоело, он его выпустил на волю. Нет, чтобы обратно в Африку отвезти или детям в зоосад, он сюда припер его и в охладительный пруд выпустил. Там вода даже зимой теплая. Но это мужики, я ж говорю, сказывали, никто толком крокодила не видел, — как ни в чем не бывало продолжил сталкер.

С помощью Германа сталкер не без труда перевернул тушу на спину и стал ловко снимать с крокодила шкуру.

— Ну, вот и стали сначала собаки пропадать у местных, кто в Зоне тогда жил, потом свиньи. А потом он, видать, сюда по реке пробрался. Наверное, сомами питался. Вот сволочь.

Сталкер в итоге снял всю мягкую часть шкуры, оставив развороченную тушу с панцирем на земле. Потом, выпросив у Клавы соли, засыпал ею шкуру.

— А ты откуда вообще-то крокодилов разделывать научился? — спросил Малахов, слегка ошеломленный рассказом Сухого. — Прямо как Данди киношный.

— Ну, да тут же все понятно и так, как корову, или еще кого, — ответил сталкер и слегка покраснел.

— И что нам с этой шкурой теперь делать? — Клава хоть и повидала многое в жизни, но не любила такого натурализма.

— Домой привезу, там засолю по всем правилам и обработаю. Потом можно сделать одежду или сапоги пошить. Полезная вещь!

— Только запакуй как следует, а то завоняется, машину не отмоешь, — сдалась Клава.

— Блин, дурдом и Голливуд какой-то, — ругнулся Малахов. — Да что у нас тут, в конце концов! Бред какой-то. На крокодилов охотимся! А в отчете что напишем?

— Мне-то что? — пожал плечами Сухой. Он стащил с себя комбинезон и отбросил его подальше. — Вам нужен отчет, вы и пишите, — продолжил сталкер, — а мне шкура дорога. Любая.

ГЛАВА 24

Верят ли в силу духа, верят ли христиане в силу духа?… Нужно правду сказать: подавляющее большинство людей, в том числе христиан, — материалисты, материалисты не доктрины, а жизни, и верят лишь в материальную силу, силу военную и силу экономическую, силу оружия и силу денег.

Николай Бердяев. Сила духа

Город Мальвиль, одно из государств Западного полушария, секретный офис филиала разведывательного управления одной из развитых стран.

С утра в неприметное здание на востоке Мальвиля стали съезжаться люди на дорогих, бронированных автомобилях. Жители города знали, что серый, мрачный дом принадлежит какой-то консалтинговой фирме и там часто проходят совещания инвесторов. Вот и сегодня никто из живущих поблизости не обратил внимание на активность вокруг этого дома. Приезжающих встречали молодые люди в ладных костюмах и, открыв услужливо двери, провожали внутрь здания. Все гости собирались в большом конференц-зале, оборудованном по последнему слову техники. Но особенностью этого зала были не модерновые аудиовизуальные системы, а система защиты от прослушивания, скрытая под двойными панелями стен. В центре зала стоял громадный овальный стол, за которым и устроились гости. Дождавшись, когда обслуживающий персонал покинул зал, ведущий открыл заседание тайного совета.

— Уважаемые господа, я прошу прощения за срочный вызов, но события требуют немедленных решений. — Мэтью Говард, ведущий экстренное совещание, не имел знаков различия, но его

все знали в лицо. — К сожалению, события в зоне наших интересов начинают принимать серьезный оборот. Я позволю себе, господа, вкратце изложить ситуацию.

Мэтью Говард был спортивного вида мужчиной средних лет. Сейчас, в гражданской одежде, он слегка смахивал на аскетичного аристократа, изможденного утренней овсянкой. Но все присутствующие знали, что он занимал один из важнейших государственных постов в одной из великих держав. Даже то, что встреча проходила в засекреченной резиденции разведки этой страны, говорило о том, что возможности у этого господина были достаточно широкие.

— Так вот, господа, — продолжал Говард. — В последние часы сложилась критическая ситуация в районе объекта «Монолит». Русские предприняли активную разведывательную операцию силами группы Центра аномальных явлений. Вы знаете, сколько неприятностей мы имели от этого самого Центра. Не мне вам напоминать. К сожалению, одновременно был раскрыт наш человек в Центре.

Люди, сидящие за круглым столом, стали переглядываться, пробежал легкий шумок неудовольствия. Говард продолжил:

— Все в порядке, агент переведен в неопасное состояние. Он не был одним из нас, это был наемный сотрудник. Так что после его ликвидации никаких следов не осталось. Однако мы выпустили из рук активный контроль и над Центром, и над операцией этого Центра в Зоне. Силами этой самой разведгруппы при поддержке федеральных войск России полностью ликвидированы военизированные формирования нашей поддержки в Зоне. Более того, уничтожены генераторы пси-поля Зоны, что привело к необратимым изменениям ситуации. Зона начала изменяться. Какие будет предложения?

Первой поднялась строгая стареющая дама с ухоженным лицом.

— Во-первых, каким образом иностранное государство вмешивается вдела независимой страны? Кто им позволил? Я считаю, что это целиком ваше упущение, господин Говард. Вы что, и над войсками НАТО уже упустили контроль? Надо немедленно навести конституционный порядок в анклаве!

— Уважаемая госпожа магистр, я принимаю ваш упрек, однако вы прекрасно знаете, что после военных действий в этом регионе мы действительно потеряли возможность оперативно реагировать на общевойсковые операции. Или вы предлагаете использовать стратегическое вооружение? Кстати, именно по поводу восстановления статус-кво я и посмел вас пригласить на это совещание.

— Что вы предлагаете? — спросил черноволосый молодой человек с сильным славянским акцентом.

— Необходимо нейтрализовать группу. Две группы спецназа легко справятся, — спокойно ответил Говард. — Но необходимы совместные усилия. Господин Отон, какие ресурсы вы можете предоставить?

Рыжий лысоватый испанец словно испугался вопроса и, поколебавшись минуту, решился:

— Шесть человек, подготовка достаточная для любых контртеррористических операций. Вооружение наше. Средств доставки нет.

— Хорошо, доставку я обеспечу силами ВВС моей страны, — кивнул Говард. — Кто еще может предоставить расходный ресурс? Госпожа магистр, вы же выражали недовольство пассивными действиями? Вы можете предоставить ресурсы?

Дама злобно зыркнула на Говарда и, отдавая себе отчет, что здесь она проиграла, отрицательно покачала головой.

— Отлично! — обрадовался Мэтью. — Кто может? Говард не любил эту чванливую даму, а сейчас он еще и убедился, что у нее нет никаких реальных силовых ресурсов за спиной. Что же, в будущем эта информация может оказаться очень полезной.

Отозвался мужчина в кепи, пообещав пять человек. Столько же пообещал человек яркой арийской внешности — блондин с рыбьими глазами.

— И еще, господа, вы все понимаете, что мы можем привлекать к операции только людей с негативным тестом. Надеюсь, вопросов нет?

— Секундочку, у меня вопрос. — Неприметный, блеклый мужчина, все время невозмутимо и даже безразлично наблюдавший за собранием, поднял руку. — У нас нет других возможностей?

— Есть, конечно, но давайте попробуем простейшее решение, — ответил ведущий.

— А если не получится? Вы не предполагаете, что может произойти то же самое, что и день назад, — вмешательство силовых структур русских? — настаивал невзрачный.

— У нас есть вариант полной дискредитации этой группы. И введения особого режима в Зоне. Но это последняя, крайняя мера, она требует очень осторожных действий. Еще есть вопросы? — Говард дал понять, что больше ничего не скажет.

— Вы говорили о потере пси-генераторов, — поднял руку иудей. — Вы понимаете, чем это грозит?

— Если у членов совета есть подозрения в том, что я не понимаю ситуации, то прошу принять мою отставку, — поджав

губы, ответил Говард.

— Не надо так нервничать, господин Говард, я же не за вас имею в виду, а за тот самый треклятый «О-Сознание». — И построение фраз и акцент выдавали в говорящем выходца из бывшего СССР.

— А что «О-Сознание»? — удивился Отон.

— А то, что эти мерзавцы думают про себя очень много, и если они узнают, что случилось с полем…

— Господин Спринский! — Говард, сдерживаясь, обратился к человеку в кипе. — Давайте решать проблемы по мере их возникновения.

— Да боже ж мой, — замахал руками спорящий, показывая, что он снимает свой вопрос.

Больше возражений не было и Говард, передав тем, кто выделял людей для карательной операции, координаты точки встречи, попрощался с собравшимися.

Военная база Склынив, Украина.

На старом, видавшем лучшие времена военном аэродроме после обеда началась суета. Прапорщики, получившие неожиданный втык от начальства, вывели весь личный состав на поле и заставили чистить высохшую траву вокруг взлетной полосы. Матерясь, полусонные и охреневшие от безделья солдаты угрюмо царапали граблями по траве, проклиная ретивое начальство. Но уже через полчаса абсолютно секретная информация расползлась по всему гарнизону.

Говорили, что сегодня прилетает американский спецназ. Что, мол, где-то упала летающая тарелка с боевыми роботами и что спецназ будет их ловить. В слухи мало кто верил, скорее, ждали какого-нибудь злобного начальства или, может, даже гражданской проверки. Но еще засветло на полосу плюхнулся темно-зеленый «Геркулес» с опознавательными знаками НАТО. Он погудел, выруливая на стоянку, когда еще не затихли турбины, сзади откинулся грузовой люк, превращаясь в широкий трап. По нему шустро сбежали ребята в камуфляже с винтовками М16 наперевес и оцепили самолет плотным кольцом. Потом из недр «Геркулеса» выкатили вертолет со сложенным, как перочинный ножик, ротором. Механики, которые прилетели этим же рейсом, быстро привели вертолет в полную боевую готовность. А еще минут через пятнадцать на полосе садился маломестный

реактивный самолет бизнес-класса. Он доставил пятнадцать человек в разношерстном камуфляже. Местные пацаны, которые, несмотря на повышенные меры безопасности, все-таки ухитрились спрятаться за ближайшей локаторной будкой, наблюдали за происходящим выпученными от восторга глазами.

Осенняя морось заставляла военных поднимать воротники и натягивать поглубже головные уборы. Сырость и холод делали высадившихся из вертолета людей похожими на обиженных дождем птиц. Когда личные вещи были выгружены, люди неплотной кучкой двинулись на северный край летного поля, туда, где виднелось серое здание. Прибывших разместили в зале. Видимо, когда-то он был спортивным, а сейчас напоминал просто гулкую каменную коробку с большими зарешеченными окнами. Люди с явным неудовольствием стали обустраиваться, вешать верхнюю одежду на решетки окон и раскладывать личные вещи у надувных матрасов, которые служили спальными местами. Но времени на обустройство было очень мало, старший группы на ломаном английском пригласил всех на совещание, связанное с предстоящей операцией. Совещание состоялось в небольшой комнате рядом.

— Уважаемые господа! — начал офицер в чине полковника. — Вы все понимаете, что вас пригласили сюда для проведения, особой операции. В силу чрезвычайной важности миссии в группу выбраны лучшие из лучших, и не мне говорить вам, что от каждого потребуются полная отдача и максимальная отвага.

Военные согласно закивали и слегка зашумели, соглашаясь со столь лестной оценкой.

— Но вы должны понять, что сейчас в ваших руках спасение демократических устоев в мировом масштабе. На вас смотрят руководители стран доброй воли. И требуют от вас полной самоотдачи. И это будет хорошо оплачено!

То, что за всем этим маячит хороший куш, а о хорошем заработке говорили с самого начала, вызвало прилив энтузиазма у присутствующих.

— Итак, краткая вводная. В квадрате, отмеченном на ваших палмах — кстати, достаньте их и включите, они будут вам помогать ориентироваться на местности, — так вот, в одном из квадратов так называемой зоны отчуждения одного из наших сателлитов, не будем называть конкретно, наблюдается повышенная активность террористической группы. Тот факт, что террористы под прикрытием русских спецслужб ведут себя совершенно разнузданно, не позволяет нам оставаться в стороне. Есть сведения, что руководитель этой группы террористов лично принимал участие в убийстве знаменитого борца за демократию

Валерии Новозадской. И перед тем как ее убить, лично изнасиловал невинную жертву.

— О Господи, — не выдержал один из слушающих и перекрестился. То ли он живо представил эту картину, то ли еще что. — А что, ее убили? — спросил он.

— Это уже не так важно, — не стал задерживаться на этом эпизоде докладчик. — Итак, кратко цели нашей миссии. По команде в определенный момент времени мы будем десантироваться в районе проспекта Ленина, в северном его конце.

Аудитория проверяла по карте задание командира.

— Там, в конце проспекта, оставляем вертолет и охрану, основная группа выдвигается к площади у объекта «Дом культуры», там…

— Извините, сэр, а что такое «Дом культуры»? — перебил полковника мускулистый негр. — Я прошу прощения, сэр, за то, что я вас прерываю, сэр, но для нормального проведения операции я должен знать назначение каждого здания, иначе миссия усложнится. Там, на месте, каждый кирпич важен.

— Ничего, Митчел, я вас понимаю, спасибо за вопрос, — кивнул полковник. — Название сохранилось со времен, когда в тех местах хозяйничали ком-ми. Сейчас уже никто не знает точно, зачем им нужны были такие громадные здания в центре города. Но существует мнение, что там проводились публичные, казни инсургентов и издевательства над демократами. От русских другого ждать не приходится. Сейчас здание неопасно, оно необитаемо много лет, и никакой активности вокруг не наблюдается. Нас будет интересовать его тыльная пристройка. Да и это только на крайний случай.

— После высадки, — продолжил полковник инструктаж, — необходимо развернуть систему «Бабуин». Дальше за вас все сделают местные. Есть вопросы?

— А если не сделают? — поднял руку один из сидящих в зале.

— Тогда придется сделать вам! Все инструкции получите уже на месте. А сейчас — отдых.

— А где здесь бар?

— Здесь бар нигде. Забыли, где находитесь? — Полковника неожиданно стали раздражать эти воины, думающие только о деньгах и собственной заднице.

Группа, недовольно бормоча, ушла в зал устраиваться на ночлег. В общем-то дальше все проходило гладко. Только среди ночи произошла драка с местными из-за туалетной бумаги. Но на это никто особого внимания не обратил.

ГЛАВА 25

Хотели как лучше, а получилось как всегда.

Фраза С.Ю. Витте, председателя Комитета министров, приписываемая Виктору Черномырдину, премьер-министру России в 1990-х годах

Сухой, сидя на своем месте в багажном отсеке, отрешенно смотрел на дорогу, не снимая очков-коммуникаторов. Большой пластиковый сверток со шкурой он придавил ногой, так чтобы под прессом шкура быстрее просолилась. Машина кралась по грунтовке медленно, словно на ощупь. Сталкер устал за последний час изнурительного, напряженного движения. Больше всего его утомило то, что так ничего и не произошло — бесплодное ожидание вызывало сильное напряжение. Не выдержав, Сухой вдруг вернулся к мучавшему его вопросу.

— Вот едем мы, едем, Сферу эту ищем. А толку? Только Зону вашими приблудами электронными мучаем. Зачем это? — обращаясь непонятно к кому, спросил Сухой.

— Да что тебе наша электроника далась? — обиделся Герман. — Кому она мешает?

— Да приди вы сюда, как все нормальные люди, с чистой душой да с открытыми глазами, посмотрели бы на Зону, — Сухой снял очки, — а не через эту дьявольщину. Может, и были бы сейчас все целы и здоровы.

— Уж больно ты мнительный, Сухой, с каких пор техника людям мешает? Да и поверь, мы и так сюда пришли и с глазами открытыми, и с душой, — ответил Вадим. — Только видим мы немножко больше, чем ты. Ну и можем. Ну и конечно, твою помощь принимаем, разве нет?

— И все-таки что же вы за люди такие, что так на вас Зона взъелась? — не успокаивался Сухой.

— А ты уверен, что именно Зона взъелась? И именно на нас? — Малахов повернулся к сталкеру так, чтобы видеть его лицо. — Вот ты мне скажи, ты давно в Зоне?

— Ты еще что-нибудь глупее спроси. — Сухой насупился. —

Не любит она, когда стажем хвастаешься. И что такое давно или недавно здесь? Пыль…

— Ладно, хрен с ними, с вашими приметами и суевериями. Сформулируем по-другому. Когда ваши зомби стали толпами ходить? Словно у них командир есть. И были времена, когда в Зоне и артефакты водились, и не было бандитов, и твари толпами не носились? — не отставал Малахов.

— Ну… — задумался Сухой. — Бандиты, конечно, не сразу появились. Сначала тут жили только те, кто в Зоне еще до войны сидел. Были даже такие, кто с самой катастрофы тут торчал. Ну некуда им было деваться. Тут же как, до войны в общем-то совсем тихо было. Какой бандит тут поселится? Смысл в этом какой? Ну, ученые разные лазили, мониторили. Диссертации писали всякие. Скорее от безысходности, чем от жажды знаний.

— В каком смысле от безысходности? — удивился Малахов.

— А ты попробуй так — всю жизнь отдал науке, у тебя семья, дети, работа была, а тут бабах! — и все прикрывают! Зарплаты нет, а если и есть — не прожить на нее. На науку твою всем плевать, за бугор ехать не хочется, а то и не можется, держит и семья и родители, вот и полезешь в Зону, где хоть что-то платят. Да и то не свои, а всякие международные центры. — Неожиданно Сухой стал рассуждать о вещах, которые казались совершенно чуждыми этому человеку. — А потом уже понимаешь, что вне Зоны ты вообще никто. Так и осели тут люди. Ну а как первый артефакт нашли — началась жизнь полегче.

— На мед мухи слетаются, ну, не только на мед. — Гера тоже включился в разговор, однако не оборачиваясь и не отвлекаясь от контроля дороги. — Небось понаприбегали сразу?

— Ну само собой. Только к тому времени уже тут был свой, ну как бы сказать, — замялся сталкер, — ну вроде профсоюза. Ну и так просто тут не погуляешь. Места-то знатные!

— Погоди, что значит профсоюз? Вы не пустили сюда чужаков? Народное сопротивление? — В голосе Малахова слышалась ирония.

— Как бы тебе объяснить. — Сухой откинулся на спинку сиденья, словно так легче было вспоминать давние дела. — Вот представь, ищешь ты артефакт, «стальку» ту же самую. Ведь опытный человек знает и как она лежит, и где искать. Вот только идиот в полнолуние, как сейчас, «стальку» с левого бока в руки брать будет. Или, там, та же «бабкина шляпка», ну как у вас. Ведь сталкер, он, прежде чем в руки взять ее, все учтет — и азимут первой сосны, и опять же…

— Что — опять? — Герман прямо заслушался диковатыми сентенциями сталкера и расстроился, что тот остановился. — Не

темни.

— Да вы опять же начнете додалбываться. А я так скажу, если помета йоптеля рядом нет, то грош цена той «шляпке». Она не вас скрывать будет, а наоборот! Всех от тебя спрячет, и будешь ты, как последний лох, на пацанов напарываться.

— Что-то ваш лексикон, уважаемый сталкер, — вмешалась Клава, — сильно нестабильный. То вы про беды ученых с хорошим знанием дела вещали, то просто на феню скатываетесь. Вы уж определитесь.

— Вот я и говорю, — Сухой не обратил никакого внимания на замечание, — если чужак, он легко попадется на всякую ловушку. Ну, вот мы и того.

— Что того? — не отставала Клава. — Вы прямо как на допросе. Мы не милиция, не прокуроры, судить вас не собираемся. Нам в общем-то понять хочется.

Клава понимала, что Сухой сейчас говорит о каких-то совершенно неизвестных внешнему миру вещах. И еще чувствовалось, что Сухой, сам того не понимая, рассказывает о чем-то, что его постоянно мучает, о сокровенных тайнах Зоны.

— Ну в общем-то, — продолжил Сухой так, как будто и не было вопроса Клавы, — решили мужики, что надо пришлых отваживать. Так, по мелочи. То «стальку» положат, а сверху ее кислотой польют, так что потом пальцы облезут. А вот если на «шляпку», опять же, так и под нее мину не жалко. Главное, что мы особо и не скрывали. Каждому говорили: Зона она требует знания и умения. Умения понимать ее.

— Ни фига себе понимание. Под артефакт мину подкладывать. — Гера покачал головой.

— Так мы ж предупреждали — не ходите сами. А потом… Потом все пошло враскоряку. Словно кто-то другой стал ловушки ставить, словно все, что мы задумывали, все хитрости, чтобы чужих отваживать, своей жизнью зажили. — Голос Сухого дрогнул.

— Это как? Мины по полям забегали? — зло спросил Малахов.

— Тебе смешно. Ведь не было здесь никаких аномалий! Не было! Артефакты были. Мало, но зато их надо было просто искать и не рисковать собственной ж… кхм… шеей каждую минуту. — Сухой покосился на Клаву. — А тут как прорвало! Твари местные — они же безобидней котенка были! У меня пес слепой был. Ходил за мной, как простая собака. И шерсть не облезлая, и не вонял. А в один прекрасный день — глядь, сидит, скалится, а у самого струпья по бокам. Порычал — и в лес. Все разом свалилось в хрен знамо куда. Тогда еще как раз Тумак пропал.

— А Тумак — это что? Или кто? — не понял Малахов.

— Он у нас тут за старшего был. Кремень, а не человечище! На него глянешь — мороз по коже. Он тут всех держал в кулаке. Ну а потом, как крест-дерево пропало, все, — зло сказал Сухой. — Все и рухнуло. Считай, ушла человеческая душа отсюда.

— Какое дерево? — не понял Вадим;

— Вот видишь, ты даже не слыхал, — вздохнул сталкер. — Давно это было. В войну, Отечественную, тут партизанский край был. А немцы тут, чтобы местным неповадно было, устроили место для экзекуций. Метрах в четырехстах от реактора нынешнего они устроили виселицу. Там сосна такая странная стояла, как крест — две ветки толстые в стороны раскинула. Ну, фашисты, рационализаторы, чтоб им… вбили железные скобы в эти ветки и людей вешали на той сосне.

Сухой замолк на секунду. Словно где-то в глубине его сознания всплыла жуткая картина.

— Ты понимаешь — это же не игрушки с хабаром, не побегушки с бандитами, это война была. Никого не спрашивали, хочешь или не хочешь. И герои были настоящими, а не искатели говна этого. — Сухой почему-то показал в окно. — Люди умирали за правое дело. Мир спасали!

— Ну и? Почему дерево пропало?

— Как реактор грохнул, с него иголки послетали. Весь Рыжий лес под нож пустили, а дерево тронуть не посмели, так и стояло оно, раскинув ветви посреди поля. Словно держало в руках мир этот. Ну а потом, когда в Киеве памятник первый фашистам поставили, исчезло. Даже дерево не может во лжи жить. Никто не видел, как и куда. Может, и срубили его, а может, и само ушло. С тех пор и нет у Зоны добра. С тех пор и понеслось тут окончательно.

— Так что, ты хочешь сказать, что аномалии — они вашими молитвами появились? А Зона уже была готова каждую гадость сохранять и зло множить?

— Да ничего я не хочу сказать! Так, вспомнилось, — отрезал Сухой. — И хватит про это, вон, гляди, «воронка» слева.

«Воронку» Гера заметил давно без напоминаний сталкера и передал Клаве на ее коммуникатор предупреждение. Зона учила быстро.

— Ну а потом война эта идиотская. — Сухой не успокаивался. — Где это видано, чтобы такая была война? Комедия одна!

— Да, тогда весело было. Если, конечно, война веселой бывает. Воевали и наши, и ваши, и все против одного врага — ваших властей. — В памяти Малахова всплыли события недавней войны. — Да и какая, на фиг, это война — так, перемещения

вооруженных сил без боестолкновений.

— Ну, мейндауны всерьез участвовали. У них уже тогда крыша поехала. Говорят, из-за психотронного оружия. На иглу посадили, вот им и нужна была подпитка пси-полями. Иначе мозги просто разжижаться начинали. — Сухой помрачнел. — Но какие из них вояки? Только языками на форумах чесать или толпой сто на одного. Понятно, были и те, кто свято верил и… Ну, ты понял. А потом всех их, болезных, сюда пригнали.

— Слыхал я, но вот только одно непонятно. Что, прямо как Сталин — в вагоны и в Зону штабелями? — Вадим вел разговор с Сухим через плечо, глядя на дорогу, которая уже скоро должна была привести к окраинам Припяти и требовала внимания. — Они же такие гордые и свободолюбивые, как же так, не сопротивляясь — и в Зону?

— Как же ж, вагонами. В один день, как стадо баранов, сами потянулись сюда. И главное — никто не остановился и даже слова не сказал. Они же, как раз когда битва за Киев была, опять поорали на Майдане и поперли пехом на Чернобыль. Как саранча какая-то.

— А они что, все из Киева?

— Да какое из Киева! — Сухой даже подскочил от возмущения. — Шваль всякая приехала в город, да и осталась там срать, пардон, гадить в подворотнях. А последний год они табором на площади жили. Ну, тогда уже вообще никакой власти не было. Разгул демократии и свидомии. Ну, приехали они сюда, но ведь не были они зомби еще, не были! — продолжал не на шутку разволновавшийся сталкер. — Сначала просто бешеные какие-то были. Все рвались воевать, стали лагерем в Припяти, палатки разбили. Загадили, как всегда, все вокруг, ленточками все разукрасили. А потом в один прекрасный момент — хлоп, и нету никого. Словно выключатели в голове у них сработали, и они все врассыпную. А чуть позже они в стаи сбились. На людей нападать стали.

— А они что, не люди? Тогда были уже не люди? — удивился Герман.

— Уже нет. Ты понимаешь, всегда легко отличить зомби от человека. Они сначала просто неадекватные были, а потом… Да ну их. Не надо о гадости вспоминать. Встретите — мочить надо, не ждать.

— А где они сейчас в основном толкутся? — поинтересовался Малахов.

— Ну, в основном они, конечно, вокруг забора, который Саркофаг закрывает. Как туда подходишь — надо всегда ухо востро держать. Хотя зомби бояться — это такое. Только

слабонервного может испугать. Тьфу — безделица. Так, вот сейчас давайте направо. — Сухой пальцем ткнул в направлении основной дороги, пересекающейся с грунтовкой, по которой плавно катил «Патриот». — Лучше через мост, чем по путям прыгать.

Теперь шоссе шло вдоль железнодорожного полотна, иногда сквозь просветы в деревьях мелькали остовы мертвых поездов, почти сливавшиеся с бурым ландшафтом. Через пару километров свернули налево и оказались на прямой как стрела дороге, ведущей в Припять. С моста над железнодорожными путями открылся вид на Саркофаг.

— Вот вроде рукой подать, а попробуй доберись, — пробормотал Сухой. — Многие пытались через забор сигануть, да не вернулись. Не нравится мне эта затея. Может, лучше я покажу, где пустышек много?

Сталкер опять, словно вспомнив о чем-то, стал отговаривать от поиска Сферы. Но как-то безнадежно отговаривать, неуверенно.

— Ты нас до забора доведи, а там посмотрим, силой тебя никто не потащит, — ответил Малахов. — Нам бы по городу проехать без приключений, но что-то мне подсказывает, что их мы еще на собственную шурупу получим по полной.

— Это точно, еще получим. Только зачем нам в город? Мы сейчас направо свалим и прямиком к реактору, делов-то, — удивился сталкер. — А город нам не нужен!

— Эх, а еще сталкер, чему вас только на биофаке учат, — протянул Малахов.

— А при чем тут биофак, при чем? — неожиданно взвился Сухой. — Ты к чему это?

— Да к тому, уважаемый Валериан Андреевич, что плохо вы легенду свою держите, у вас стилистика речи нестабильна, то почти как биндюжник разговариваете, то о жизни ученых рассуждаете, ну вот я и заинтересовался. — Малахов тронул за плечо Германа и попросил: — Гера, выведи инфу, что из Центра пришла сейчас. Ага, читаю вслух. Валериан Андреевич Сухомлинов, кандидат биологических наук, бывший заведующий отделом киевского института имени Богомольца, специалист по генным мутациям, в Зоне работал с девяносто шестого года, в две тысячи шестом оставил работу. Женат, двое детей. Так что, Сухой, ты давно семью проведывал? Квартира-то у тебя в самом центре Киева. На улице того же Богомольца.

ГЛАВА 26

176. Всех лиц, приближающихся к посту или к запретной границе, обозначенной указателями, кроме начальника караула, помощника начальника караула, своего разводящего и лиц, сопровождаемых ими, часовой останавливает окриком «Стой, назад!» или «Стой, обойти вправо (влево)!».

Устав гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил СССР

— Был Сухомлинов, и не стало. Вышел весь. — Сухой сидел, нахмурившись и сжавшись, словно ожидая удара. — А почему — не тебе судить. И семью я не видел уже шесть лет, так, деньги передаю только. С перекупщиками. И нет у меня никакой легенды. Я — Сухой. Все.

— Да чего ты? Я не думал, что ты так расстроишься. Нет так нет, — спокойно ответил Малахов и примирительно глянул на Сухого.

— Если ты не хочешь о себе говорить, не надо, мы же не биографию твою изучать приехали, — сказал Вадим. — У нас, ты ведь сам видишь, другие цели. А вот про город… Ты помнишь все слова Гасла?

— Какие еще слова? — Сталкер ответил резко, все еще раздраженный. — Он много чего говорил.

— Ну как же? Про то, как вход найти, не помнишь? Про колесо — не отставал Вадим. — Неужели забыл?

— И про волхвов, — неожиданно вспомнила Клава.

— Что про волхвов? Это все знают. Только проверить нельзя.

— Так, новая теория? — с легким раздражением спросил Малахов.

— Да только ленивый про это не думал! — развел руками Сухой. — Там такое народ говорит.

Сталкер, словно перед долгим рассказом, церемонно достал пачку сигарет и, не предлагая никому, закурил. Выпустив первую, аппетитную струю сизого дыма, он начал очередной рассказ.

— Ведь как было, Русь-то когда крестили, думаете, все это было, как выборы очередной Рады? Все довольны, и светлое «потом» маячит? С кровью крестили. И самое ужасное, идолов-то не только в Киеве с круч кидали, а и севернее на веревках тягали, глумились. Ну вот волхвы, ну они же тогда за это дело, за веру-то, отвечали и решили…

— Слушай, Сухой, ты вовсю в роль сталкера вжился? Мы в общем-то немного историю изучали, не надо нам талдычить, как на базаре для теток, — перебила его Клава. — Ты можешь использовать даже научные термины, мы поймем. А то сейчас начнешь еще «иже-паки» всякие.

— Вот я и говорю, со слов Гасла, он тут был вроде апологета главного этой теории, надо сказать, весьма сомнительной. — Сухой даже не глянул на Клаву. — Волхвы, после того как их мир порушен был полностью, сдаваться не хотели. Они здесь устроили… ну, скажем, сходку. Я не знаю, как тогда это называлось. Не вече же! В общем, что решали тут волхвы, никто не знает. Они, как народ говорит, как раз на том месте, где четвертый блок, в лесу и сидели у костра. И Гостомысл, и Олег Вещий, и Недеря… все!

— Ну ты сказал! Когда крещение, а когда Олег! — не выдержал Гера. — Это же бессмыслица!

— Ну давай, расскажи мне о смысле здесь, в Зоне, давай! — Сухой словно хотел вызвать на бой Тельбиза. — И вообще — Гасло был мужик неграмотный, он мог всякое сказать.

— Ну, ты-то… — попытался встрять Малахов.

— Я рассказываю, и я предупредил — теорию Гасла, — отрезал Сухой.

— Так вот, если вам интересно конечно, — продолжил он. — Собрались тут волхвы, поговорили, и все. Не стало больше на Руси волхвов. Ушли в другое измерение! И все, что здесь сейчас происходит — это они иногда возвращаются. Кому, праведнику, хабар подкинут, кому, грешному, кровопийцей каким обернутся. И всегда здесь было и будет черт-те что! Не надо было над идолами глумиться, ой не надо!

— Ну хорошо, а про колесо ты уже забыл? — после долгой паузы, когда все обдумывали сумбурный рассказ Сухого, спросил Малахов.

— Лучше бы ты забыл! — Сухой в сердцах даже ударил ладонью по сиденью. — Конечно, помню, только повторяю — не надо туда лезть, не вернетесь.

— Ну так вот, — не обращая внимания на слова Сухого, продолжил Малахов. — Ведь и ты сам понимаешь, что вход в тоннель мы можем только с колеса увидеть. Вопрос в том — как?

От колеса до Саркофага сколько у нас?

— Больше трех километров, — ответил Гера, сверившись моментально по компьютерной карте.

— Вот именно, потому вот такой вопрос: что мы можем увидеть от колеса на расстоянии в три километра? Туман? Трубу реактора в небесах? — Малахов спрашивал скорее себя, чем своих товарищей.

— Ни фига оттуда не увидишь, лес весь вид перекрывает, — сообщил Сухой.

— Значит, придется на колесо лезть, — заключил Герман.

— Вот же неймется, — почти спокойно сказал сталкер. — А это что за…

Впереди, уже на самом въезде в город, возле проржавевшего шлагбаума стоял человек. Стоял по стойке «смирно», словно в почетном карауле у какого-нибудь мавзолея.

— Будка у этого КПП года три как сгорела, тут никогда не было охраны. — Внезапно сталкер замолчал, присматриваясь к часовому сквозь очки. — А ну-ка останови, Клава.

— О, имя вспомнил, — воскликнула Клавдия и остановила машину.

— Я сейчас. — Сухой выбрался из машины, не забыв прихватить свой новый автомат.

Он медленно пошел в сторону КПП и остановился в десяти метрах от стоящего человека.

— Давайте сюда, все спокойно. — Сухой уже научился пользоваться коммуникатором. — Тут цирк какой-то.

— Что-то не нравится мне все это, смотри. — Гера отодвинулся от монитора сканера так, чтобы Малахов смог увидеть картинку. — Вот смотри — это, видимо, зомби, несколько сотен штук, все толкутся на площади и в подворотнях. Этот часовой — тоже, наверное, из них.

— Почему ты решил, что это зомби?

— Ну, во-первых, с нашей помощью живых людей тут мало осталось, а во-вторых — температура тела понижена. — Гера вывел значения температуры на экран. — Тридцать градусов — это как-то не по-людски.

— Ну поехали, посмотрим на твоего зомби. Судя по всему, наш шерп уже познакомился со стражем городской черты.

Машина легко преодолела последнюю сотню метров до развалин городского КПП. Часовой был одет в рваный камуфляж. В руках он держал поломанную швабру, как ружье, на плече. Лицо сковывала безумная гримаса, выпученные глаза смотрели вперед бессмысленно и неподвижно. Лицо было одутловатым и пятнистым, словно его тронула гниль. Малахов вышел из

автомобиля, и вместе со сталкером они подошли ближе.

— Осторожно, он укусить может, мало ли что ему в голову взбредет, — предупредил Сухой. — Я эту гнусь хорошо изучил. Может, вышибить ему мозги, да и ладно? Ну не мозги, конечно, откуда они там. Бошку снести,и все.

— Вышибить всегда успеем, надо разобраться, — возразил Вадим. — Ты же сам говорил, что они вокруг Саркофага тусуются, а теперь вот все сюда сползлись. Я думаю, когда мы антенны завалили, они потеряли мотивацию. Только непонятно, что они сейчас творят.

Когда до зомби оставалось несколько метров, тот повернул голову в сторону идущих и заговорил. Говорил зомби очень четко и громко. Однако слова представляли собой несуразный набор звуков, не неся никакого смысла.

— Вта трунек быр! — строго говорил часовой. — Трунк!

— Он, наверное, сейчас думает, что говорит «Стой, кто идет!», — предположил Малахов.

— Да ни хрена он не думает, это же мейндаун! — Сухой снял с плеча автомат. — Они, когда еще людьми были, мало что думали. Только «Гэть!» и могли орать.

Зомби услыхал знакомое слово, встрепенулся и завопил: «Эть! У-Э-О!»

— Ну да, так и орали. Ишь, расшумелся, придурок, интересно, он так и будет тут гавкать и нас не пускать? — Сухой медленно пошел дальше по асфальту в направлении города.

Зомби, не прекращая кричать, начал совершать манипуляции со шваброй и взял ее наизготовку.

Когда Сухой поравнялся с часовым, тот стал изображать, что стреляет, сгибая и разгибая указательный палец правой руки, прижатый к середине швабры. На этом его манипуляции окончились, и зомби опять застыл по стойке «смирно», старательно охраняя поломанный шлагбаум.

— Поехали, это идиотизм какой-то. — Сталкер, уже не обращая никакого внимания на мейндауна, прошел КПП, остановился по ту сторону шлагбаума и стал ждать остальных.

Рудиментарный мозг зомби скорее всего не мог определить, что надо делать при приближении машины. Это привело к сильному дисбалансу в поведении мейндауна. Он стал издавать новые звуки, размахивать шваброй, слегка подвывал, но никаких осмысленных действий не предпринял. Иссякнув, он застыл на своем посту, преданно пуча глаза в никуда.

— Ну что, посмотрим, что у нас за сборище на площади. Все равно никуда не денешься, не плутать же по улицам, объезжая, — предложил Герман.

Все с ним согласились, правда, Сухой настоял на том, чтобы окна плотно закрыли, сославшись на то, что от мейндаунов можно ждать чего угодно.

Внедорожник, все еще сохраняя пониженную скорость, двинулся по бульвару. Внезапно словно ниоткуда слева по полосе, отделенной аллеей, появилась встречная машина неестественно оранжевого цвета.

— Не бойтесь! Это Бай, — успокоил Сухой.

— Какой такой бай? А басмача нам ждать не надо? — Чувствовалось, что Малахов был уже на пределе от всяких неожиданных явлений.

— Да нет. Призрак тут один. Безобидный. Я его по машине узнаю. «Ситроен» у него, внедорожник. Ну, в общем, в жизни такого не бывает. Он тут три года уже колесит, домой хочет. Обижается, а спросить дорогу не может, поскольку призрак. Я потом расскажу. — Сухой махнул рукой, вроде как приветствуя встречного призрака.

В ответ раздался звук клаксона из «ситроена», по мелодии напоминающий «Марсельезу».

На центральной площади города, к которой вывел бульвар, усаженный успевшими основательно надоесть тополями, бурлило действо. Точно посередине были навалены большие кучи мусора, раскиданы куски фанеры, пластика, разноцветные полиэтиленовые пакеты. Во всем этом хаосе угадывалась некая система. Картину дополнял нестерпимый смрад, который возникает в местах, где отсутствует канализация и биотуалеты.

— Слушай, а они что, еще и гадят? — не выдержал Малахов?

— У них нет обычного в нашем понимании обмена веществ, — ответил Сухой. — Но феномен налицо. Как вместе собираются больше трех, так сразу вонь поднимается. У них «свистки вонючие» у каждого есть. Но нужна критическая масса. А почему в машине воняет? У вас что, нет фильтрации?

— Я тоже так подумала, — заметила Клава. — Видать, вонь не в воздухе. Опять пси-поля ваши.

— Я понял, это они вроде как палаточный городок соорудили! — первым догадался Герман. — Ну дают — под каждой кучкой кто-то сидит! И смотри — они даже какие-то тряпочки на палки нанизали!

Действительно, возле каждого схрона или стояли, воткнутые в щели в бетоне, или просто валялись палки с привязанными к ним полосками ткани. Чуть дальше, на ступеньках, ведущих к развалинам дома культуры «Энергетик», несколько зомби совершали странные манипуляции. Они нескладно молотили палками по железным бочкам и дружно голосили

нечленораздельное, изображая то ли выступление на концерте, то ли протестный перформанс. Чудом сохранившаяся телефонная будка стала центром еще одного представления. Внутри нее стоял человек и с таким же безумным выражением лица, как и у остальных, изображал, что он разговаривает по телефону. Телефона на месте, естественно, не было, давно украли, но зомби вполне удовлетворялся старой черной галошей, приложив ее к уху. Видимо, говорил он уже давно. К кабинке выстроилась очередь из нескольких десятков зомби. Еще одну, тоже не маленькую очередь, можно было увидеть вдалеке, но цели ее были неизвестны.

— Это называется: цирк уехал, клоуны остались, — резюмировал Герман.

Его слова вызвали совершенно неадекватную реакцию у одного из стояльцев на площади. Тот громко взвизгнул и пришел в движение. Неловко работая руками и ногами, он, как рак-отшельник из чужой раковины, вылез из-под картонной кучи и, пуча глаза в никуда, стал орать, помахивая палкой с блеклой ленточкой.

— Эть! Эть! — провозглашал безумным голосом зомби. — У-Э-О!!!

Внезапно, словно услышав боевой клич, повылезали другие обитатели мусорного городка и стали кричать хором. Бочки на ступеньках загрохотали громче. Беснование продлилось несколько минут и прекратилось так же внезапно, как и началось. Видимо, иссякли силы. Только в самом центре зомби-женщина, грязная и толстая, разевая беззубый рот, продолжала кричать, словно в припадке. В разорванной кофте болтались обвисшие толстые груди.

— Понятно. — Сухой даже сплюнул от возмущения. — Видал я такое. Это они опять майданят.

— Мне тоже понятно, — согласилась Клава. — Типичный импринтинг. Когда их первый раз облучили, провоцировали революционные действия. Вот все ритуалы того времени и запечатлелись в их мозгах. Или что у них там сейчас. Пока психотронные антенны работали — они выполняли функцию охраны. Я так понимаю, подходы к забору прикрывали. А сейчас внешний контроль утерян, у них работают только те поведенческие мотивации, которые более или менее сохранились.

— Наши действия? — спросил Малахов. — Объедем это сообщество или? Может, устроим тут выборы и вовлечем в евроинтеграцию?

— Я думаю, если молчать, то ничего не случится, они, ты же видел, на голос реагируют, — сказал Герман.

— На русский язык, — уточнил Сухой. — Ну, сам понимаешь. А ехать через площадь лучше. Ведь тут ни одной аномалии нет — видишь, они свободно шастают.

— Ехать так ехать, давай, Клава, — согласился Вадим. — Только не задави кого из этих. Не отмоешь скаты потом.

— Не задавлю, хотя и хотелось бы, правда, Сухой? — Клава хитро глянула на сталкера.

— Это точно! — Сухой посмотрел на Клаву почти нежно.

Осторожно, словно посетитель туалета на автовокзале райцентра, машина стала двигаться по площади, выбирая дорогу между обиталищами зомби.

Приняв влево, «Патриот» объехал дом культуры и выбрался на площадку аттракционов. Среди ржавых остовов качелей, каруселей и электромобильчиков гордо высилось колесо обозрения. Легкомысленные желтые кабинки под такими же желтыми тентами покачивались на весу, издавая неприятный скрип. Ржавый треугольник подвески колеса пугал своей непрочностью. Время и отсутствие ухода превратили некогда монументальный аттракцион в мертвый скелет. Удивительно было, как еще он не завалился набок под первым мало-мальски сильным порывом ветра.

— Вот теперь, рядом с этим колесом, совершенно понятно, что Гасло говорил чушь, — сообщил Герман и поморщился. У него не было совершенно никаких идей. Более того, он не представлял с какого конца можно взяться за решение задачи.

— А по-моему, он сказал как раз все понятно, — возразил Сухой. — Надо валить отсюда на хер и потом…

Что надо, Сухой не успел сказать, взвыл вызов срочной связи. Малахов сразу переключил главный монитор на себя и принял сообщение из Центра.

— Герман, полная боевая, локатор визуализируй! — резко скомандовал Малахов. — Клава, проверь все системы «Патриота», к нам летят гости, и похоже заморские. Десантный вертолет, по описанию натовский, подлетное время пятнадцать минут.

— Есть, засек, с западного направления, CH-50 Grand Chinook, на борту до пятнадцати человек, точнее определить не хватает разрешения системы.

— Ну и? Какие мысли? — поинтересовался Малахов. Вопрос был риторическим, в такой ситуации решение принимал только Вадим.

— Валить будем? — отрешенным голосом спросил Герман и вопросительно глянул на Малахова. Малахов немедленно связался с Центром. Там приказали ждать до выяснения.

— Довыясняются они, — буркнул недовольно Герман. — Нам

что теперь, сидеть как мыши под веником?

Повисла тягучая пауза. Неопределенность раздражала и угнетала. Но пауза длилась недолго. Ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы, судя по данным со сканера, вертолет приземлился и те, кто был внутри его, высадились недалеко за зданием дома культуры. Тревожно пискнул сканер.

— Направленный сигнал, — немедленно стал докладывать Герман. — Спектр аналогичный тому, что излучала РЛС, психотропного действия, сигнал остронаправленный, направление — практически на нас.

— Практически, но не на нас. — Малахов произнес это на повышающейся ноте, потому что мгновенно стало понятно, кому предназначался этот пси-посыл.

В нескольких десятках метров от детской площадки, с двух сторон огибая здание дома культуры, выползала толпа зомби. Толкая друг друга, они проходили через обшарпанную полукруглую колоннаду, просачиваясь сквозь плотный молодняк тополей, захватывая в клещи детский городок. Но главной целью этого нашествия были, несомненно, люди. Взвизгнула в боевом развороте резина «Патриота», внедорожник стал передней частью к наступающей биомассе. За последнее время у всех членов группы уже полностью пропали иллюзии о намерениях аборигенов Зоны. Никто не подумал сомневаться и выяснять их. Переведенный в полную боеготовность «Патриот» ощетинился всем своим вооружением. Через мгновение автомобиль окутался огнем из всех стволов. Заброшенная площадка аттракционов превратилась в ад. Близкая дистанция лишала группу маневра, а нападавших не интересовали ни собственные потери, ни огневая мощь противника. Стадо мейндаунов двигалось неотвратимо как саранча, топча окровавленные трупы тех, кто вышел на площадку первыми. Сомнамбулическая отрешенность на мертвых лицах, бессмысленные выкрики «Эть! Эть!», сжатые в грязных, покрывшихся струпьями руках ветки с привязанными обрывками ткани, придававшие особый безумный вид нападающим, не оставляли никаких сомнений, что бой будет до последнего живого или зомби в городе. Давящее на мозг пси-поле превращало это кровавое побоище в тяжелую работу для людей, бессмысленную и беспощадную. Вадим и Сухой, выйдя из машины, ручным оружием помогали «Патриоту», ревущему огнем из всех штатных боевых систем. Но, топча горы растерзанного мяса, зомби неотвратимо сжимали смертельное кольцо. Когда, казалось, уже нужно было отступать, Гера закричал:

— Источник поля засечен, подавляю. — Не дожидаясь подтверждения, Герман выпустил в небо две ракеты.

Через секунду за зданием раздалось два глухих взрыва. Наступавшие разом, словно им отключили питание, обмякли и стали хаотически разбредаться по окрестностям, не обращая никакого внимания на людей. Только тихое ворчание и звуки бьющихся в конвульсиях висели над полем недавней битвы.

— Откуда шел сигнал? — Малахов протиснулся в салон «Патриота» и глянул на экран сканера. — Это что — наши новые гости? Когда они успели высадиться?

Сканер ближайшего пространства показывал, что ракеты поразили цель прямо за зданием ДК. На том месте сейчас курилась воронка, а вокруг были разбросаны обломки электронных устройств.

ГЛАВА 27

При осмотре частей расчлененного трупа каждая из них должна быть отмаркирована, сфотографирована, описана с обязательным указанием: анатомического характера, размеров и формы отчлененной части тела с характеристикой всех поверхностей, толщины подкожной жировой клетчатки, степени развития мышц.

Дипломная работа на тему «Особенности тактики расследования убийств с последующим расчленением трупа»

Зверь мчался через лес так, что казалось, земля летит ему под ноги сама по себе. Неведомая, непонятная ему сила гнала зверя вперед. Зверь чувствовал только голод и жажду, но тот, кто пытался овладеть его сознанием, побеждал, заставляя время от времени забывать обо всем, но все равно — зверя вели инстинкты. Бессознательные и смутные. Он знал, что надо бежать вперед, что там, за последней полосой леса, в городе, его ждет нечто очень важное. Зверь не знал слова «город», он вообще не знал слов, но смутный образ сидел в его мозгу. И все время хотелось есть. И то, что эта сила влекла его, не давая утолить голод, делала голод еще сильнее. Только раз, резко остановившись в своем непрерывном движении, он припал к роднику, бившему из земли посреди деревьев. Утолив жажду, от чего жрать захотелось еще сильнее, зверь опять бросился в направлении видневшихся впереди первых домов. Впрочем, для него они не были ни домами, ни жилищами, ничем. Просто тот, внутри, раньше видел это, и это его не беспокоило.

Мягкая земля сменилась твердым асфальтом. По нему сразу же заскрежетали когти. Бежать стало легче, но непривычнее, зверь теперь должен был следить, чтобы не потерять равновесие на поворотах, поскользнувшись на твердом покрытии. Путь к цели не был прямым, приходилось продираться сквозь стену

отвратительной, неестественной вони, которая, казалось, была толще и тверже стен сгрудившихся вокруг зверя зданий. Но вдруг среди смрада он учуял тонкую нить запаха, который показался ему знакомым и приятным. Зверь, потеряв на мгновение осторожность, ринулся ему навстречу, но, словно ударившись о непреодолимое препятствие, остановился. Он почуял, что впереди, прямо за поворотом, находится враг. Страшный. Тот враг, которого надо уничтожить. Зверь, принюхавшись, припал брюхом к асфальту и стал красться осторожно и беззвучно. Он прижал голову к самой земле и практически распластался на дороге, сантиметр за сантиметром приближаясь к цели.

Майор Кроули нервничал. Во-первых, он очень боялся Зоны. Никто и никогда из его коллег не летал сюда, но легенды об этих местах ходили самые ужасные. О страшной радиоактивности, о том, что пьяные русские здесь бродят прямо по улицам, что озверелые мутанты охотятся за чистой плотью. Его беспокоило то, что десантная группа, которую он доставил, была вооружена до самых зубов так, словно тут ведутся открытые боевые действия. Кроме того, майор был крайне недоволен тем, что для охраны вертолета ему выделили только одного человека. Пусть этот лейтенант и был похож на дикую гориллу и не выпускал М16 из рук, но здесь, в Зоне, надеяться на безопасность не приходилось, и одного человека было явно мало. А еще майор все не мог успокоиться от того, что полетел он не со своим штурманом, а приданым, и что этот штурман, из тех же головорезов, что и остальная часть десанта, сейчас ушел с остальными. А случись что? Как без штурмана возвращаться? Хотя, конечно, можно обойтись и своими силами, но ведь Кроули не нанимался на подвиги и нарушения служебных инструкций.

— Эй, лейтенант. — Майор устал нервничать и решил поболтать. — Долго твои будут по городу рыскать? Не хотелось бы торчать до темноты.

— Да что там рыскать, у них дел-то на пять минут, — охотно отозвался лейтенант, он тоже нервничал, видимо, был недоволен своей участью в этой операции. Так простоишь на посту, а другие потом медали получат.

— А ты откуда родом? — Майор никак не мог понять, был ли этот сержант американцем. — Акцент у тебя странный.

— Словения, — ответил лейтенант, — я там родился, а потом, после школы, в Иностранный легион пошел, а потом…

Что потом, он не сказал, почувствовав на себе посторонний взгляд. Тихо, без единого звука, он жестом показал майору, чтобы он убрался в кабину вертолета, а сам, чуть пригнувшись, резко переместился за ближайшее дерево. Оттуда, стараясь захватить

для обзора как можно больший сектор, он начал осматриваться. Было тихо. Настолько тихо, что в ушах зазвенело. Даже ветер, который время от времени гонял по битому асфальту гнилые листья, затаился. Все словно застыло, как муха в янтаре. Если бы лейтенант мог видеть сектор хотя бы на десять градусов больше, он бы успел отследить легкое движение слева, но он этого сделать не смог. Десантник продолжал просматривать по кругу всю территорию, оставляя за спиной вертолет. И уже когда ему стало казаться, что ничего не происходит, что все страхи — это, скорее, плод его фантазии, из-за спины раздался жуткий вопль. Перекатившись кубарем, лейтенант залег за невесть с каких времен валявшимся здесь бетонным блоком. Осторожно, стараясь не выдать себя, он высунулся из-за бетона, пытаясь рассмотреть, что же произошло там, возле вертолета. Вертолет стоял на том же месте. Его черный, матового цвета борт был распорот, словно циклопической вилкой или когтями стального монстра. На вывороченном наружу металле болталась, держась на фрагменте позвоночника, голова Кроули. А сверху, с лопастей ротора, свешивались кишки, слегка курящиеся в осеннем воздухе. Подавляя тошноту, лейтенант потянулся к рации на поясе, включая связь с группой.

— Мэй дей, мей дей, — почему-то шепотом, словно боясь вспугнуть мертвого майора, стал шипеть он в микрофон.

Но десантник сразу же понял, что его никто не слышит. В наушнике не было никаких сигналов, даже обычных шумов и пощелкивания. Понимая, что все идет не так, он попытался вскочить, но что-то остановило его, придавив сверху. Дикий и неуправляемый страх сковал лейтенанта. Он почувствовал, как от лица отлила кровь, как липкий пот потек по спине, которую сверху к земле прижимала неизвестная сила. Медленно, не решаясь увидеть то, что было за его спиной, он оглянулся. Над ним, положив на спину тяжелую переднюю лапу, стоял зверь. Морда угловатая, с выпирающими скулами и страшными клыками, грудь, покрытая пластинчатым панцирем, страшные когти черного цвета. Зверь спокойно смотрел на человека. В другой, свободной лапе он держал обрывок провода от рации. Казалось, что провод просто перекушен кусачками. Лейтенант не отрываясь смотрел на отрезанный кабель, словно это было самое главное в его жизни. На аккуратно срезанную прозрачную оболочку, на белый кружок тефлоновой изоляции, на блестящий, словно золотой, торец медного провода. Но это не было самым главным в его жизни, это было последним, что он увидел. Зверь, посмотрев в очередной раз на десантника своими внимательными глазами, обхватил его шею двумя пальцами и резко дернул вверх.

Оторванная голова попыталась закричать, но не смогла. Зверь, уже не имея сил бороться с голодом, припал к хлещущей кровью разорванной шее трупа и жадно пил горячую жидкость. Утолив и жажду, и голод, он ринулся вперед, туда, где его ждали новые враги и новая пища.

— От машины, — истошно закричал Гера.

Все бросились врассыпную, Малахов успел в последний момент выдернуть из кабины Клаву, которая замешкалась, не желая бросать свой автомобиль. Но Вадим силой завалил ее на мокрый асфальт площадки аттракционов, стараясь прикрыть собой. Гадко воя, оставляя дымный след, ракета, запущенная с площади, ударила прямо в багажник на крыше «Патриота». Система пассивной защиты помогла не сильно, но спасла машину от разрушения. Грохот обломков затих, но никто не поднял головы, ожидая второго ракетного удара. Однако все было тихо.

— Всю жизнь мечтала о кабриолете, — раздался голос Клавы. Она первая не выдержала и, приподняв голову, осмотрелась. У машины срезало верх с системой ракетного огня и пулеметом. — Вот теперь сбылись мечты. Может, мы уже нашли эту Сферу?

— А сканер жив. — Гера» не отрываясь от земли, проверял работоспособность электроники прямо с очков коммуникатора. — Вот только придется что-то с антенной придумать, связи с Центром нет.

— Хорошо, что связь головы с туловищем присутствует, — мрачно сказал Малахов. — Почему так поздно ракету засек? И почему больше не стреляют?

— Почему не стреляют — вопрос не ко мне, а ракета… Они ее из-под прикрытия захреначили. И защиту активировали. Они наводились из космоса поэтому я сигнала не засек. Наверное…

— Ладно, не время сейчас разбираться. Что там вокруг? — Малахов поправил очки, ожидая сигнала от сканера.

— Группа в составе, — Герман на секунду замолчал, рассматривая картинку на мониторе, — пятнадцати человек. А, нет, двое нейтрализованы, они, видимо, обслуживали психотронную пушку. Значит, тринадцать человек, вооружение — стрелковое оружие, гранатометы, обходят нас, так же как мейндауны только что. А нет!

Малахов и сам видел, как красные точки на синтезированной картинке, сначала разойдясь цепью, не стали обходить здание дома культуры с двух сторон, а вошли в него, словно просочились сквозь стены.

— Они через окна выбитые пролезли, — догадался Герман. Он поправил очки и повернулся к Вадиму. — Сейчас рассредоточатся и из окон нам устроят веселые картинки.

Уходим? Успеем? Ой, блин… Это что?

Сканер бесстрастно показал, что нечто громадное, стремительное ринулось внутрь здания…

Зверю не нравился запах, царивший в сыром, мертвом доме. Набухшая до рыхлости трухлявая штукатурка, полусгнившие листы бумаги. Но зверь понимал, что цель близка. Гадко скрипело под ногами стекло, тот, второй, который был внутри зверя, заставлял обходить острое крошево, чтобы не пораниться.

Сержант Райан занял очень удобную позицию. Отсюда, из полуразбитого окна, хорошо просматривалась площадка аттракционов, и, спрятавшись за низким подоконником, сам сержант оставался практически неуязвим и незаметен. Ему было хорошо видно людей, стоявших под прикрытием разбитого внедорожника, и ничто не мешало ему взять их в прицел, как только по автомобилю ударят гранатой с верхнего этажа. Здесь, в разбитой комнате развлекательного центра, было тихо, как бывает тихо только в мертвых зданиях. Сколько таких зданий сержант видел в своей жизни — не перечесть. И в Сербии, и в Абхазии, и в Руанде… Всегда, когда начиналась борьба за власть, на помощь новым режимам приходили безликие, не числящиеся ни в одной армии мира наемники. Но они не были наемниками в полном смысле слова. Они были на службе, какой страны — они не знали сами. Секретные воины революций, выходившие на тропу войны по команде. И получавшие за это хорошие деньги. Команда, прибывшая вместе с сержантом, тихо похрустев битым стеклом, рассыпалась по зданию, заняла боевую позицию, как на тренировках. Все ждали только приказа. Райан, увлеченный прелюдией к бою, даже не успел ничего сообразить, когда неведомая сила оторвала его от пола и подняла почти до потолка. Жуткий, заставивший всех содрогнуться человеческий крик смешался с ревом. Это был не рев, а скорее боевой клич зверя, вышедшего на охоту. У окна, рядом с согнутым в подкову автоматом, еще бился в агонии Райан. Он уже не мог кричать. И уже не мог жить. В нескольких метрах от него валялись его оторванные ноги. Последнее, что мелькнуло в умирающем мозгу сержанта, — это неуместная мысль о том, что оторванная нога шевелится.

— Это оно? — тихо прошептала Клава.

— Да, оно. И я, кажется, догадываюсь, что будет дальше, — сказал Вадим. — Всем сидеть за машиной, хоть какое-то прикрытие. Гера, приготовь пневматичку.

Не отрывая взгляда от окон, в которых хорошо различались засевшие там вооруженные люди, Вадим осторожно переместился за левое крыло «Патриота».

Герман даже не пытался понять, что задумал командир, осторожно, стараясь не подставиться под огонь, достал из багажника пневматический метатель транквилизатора — устройство, похожее на винтовку, но с толстым стволом, заряжаемое шприцем со снотворным.

— Есть.

— Держи наготове, — приказал Вадим.

В здании шло побоище. Зверь, легко передвигаясь по ненавистным помещениям, одного за другим отлавливал десантников. Военные забыли о цели миссии, у них сейчас были другие заботы. Выжить, выжить в драке с неизвестным врагом. А враг был страшен — не только своей ловкостью и силой, но и тем, что никто не мог понять — кто он. Нападавший двигался как тень. Он то влетал черным комом в дверь, не реагируя на сумбурную стрельбу, то выпадал сверху. Очередная жертва даже не успевала понять, откуда взялось чудовище. Зверь ломал оружие, сгибая стволы винтовок М16, как будто это были соломинки для коктейля. Отталкиваясь задними конечностями от стен, вылетал прочь от агонизирующей жертвы и так же безошибочно находил следующую. Капитан Штампе, командир группы, продержался дольше всех. Как только он услышал предсмертный крик Райана, подсознание шепнуло ему, что, возможно, не все пройдет так гладко, как должно было быть. Штампе привык, что нападают он и его люди, а тут, похоже, совсем наоборот. Ловко, словно чемпион по паркуру, он вылетел через балкон последнего этажа на крышу здания. Там, устроившись за кирпичным блоком вентиляционной системы, он залег, взяв в прицел выход на крышу. Штампе знал, что нападавший обязательно будет идти до конца. Что-то ему подсказывало, что живым из этой бойни выйдет только один. Впрочем, капитан бывал и не в таких переделках, и до сих пор в схватках один на один ему везло. Легкий ветерок чуть качал прилипший к крыше желтый кленовый лист. Вдруг Штампе пришла в голову совершенно глупая мысль, что вот этот листок, вот эта облезлая, покрытая архаичным рубероидом крыша — это, может быть, последнее, что будет в его жизни. Что уже никогда не будет пива в биргартене, недалеко от его дома в Брауншвейге, что никогда он не будет кормить золотых рыбок в своем пруду, и даже тсанта, мертвая голова, добытая в Амазонии, которую он повесил у себя над столом, не будет пялиться на него своими мертвыми закрытыми глазами.

«Зачем я согласился лезть в эту задницу? — подумал капитан. — Почему я не?…»

Додумать Штампе помешал странный звук, раздавшийся за

спиной. Он осторожно оглянулся. Из-за самого края крыши, не мигая, на него смотрели. Угловатая голова с развевающейся длинной шерстью, даже не шерстью, а гривой, с внимательными и спокойными, словно человеческими глазами. Зверь, держась за срез крыши двумя лапами, спокойно висел по ту сторону и смотрел на Штампе. Капитан осторожно, стараясь не вспугнуть монстра, вытащил из кобуры пистолет. Штампе доверял своему «кольту» сорок пятого калибра и не раз применял его в затруднительных ситуациях. Зверь смотрел на его движения с любопытством и заинтересованно.

Штампе резко бросил свое тело назад, меняя позицию, и прижался спиной к кирпичному вентиляционному каналу. Спокойствие зверя бесило десантника, он, прошедший ад и то, что бывает еще глубже, впервые в жизни боялся. Пистолет ходил ходуном в руках. Но в какой-то момент профессионализм сработал, и Штампе вмиг успокоился. Страх ушел, осталось безразличие. Целясь зверю между глаз, он спустил курок. Но зверь в последний момент отвел свою башку в сторону, и пуля просвистела мимо. Второй и третий выстрелы вообще улетели в пустое пространство — зверь исчез. Штампе сидел под защитой стены, приготовившись к нападению. Он успел перевести в удобное положение свою винтовку и ждал. Ждать пришлось недолго. Быстро, как удар змеи, сверху опустилась лапа и выхватила из рук пистолет, чуть не оторвав палец, лежащий на спусковом крючке. Штампе не успел пошевелиться, а зверь уже стоял одной лапой на винтовке, лишив капитана оружия.

Но у капитана был еще один шанс. Как берсеркер в боевом безумии, он выхватил оружие последней надежды, десантный, со страшными зазубринами на лезвии, нож. Стараясь сбить зверя с толку, Штампе начал играть ножом, вертя им так, словно нож исполнял танец смерти. На морде зверя вдруг явственно проявилось любопытство. Словно все происходящее забавляло его. Штампе не выдержал и нанес удар, резко выбросив вперед руку в прямом хвате. Легированная сталь лезвия, гадко скрипнув, скользнула по панцирю на груди и не причинила зверю никакого вреда, а казалось, только раззадорила. Шаркнув лапой, зверь отбросил автомат в сторону. Жалобно лязгнув по жести на краю крыши, оружие улетело в никуда. А зверь, налюбовавшись экзерсисами Штампе, спокойно забрал нож у десантника. Просто так, поднес лапу к лезвию и забрал. Штампе не мог понять, то ли это гипноз, то ли реакция этого монстра была настолько лучше его собственной.

Зверь, не обращая внимания на Штампе, изучал холодное оружие. И точно так же, как Штампе только что, стал вертеть нож,

выделывая невероятные экзерсисы, словно соревнуясь с человеком, кто ловчее. Он вертел лезвие в лапе, которая не была предназначена для этого, слишком большой и сильной она была. Капитан, глядя на эту безумную картину, решился на еще более отчаянный поступок. Он стал, пятясь, не спуская глаз со зверя, отступать к выходу с крыши. Каждый шаг ему казался последним, он был уверен, что чудовище сейчас бросит развлекаться и спокойно оторвет голову ему, последнему из живых. Зверь в какой-то момент перевел взгляд с ножа на отступающего немца, но, не заинтересовавшись им, продолжил изучать оружие.

Штампе, воодушевленный неожиданным шансом, отступал. До спасительного люка оставалось полметра, и казалось, уже ничто не помешает спастись. Но тут капитан опять увидел этот дурацкий кленовый листок. Он все так же подрагивал на легком ветру, но вдруг, словно вырванный ударом, оторвался от рубероида, раскрученный непонятной силой, и разлетелся тысячей ошметков. А на месте листка стала зарождаться и вспухать «воронка», сначала просто как легкое колебание воздуха. Потом, внезапно устремившись вверх столбом торнадо, она начала вовлекать в себя все и вся. Через мгновение Штампе, затянутый в круговерть пространства, уже разлетелся миллионом кровавых капелек вперемешку с обломками кирпича, металла, обрывками перьев случайной вороны. И совершенно нетронутый, рядом с «воронкой» стоял зверь — непоколебимый и безразличный. «Воронка», словно понимая, что зверь свой, обходила его стороной, не трогая и не обижая. Только грива на голове развевалась в энергетических потоках.

Вой «воронки» и рев зверя слились в один страшный вопль, пронесшийся по Зоне и долетевший вниз, до самых Киевских холмов. Долго еще потом больные в киевских психиатрических больницах, разбуженные этим воплем, боялись полнолуния. Долго еще пытались все врачи Киева привести в чувство главного пациента, прятавшегося от народного возмездия в больничных палатах. Дикий вой вывел этого пациента из равновесия, и он, преумножив свои страдания, забился в страшной агонии, словно его настигла кара за содеянное. Но даже смерть не принесла ему облегчения. Долго еще птицы боялись лететь через Днепр, помня, как, пронесшись над водами, этот вопль положил на осенние волны Днепра тысячи крылатых созданий, умерших от ужаса осеннего полнолуния. Зверь и стихия Зоны боролись с миром, а может, и не боролись, а звали мир на помощь. На помощь Зоне, рождающейся опять в страшных муках, перекраивавшей пространство и время на новый лад, порождая новый мир с новыми правилами и новыми законами, с новыми героями и

новыми врагами.

Словно пытаясь утихомирить стихии, бушующие на крыше, с неба ударила молния, сделав синее небо на мгновении белым. Молния прошила «воронку», разметав ее в стороны, и последним ударом отшвырнула зверя с крыши, ударив в его панцирную грудь шипящим электрическим бичом. Раскинув громадные лапы, зверь рухнул на асфальт площадки аттракционов. И остался лежать неподвижно, оглушенный чудовищным ударом. А «воронка» разлетелась, только тарахтение мелких обломков, осыпавшихся там, где она только что была, напоминало о том, что происходило мгновение назад.

ГЛАВА 28

Странтобо кат тармеццо.
Ликурим. Запа — лод .

«Ukrainian wireless news 1913»

— Вот это хрень, — только и смог проговорить Сухой.

Его потеряли из виду, как только на площадку полезли зомби. А он все это время тихо прятался под «Патриотом», не издавая ни звука, однако внимательно наблюдая за происходящим.

— Гера, транквилизатор, не убивай. — Малахов увидел, как Тельбиз поднял свой автомат в направлении лежащего навзничь монстра.

— А, е… — Герман не договорил. Его по голове шарахнула упавшая с неба подшивка газет.

— «Ukrainian wireless news 1913», — прочел Герман, почесывая затылок. — Это же песец какой-то!

. -А что ты от «воронки» ждал, без выпендрежа она не может, — отозвался Сухой. — А вот чтобы не затянуть никого — такого не бывает. — Сталкер кивнул в сторону монстра. — Это не к добру.

— А мне кажется, как раз к добру, — ответил Малахов и, отобрав у изумленного Германа транквилизатор, пошел к поверженному монстру.

Пока мужчины с большим трудом грузили монстра, уже спящего под воздействием успокаивающего, в машину, Клавдия принялась проверять изуродованный «Патриот». Оказалось, что все не так плохо, и хотя машина лишилась основного блока огневой поддержки, остальные системы работали. Гера, вернувшись к своим обязанностям, провел полное тестирование электроники и, убедившись, что другие системы тоже выжили, провел полное сканирование окрестностей. Ничего опасного не обнаружилось.

— Сухой, ты куда собрался? — окликнул Малахов сталкера, который направился к зданию дома культуры. — Уходишь?

— Да ты посмотри, сколько всего насыпало! — Сухой поднял руку, в которой он сжимал подобранный предмет. — Тут столько артефактов новых, что можно год потом лежать и в потолок

поплевывать.

— Ладно, — согласился Малахов. — Только побыстрей, не время.

Сухой подобрал полы плаща, закрепив их специальными ремешками, которые до сих пор прятались на тыльной стороне пыльника. Плащ стал выглядеть несуразно, зато стало намного легче собирать находки. Словно грибник на богатой поляне, Сухой внимательно обходил площадку, подбирая с асфальта одному ему понятные предметы.

— Пока наш друг мышкует, давайте все-таки решим, что делать, — сказал Вадим, обращаясь к Клаве и Тимуру. — У кого какие мысли насчет этого колеса? Хоть какие-то идеи про шифр Гасла есть?

— Я думаю, что у него все было просто, — начал Гера. — Ведь он понятно сказал — нужно сесть в определенное кресло и подняться на нем, пока другое кресло, тоже со своим номером, не будет в нижнем положении. Только что можно увидеть с этого колеса? А ни фига! Вывод — он пользовался оптикой. Но ведь совершенно ясно, что просто так с колеса с помощью бинокля или подзорной трубы можно рассмотреть все что угодно, только не конкретный вход в тоннель. То есть такое предположение — полная ерунда. Остается какой вывод?

— Ну? — Малахову не хотелось играть в загадки.

— Остается пойти к этому колесу, найти эту самую кабинку, подняться, куда положено, и на месте разобраться.

— Да, гениально, — пробормотала Клава.

— А что делать? — театральным голосом произнес Тельбиз.

— А теперь давайте рассуждать логически. — Малахов задумчиво посмотрел на колесо обозрения, вздымавшееся в небо совсем рядом. — Что сказал Гасло? В десятую от семнадцатой. То есть он на конкретную кабинку указывал. Гера, пошли проиграем в колесики.

У самого колеса находилась маленькая будочка, из которой в давние времена управлялся аттракцион. Раньше в этой кабинке, видимо, стояла нехитрая электрическая система, позволявшая питать мотор, вращающий колесо. Скорее всего, кроме питания, там была предусмотрена самая элементарная система безопасности. Сейчас внутри будки ничего, кроме вырванных с мясом рубильников и кнопок, не осталось. Никакой надежды, что можно запустить схему питания колеса. Тяжело вздохнув, Гера направился прямо к самому треугольнику, держащему колесо. Он уже догадался, что придется крутить вручную, с помощью рукоятки, предназначенной для аварийных случаев. Работа тяжелая и нудная. Рукоятка нашлась быстро, в основании самого

аттракциона. Через простую систему шестеренок она приводила колесо в движение.

— Ага, смотрите, внизу стоит кабинка «двадцать семь»! — обрадовался Гера. — Что это значит?

— Я предполагаю, что после Гасла здесь никого не было. И что все осталось именно так, как было, когда Гасло приходил с группой из Центра, — объяснил Вадим. — Все просто. Гасло залез в кабинку, кто-то покрутил рычаг, повернув колесо на нужную высоту. Там Гасло засек место входа в тоннель. И понятно, что он потом опустился вниз и двинулся к тоннелю.

— Ну, это проще простого, — кивнул Гера. — Это ясно с самого начала было.

Схватившись за ржавый бортик кабинки, Вадим ловко заскочил внутрь. Кабинка закачалась, издавая отвратительный скрип несмазанного старого железа. Дно, сделанное из стального листа, на местах сварки проржавело насквозь и, казалось, может выпасть от любого движения или вообще без повода. Вадим присел на остатки лавочки для экскурсантов внутри кабинки и стал осматриваться. Хмыкнув, он выбрался наружу.

— Гера, а ну-ка выведи на стоянку следующую, — попросил Малахов.

Тельбиз, бормоча что-то о несправедливости, стал крутить ручку, которая упиралась вначале очень сильно. Но после того как заскорузлая смазка размягчилась, дело пошло быстрее, и скоро на место двадцать седьмой кабинки встала двадцать шестая. Малахов не стал в нее залезать, а только заглянул внутрь.

— Ну вроде мысль есть. Не очень разумная, но другой не имеется, — сообщил Вадим, спрыгивая с площадки, которая служила раньше местом посадки и высадки из кабинок.

— Сухой, ты там уже искать закончил? — окликнул Малахов сталкера.

— Э… — протянул Сухой, нехотя отвлекаясь от поисков хабара. Но карманы его плаща уже заметно оттопыривались. — Мы торопимся куда?

— Да нет, поспешность сам знаешь, когда нужна, просто мы хотели, чтобы ты нам помог с колесом этим идиотским. — Да как я могу помочь? Откуда я знать могу? Я привел вас, вот и все… Хабар тут у меня!

Сухой так демонстративно не хотел помогать, что было ясно — он просто валяет дурака.

— Да тут у нас свои идеи появились насчет колеса, поможешь?

— Глупость это все, валить отсюда надо, пока зомби не вернулись или еще какая нечисть, — пробурчал Сухой.

— А ты что, уже весь хабар собрал? — спросил Гера. — Чего вдруг валить?

— Да и зомби ты вроде не боялся? — добавил Малахов.

— В общем, так. Все помнят, что у Гасла за спиной было? — Не дожидаясь ответа, Малахов продолжил. — Правильно, винтовка с лазерным прицелом. Хорошая винтовка. Steyr AUG A2 — редкая вещь в этих местах. Да еще с лазерным прицелом — эта штука совсем не штатная для такой винтовки. Откуда она у него? Сухой, ты не знаешь?

— Не видел я ее у него раньше. На свалке впервые он эту цацку показал.

— Он говорил, что раньше была. До того, как в тоннель наших повел. Вывод? Он ее скорее всего совсем недавно добыл. И я, кажется, знаю, где. Гера, отмотай назад кабинку.

— А что Гера, чуть что, сразу Гера, нормальненько, да? — Тельбиз скорчил дурацкую гримасу и пошел крутить рукоятку.

— Вот, смотрите. — Малахов подошел к двадцать седьмой кабинке, когда она замерла на посадочной площадке. — Видите, внутри кабинки приварена скоба, а напротив прямо в борту дырка пробита?

— Ну и? — не понял Гера.

— Если вспомнить размеры этого самого «Стейера», то он как раз в такую конструкцию намертво встанет. А потом его можно еще зафиксировать. Откуда эти деревянные клинья на полу?

Действительно, на рыжем от сурика железном листе валялось несколько аккуратно вырезанных деревянных клинышков. Клинышки были примяты с боков и испачканы ржавчиной. Такие следы должны были остаться в том случае, если бы клинья вгоняли куда-то. Торцевая часть клиньев была расплюснута — клинышки загоняли с усилием, стараясь зажать ими какой-то предмет.

— Вот и получается, что некто, не могу сказать, с какой целью, закрепил здесь винтовку как целеуказатель. Идея, конечно, идиотская, но кому-то это, видимо, было надо. — Малахов говорил убедительно. -Так что у нас есть некая зацепка.

Вадим изложил свою гипотезу и посмотрел на Геру, ища поддержки. Гера покачал головой, видимо, не совсем веря в такое решение загадки.

— Так что теперь? Такую же винтовку искать?… — Сухой обрадовался. — У меня есть знакомый в «Ириш-пубе», он за пару недель все что хочешь достанет. Пошли к нему, да?

Действительно, если сейчас кинуться искать аналогичную винтовку с лазерным прицелом, то визит к тоннелю мог быть отложен на неопределенное время.

— Нет, мы обойдемся и без этого! — резко отмел прожект Сухого Малахов.

— Я вот что думаю, винтовку эту Бай тут приделал, — неожиданно заявил Сухой.

— Что? — Гера глянул на сталкера, как на больного. — Какой Бай? Ты что?

— Память у тебя короткая! Все же видели, как по бульвару Бай на «ситроене» ехал? Кота искал, наверное. Он то выход ищет, то кота. Видели? Видели! Так вот он, видимо, и соорудил тут все! — излишне уверенно заявил Сухой.

— Стоп, погоди, что за бред ты несешь?- остановил Сухого Вадим. — Какой Бай, какой «ситроен»? Какой кот?

— А то, что надо его сейчас поискать и все у него выяснить! — не унимался Сухой. — Давайте мы сейчас Поедем в гостиницу, раз Бай ехал по городу, то он через пару дней точно мимо гостиницы проедет. Мы подождем и спросим. И все ясно будет!

— Так, мне кажется, что ты сейчас просто нам мозги паришь! Нет никакого Бая и нет никакого призрака! Не превращай все в бред собачий!

— Ну как хотите, я хотел помочь винтовку найти. — Сухой насупился. — Вы еще скажите, что такого кота, как у Бая, нет.

— Не торопи события! — Гера уже продумал варианты и был готов действовать.

— Я сейчас зафиксирую эту кабинку для компьютера, — пояснил он Малахову и с помощью очков коммуникатора снял со всех сторон кабинку внутри и снаружи.

— Не нужны нам ружья чужие и Африка нам не нужна! — пропел Гера и, окрыленный пришедшей ему на ум идеей, зашагал к машине.

— Кибернетика! — поднял Малахов указательный палец и посмотрел на ничего не понимающего Сухого. — Это тебе не жаб ножами резать, ботаник.

— Я биолог! — обиделся Сухой.

— Ага, все-таки вспомнил свои корни. Ладно, пошли к машине, сейчас Гера вычислит точно, куда должна была светить эта винтовка. И колесо крутить не понадобится!

— Вот, смотрите! Если я все правильно посчитал и Вадим правильно определил тип винтовки. — Гера уже почти закончил манипулировать с компьютером.

— Я тебе посомневаюсь, — перебил Малахов. — Постреляй с мое.

— «Доверьяй, но проверьяй!» — как говаривал Рейган, — весело ответил Гера. — А проверить просто. У меня все логи хранятся с коммуникаторов. Ты ведь винтовку эту еще в большом

разрешении снял тогда, на свалке. Вот я и нашел! Теперь что? Кидаем запрос в базу данных по оружию. Ведь номерок-то винтовки хорошо виден! И на кого она зарегистрирована? «Байкалов Дмитрий, житель города Урюпинска». Ведь интересно как, она зарегистрирована всего месяц назад!

— А я что говорил? Что говорил? — обрадовался Сухой.

— Это что значит? — спросил Малахов, который уже напрочь потерял логическую связь событий.

— Значит, ее Гасло добыл не раньше чем месяц назад, — с умным видом сообщил Сухой.

— Это значит, что ваш Бей или Бай, как там его, винтовки в Зону возит? Оставаясь в призрачном состоянии? — не успокаивался Малахов.

— Да ни фига это не значит! Известно — от Бая зла не бывает, вот, значит, так и вышло. — Сухой отвернулся, всем своим видом показывая, что аудиенции пришел конец.

Вадим тоже отвернулся и посмотрел на Тельбиза.

— Ну вот, так как винтовка определена точно, получается, что прицел должен был светить прямиком вот в это место! — Гера вывел на экран спутниковое фото из памяти компьютера и, увеличив изображение, показал точку почти у самого подножия Саркофага.

— Вот сюда и пойдем! — сказал Малахов.

— Нельзя туда идти! Глупость это все! — зашумел Сухой. — Один сумасшедший нашептал, а сумасшедший компьютер посчитал! А помирать будем в какой-нибудь никому не известной аномалии!

— Что-то ты так нервничаешь по поводу этого тоннеля, даже странно. Для себя решил заначить? — Малахов строго посмотрел на Сухого. — Или какой другой интерес?

— Нет у меня там интересов и быть не может. А взялся идти — пойду!

— Ну и ладненько! Теперь надо решить, как мы…

— Вадим, тут у нас что-то… — перебила Клава, которая в это время брала анализ крови у чудища, беспомощно лежавшего в багажном отсеке. — У него что-то с кожей, шкурой или что это у него…

Зверь менялся на глазах. Сначала черными комками на пол машины стала опадать шерсть. Потом растрескался панцирь. Черты морды стали сглаживаться. А страшные клыки, словно тая, — исчезать.

— Сегодня утром, — спокойно заговорил Вадим, — среди прочего в сводке из Центра пришли данные по вирусу в крови Тимура. Так вот, там успели разобраться, что это за зараза. Вирус

захватывает организм зараженного существа и контролирует все метаболические процессы, вызывая активные изменения. Организм, в общем-то любое млекопитающее, морфирует и полностью теряет индивидуальность. Короче — вирус заставляет организм перестраиваться и модифицироваться. Ну и еще сказали, что вирус активен только три дня. На третий день происходит пик морфирования с последующим возвратом в исходное состояние. Короче, минут через пятнадцать Тима будет лежать тут голый и слабый, как амеба.

— И ты молчал? — сердито спросила Клава.

— А если бы это был не Тимур? — резонно ответил Малахов. — Тут, кроме нас, хватает чудовищ.

— Да… — задумался Герман. — Тогда это была бы совершенно другая сказка.

ГЛАВА 29

Сверление (бурение) отверстий диаметром от 50 до 3500 мм в стенах, перекрытиях, фундаментах и любых других средах; под трубы отопления, канализации и водоснабжения или для перемещения; отдушины под системы естественной вентиляции; под другие системы и оборудования. Преимущества алмазного бурения: низкий уровень шума, отсутствие пыли, отверстия точного размера, безударное сверление. Работаем без выходных.

Из объявления

Тимур приходил в сознание мучительно. Сначала по телу, освобожденному от панциря, пробежала дрожь, потом, как в столбнячной судороге, Тимур выгнулся, словно пытался стать на мостик, и завыл от боли. Потом внезапно обмяк и, захрипев, согнулся в позе эмбриона, закрывшись от всех ужасов мира. Скоро конвульсии прекратились, и, вернувшись в нормальный человеческий облик, Тимур, слегка порозовевший, открыл глаза.

— Жра-а-ать! — неожиданно внятно и даже слегка радостно заорал Рымжанов. — Я вернулся!

— Еще одна такая метаморфоза — и по окончании миссии по расходу продуктов мы не сможем отчитаться. — Малахов улыбался. — Вот же, чертяка, выкарабкался!

— А где все? — забеспокоился Тимур. — И почему небо над головой? Местные нам складную крышу на «Патриоте» соорудили?

— Да, почти угадал, только не совсем местные, — ответил Малахов и протянул Тимуру запаянный в пластик резервный комплект одежды. — На, оденься, а то сейчас своим естеством всех зомби распугаешь.

Тимур поднялся, чувствовалось, что движения даются ему с трудом, и не спеша натянул сначала хлопковое белье, а потом и простой армейский камуфляж.

— Что же ты про свой анализ сразу не сказал? — В голосе Малахова уже не было никаких радостных ноток, он говорил строго и серьезно. — Ты хоть понимаешь, что нас всех подставил?

— Понимаю, — протянул Тимур. — Только я надеялся, что все пройдет от антисептиков, а тут как прижало. Я долго валялся?

— А ты считаешь, что валялся?

— А что еще? — изумился Рымжанов. — Валялся и такой бред перед глазами, что мама родная!

— Это не бред. Вирус, который ты подцепил, я так понимаю, тогда, в лесу, приводит к метаморфированию. Полчаса назад ты в совершенно непотребном виде завалил тут натовский десант. Да не завалил, а в клочки порвал. И съел. И только чудо спасло от того, чтобы тебя не разнесли в гуляш из крупнокалиберных пулеметов.

— Ну так не разнесли же! — улыбнулся Тимур. — Я своих не бросаю!

— Вопрос еще — осознавал ли ты, где свои и где чужие, или метелил всех, кто на твоем пути попадался. Ладно, сейчас анализы, и приводи себя в норму. Каспарамин, я думаю, не повредит. А вообще мы очень рады, что с тобой все в порядке.

— Да что со мной сделается, — нарочито бодро ответил Тимур.

— И результат по анализам мне покажешь, понял?

— Есть показать! — Тимур быстро восстанавливался.

— А это что? — Малахов только сейчас увидел на полу, там, где только что приходил в себя Тимур, небольшой прямоугольник, по размеру и форме похожий на таблетку для посудомоечной машины.

— Это… — Тимур повертел в руках предмет. — Это мне в лесу симбионт дал, я его в кармане носил.

— А где твой карман сейчас? — поинтересовался Вадим. — Одежду я твою в лесу видел. Ты эту штуку за щекой держал?

— В руке. — Тимур внезапно вспомнил. — В лапе… Я помню, как держал ее, как она мне мешала. Но зачем, не помню. Было очень важно. Вадим, понимаешь, это все было как сон, как бред. Так бывает, когда уже почти проснулся, а картинки из сна за тобой бегут.

— Надо у Сухого спросить, он в местных артефактах дока.

Малахов оставил Тимура окончательно приходить в себя, а сам, выбравшись из машины, направился к остальным. Вся группа расположилась вокруг опрокинутой качели-лодочки. Обсуждали возможный маршрут к Саркофагу.

— Сухой, вот посмотри. — Малахов протянул находку сталкеру. — Вот это Тимур тягал с собой все время. Он его в

Рыжем лесу добыл.

Сухой осторожно взял артефакт из рук Вадима и внимательно его осмотрел, вертя его перед носом в пальцах с черной каймой вокруг ногтей.

— Да, редкая вещь, о таком только легенды ходили, но я раз видел. — Сталкер не отрываясь изучал находку, не собираясь ее возвращать Малахову. — Нам оно не нужно, пусть Тимур ее дальше носит с собой.

— А поточнее? — Вадим аккуратно, но непреклонно отнял артефакт у Сухого. Тот, правда, сопротивлялся, но не сильно.

— «Дырокол» это, — безразлично произнес Сухой. Сталкер понимал, что выкручиваться и скрывать

правду не стоит. Он хорошо помнил, как Клава вытягивала из собеседников любую информацию. Но все равно упирался как мог.

— И что дырявим? — не удовлетворился ответом Вадим.

— Говорят, что эта штучка может пространство прокалывать. Ну вроде как соединять две точки пространства вместе, — начал объяснять Сухой, хотя по тону было видно, что он и сам не разбирается в назначении и действии этого артефакта. — Вот только как и зачем — никто не знает.

— Ясно, — сказал Малахов. — А ты можешь попроще, не как биолог физику, а как сталкер туристу?

— А ты физик? — угрюмо глянул на Малахова Сухой.

— Почти.

— Ну, как мужики сказывали, если «дырокол» правильно использовать, то можно прямо отсюда, к примеру, — Сухой слегка картинно провел рукой, показывая откуда, — шагнуть, к примеру, за несколько километров в назначенное место. Но вроде не дальше Зоны. Ненужный артефакт, не продашь. Но редкий.

— А как правильно? Как маршрут задать? — не отставал Малахов.

— Да откуда я знаю? — возмутился сталкер. — Я что, каждый артефакт должен знать? Не должен! Вот кто «дыроколы» собирает, тот и знает. А их никто не собирает. Себе дороже всю жизнь за безделицей охотиться. Редкий он, я же сказал — редкий!

— Дай-ка, — вмешалась в разговор мужчин Клава. — А если оно как «сопилка» или как «шляпка» работает?

Клавдия взяла в руки артефакт, повертела его в руке и бросила на асфальт посреди площадки аттракционов.

Через секунду пространство вокруг дырокола заколебалось, словно кто-то пытался его разорвать или проткнуть пальцем, вызывая разбегающиеся концентрические волны. Волны, сначала похожие на летнее марево над шоссе, стали более осязаемыми и

подернулись фиолетовым цветом, как будто их заполнил наэлектризованный газ. Пространство начало вибрировать, вызывая у людей ощущение, словно их трясут в падающем самолете. Потом марево усилилось, из лежащего на земле артефакта пополз плотный дым. Дым внезапно исчез, как сдернутая с веревки марля, и прямо перед глазами людей оказалось прорезанное в воздухе отверстие — там в нем был уже совсем другой вид, угадывалась зеленая трава и недалекая стена Саркофага.

— Сухой, бери оружие, пошли, — не раздумывая, отдал команду Вадим. — Гера, держи связь постоянно, Клава, будь наготове, если не получится вернуться этим путем — жди, вызовем. За Тимой следите.

Малахов подхватил свой автомат с сиденья «Патриота», проверил боекомплект на разгрузке и, дождавшись Сухого, шагнул в открытый в пространстве тоннель. За ним, тяжело и страдальчески вздохнув, последовал Сухой.

Территория, прилегающая к Саркофагу за забором, выглядела ухоженным полем для гольфа. Хотя это поле было небольшим, метров пятнадцать в диаметре. И даже аромат свежестриженного политого газона не мог перебить тяжелый дух мертвого реактора. Смесь запахов разрушенного жилья, ржавеющего, пронизанного излучением железа, привкус старого битума в воздухе — все это висело вокруг Саркофага плотной завесой. Запах был мертвым и, казалось, сам нес смерть.

Переход сквозь тоннель в пространстве оказался не сложнее, чем прогулка по улице. Ничего особенного люди не испытали, шагнув сразу на расстояние в несколько километров. Оглянувшись, Малахов увидел, как по ту сторону прохода видно друзей, внимательно наблюдающих за ними. Сухой стоял рядом и слегка растерянно оглядывался.

— Ну что, вот мы и у тоннеля. Судя по всему, он здесь, именно на этой лужайке, — сказал Малахов, ступая на газон. — Я думаю, современные методы маскировки хоть и продвинутые, но все же позволят нам… Короче, надо потыкать в газон, сдается мне, тут должен быть люк.

— Слушай, Малахов, у тебя последний шанс не лезть в тоннель, — скорее просяще, чем настаивая, сказал Сухой и добавил: — Не к добру это.

— На всех добра не хватит, надо кому-то и в говне ковыряться, — ответил Малахов.

Он достал нож и несколько раз, как сапер, потыкал ножом в газон. Несколько раз лезвие мягко уходило в землю, не встречая препятствия. Но вот наконец раздался глухой стук — нож

напоролся на препятствие. Еще несколько попыток, и Вадиму удалось определить конфигурацию люка. Малахов прорезал газон по периметру и снял большой квадрат дерна. Обнажился металлический люк. Но все попытки подковырнуть его ножом и открыть не увенчались успехом. Сухой в это время стоял чуть в стороне и безучастно следил за действиями Вадима.

— Там должен пульт быть, вроде кодового замка, — неожиданно сообщил сталкер.

Малахов испытующе глянул на сталкера, словно спрашивая: «А что ты еще знаешь?», потом решительно рванул край обрезанного газона и содрал его так, что освободилась поверхность вокруг люка. Рядом с ним обнажился прямоугольник, покрытый молотковой эмалью. И вправду посередине находилась сенсорная клавиатура с цифрами.

— Гера, видишь эту хрень? Идеи есть? — спросил Малахов, включив видеосвязь в коммуникаторе.

— Ну, штука простая, ты можешь свой палм положить прямо на пульт и включить в нем микросканер? — деловито отозвался Герман. — Кстати — от Тимура привет, он уже совсем очухался, осматривается. Вот по площадке ходит, изучает следы боя. Но, по-моему, он опять хочет есть.

Малахов выудил из кармана разгрузки палм и, выполнив нужные переключения, положил его так, чтобы тыльная сторона, которая была основным датчиком микросканера, плотно легла на сенсорную клавиатуру замка. Оглянувшись, он увидел, как в открытом «дыроколом» тоннеле его товарищи на площадке аттракционов подернулись маревом. Видимо, тоннель, теряя энергию, уже закрывался. Рядом с Клавой, внимательно следящей за действиями Малахова, стоял Тимур, сразу же помахавший Вадиму рукой.

Приветственно пискнув, палм включил режим электронного сканирования. На экране побежал поток цифр, отображающих процесс подбора кода. На взлом кода понадобилось около минуты. Палм просигналил во второй раз, сообщая о завершении работы.

— Готово, принимай код, — сразу же отозвался Герман. — Три, восемь, четыре, шесть, один, два, ноль, пять.

На набранную последовательность люк отреагировал очень бурно. Захрипела невидимая сирена, зажужжал электропривод, и люк медленно поднялся, обнажая колесо, которому было место скорее на двери банковского сейфа, чем здесь, на входе в тоннель.

Чертыхнувшись и припомня всех психованных инженеров, Малахов крутанул колесо-штурвал. После второго оборота почва под ногами Вадима дернулась, вся площадка с газоном

приподнялась на десяток сантиметров вверх и стала медленно съезжать в сторону, открывая вход с бетонными ступеньками, ведущими в темноту.

— Что-то это мало похоже на заброшенный технологический тоннель, тебе не кажется? — обратился Малахов к Сухому. — Такое ощущение, что здесь секретный объект его величества британской разведки. Сейчас выскочит Бонд с бокалом мартини.

— Ну чего, — возразил Сухой, — раньше у нас тоже неплохо строили.

— Не знаю, что у вас и где раньше строили, — раздраженно ответил Малахов, — а вот на сооружение, сделанное впопыхах мобилизованными метростроевцами, под радиацией и во время полной перестройки, это мало похоже. Ну что, потопали?

Вадим помахал на прощание товарищам, которые уже почти скрылись в мареве умирающего прохода, и, переведя очки-коммуникатор на ночное видение, шагнул в темноту.

ГЛАВА 30

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете… обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас… Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам) которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты.

Евангелие от Матвея 23:13-27

Каждый шаг Малахова по тоннелю отзывался щелкающим эхо. Казалось, что осторожное движение Малахова кто-то нарочно усиливает и бросает звуковые плевки вдоль стен. Позади Вадима неотступно следовал Сухой и тревожно сопел ему в затылок. Внезапно, словно желая напугать людей, зажегся свет. Ряд галогенных ламп, уходящий по потолку в глубь тоннеля, высветил блестящие, как будто только что покрашенные стены.

— Сразу после катастрофы вырыли, говоришь? — прошипел Малахов. — И с тех пор тут никого, кроме Гасла, не было?

— Я что, я ничего, — отозвался сталкер. — Я откуда знаю? Я что, тут лазил, что ли?

Аккуратно отлитые из бетона стены разделялись на секции в несколько метров. Малахов решил, что это сделано, чтобы избежать термических напряжений. Щели между секциями были заполнены пористым материалом. Воздух не нес в себе никакого признака затхлости, даже казалось, что тут кто-то обработал его дорогим дезодорантом. В глубине тоннеля угадывался тупик. Хотя это могло быть и очередным препятствием, отделяющим проход в глубь тоннеля. Осторожно, ожидая подвоха даже от стен и лампочек, Малахов приблизился к тупику. Дальше хода не было.

— Не может такого быть, — под нос себе пробурчал Малахов.

Он стал лицом к стене и постучал костяшками пальцев по блестящей поверхности. Звук был глухой, как от монолитной плиты.

— Я думаю, нужно искать где-то здесь, — сам себе сказал Вадим.

Что искать, Малахов сказать не успел. Тупой толчок в спину бросил его вперед. Падая, Вадим ударился лицом о стену и, уже сползая по ней, оставил за собой кровавую полосу.

Острый как бритва запах ворвался в нос, резанул по глазам и, заставив закашляться, привел Малахова в чувство. Болезненный белый свет слепил глаза, но отвернуться было невозможно. Голова была зафиксирована, ее привязали чем-то к подголовнику кресла, на котором сидел Вадим. По мягкой спинке и подлокотникам Вадим понял, что он сидит не на стуле. Тело, как и голова, было зафиксировано так, что не имелось даже возможности пошевелиться. Только сильно скосив глаза, удалось увидеть — руки и ноги обмотаны широким, серым с металлическим отливом скотчем. Скорее всего и голову примотали таким же нехитрым способом. В глубине помещения, которое из-за слепящего света лампы казалось темным, угадывался человек. По-видимому, он сунул под нос Вадиму нашатырь и немедленно отошел подальше, не зная реакции своего пленного.

— Добрый день, — выдавил из себя Малахов.

Голоса своего он почти не услышал, и немедленно, словно вспомнив об ударе, бросившем его на стенку тоннеля, страшно заболела голова.

— А, очухался. Крепко тебя Сухомлинов приложил. — Человек вышел из сумрачной глубины помещения.

— А тут он уже не Сухой?

— Сухой? Это его так там, сверху, называют? Интересно.

На говорившем, сухопаром и коротко стриженном мужчине, мешком висел белый халат с логотипом на нагрудном кармане. Его седые волосы в свете лампы отблескивали серебром.

Человек подошел к дисплею прибора, стоящего недалеко от кресла, и стал рассматривать картинку. Только тут Малахов заметил, что от прибора к его запястьям шли провода. Вадим сразу постарался отбросить мысль, что это какое-то жуткое пыточное устройство. Удовлетворившись картинкой, человек погасил экран и обернулся к Малахову.

— Вот вы, судя по всему, образованный человек, и если верить Сухомлинову, даже в какой-то серьезной организации работаете, а в сказку поверили. Ну, какая Сфера, какие желания?

— Куда вы дели наших людей? — Малахову не хотелось

вступать в дискуссию.

— А это были ваши люди? — Человек сделал вид, что удивился. — Ну, тогда их надо было, так же как и вас, на сосне повесить.

— Всех не перевешаете. И сосны той уже давно нет.

— Знаем, слыхали, но только за вмешательство в эксперимент, такое тупое и бездарное, вас и без нас посадят так далеко и надолго, что болтаться на сосне покажется вам несбыточной мечтой.

— Мудак, — кратко ответил Малахов.

— Ну зачем же так грубо, мы же с вами интеллигентные люди. — Человек подошел поближе.

Он смотрел на Малахова с нескрываемой неприязнью. В какой-то момент Вадиму показалось, что он хочет ударить. Но даже решившись и замахнувшись рукой, человек в халате не смог этого сделать. Словно не выдержал ответного взгляда Вадима, отдернул руку и отошел в тень.

— Мудак и есть, — повторил Малахов. — Ты думаешь, что твои кукловоды, которые антенной заправляли, тебя выручат? Ошибаешься. Ты когда-нибудь видел результаты коврового бомбометания?

— Мои кукловоды? — Человек искренне удивился. — Мы сами здесь кукловоды. Без нашего разрешения здесь комары не летают. А вы, идиоты, сломали все равновесие. Пустили Зону вразнос! Какого… было лезть на радар? Мы же…

— Что вы же? — Малахову было трудно шевелить губами, разбитое лицо болело, но он понимал, что, пока он говорит с этим человеком в халате, у него есть шанс. — Какое вы имели отношение к излучателю на основе радара?

Липкая лента, которой были связаны, вернее, склеены руки за спиной, уже стала постепенно растягиваться. Вадим специально напрягал руки так, чтобы на ленте создавалось постоянное напряжение. И пот тоже работал на освобождение, потихоньку освобождая кожу от липкой ленты.

— Как какое? Мы его создали, мы генерировали пси-поле, державшее всю Зону в ежовых рукавицах, не давая этой заразе просачиваться за границы, мы…

— И поэтому вашей антенной управляли со спутника? — Левая ладонь, оставляя вырванные волоски, медленно вылезла из липкого кольца. — Или скажете, что это вы придумали, чтобы выглядело посложнее и пугало своей сложностью остальных?

— Что за чушь ты несешь? — Человек приблизился вплотную к Вадиму.

Он, видимо, никак не мог взять в толк, о чем говорит

Малахов, и словно пытался заглянуть ему в душу. Чувствовалось, что допрашивающий не имел никакого опыта в таких делах.

— Я? — переспросил Малахов.

Рука метнулась к лацкану халата, и Вадим рывком бросил человека на себя. Если бы голова Малахова не была прикручена этой гадкой лентой к подголовнику, то удар был бы наверняка смертельным для врага, но сейчас получился просто болезненный тычок. Лицо гадко хрустнуло, и кровь, хлынувшая из носа, залила белоснежный халат. Удар оказался такой силы, что человек потерял сознание и упал тяжелым кулем на Малахова.

Вадим, все еще лишенный полной свободы, с трудом добрался до карманов халата и обшарил их. К счастью, там оказался нож для бумаги, видимо им и резали ленту. Через мгновение Вадим был свободен. Первое, что он сделал, — подпер железным стулом запорную ручку на двери, временно обеспечив себе убежище. Потом, не особо церемонясь, запаковал лентой, которая все еще валялась на столе, своего собеседника. Затем обошел комнату. Сейчас он не уделял внимания деталям и обстановке, ему было важно обеспечить себе безопасность. Других входов-выходов не обнаружилось, и в комнате Вадим оставался наедине со своим теперь уже пленником. На столе рядом с креслом удалось найти небольшую склянку с нашатырем. Вадим подобрал с пола ватку, ту самую, с помощью которой приводили в чувство его. Хорошая порция паров нашатырного спирта сработала безотказно. Человек неистово замотал головой и издал крякающий звук, как от удара в лицо.

— Представьтесь, пожалуйста. — Теперь хозяином положения был Вадим.

— Не твое… — Связанный, несмотря на свое плачевное состояние, решил погеройствовать.

В отличие от него Малахов изучал методы интенсивного допроса и ни на секунду не колебался в сомнениях — применять или не применять особые способы. Вадим не зло, но уверенно ткнул пальцем в нервный узел на шее. Человек взвыл.

— Эта болевая точка называется «крикатика», это тебе для информации, просто так. Я могу еще тебе рассказать одну вещь, но потом ты будешь мне рассказывать, да? — Вадим говорил спокойно и жестко. В его голосе не было никаких эмоций. — Так вот, смотри, у тебя лампа вот эта. Ты думал, что с ее помощью ты будешь меня пытать. Так вот, она включена через удлинитель. Я выключу эту лампу, мы же не варвары. Потом отрежу от удлинителя розетку. Ножичек я у тебя добыл, так что зачистить провод не составит труда. Потом ты сам, понимаешь, сам, именно сам, ведь ты не хочешь, чтобы я это делал больно и травматично,

засунешь ее себе в уретру. Ты же человек тоже образованный, судя по халатику, да? Ну так вот, вторым концом я буду время от времени касаться различных точек на теле. Я знаю около сотни точек, которые приводят к разным эффектам. Если будешь молчать даже тогда, когда из глаз потечет кровь, я могу сделать так, что твои яйца закипят. Но есть еще варианты… Вот, например…

— Я профессор Сизов, один из руководителей проекта «О-Сознание», — выдавил из себя человек в халате.

— Ага, вспомнил! Но можно я звание буду опускать при беседе, да?

Малахов отошел назад к лампе, выдернул удлинитель и стал демонстративно его зачищать с одной стороны. При этом Вадим прекрасно понимал, что долго изображать из себя гестаповца он не сможет. Да и вообще этот спектакль с возможными изощренными пытками ему не нравился. Сизов ошалело смотрел на манипуляции Вадима. Потом без всякого вступления начал воодушевленно рассказывать.

— У нас нет никаких негуманных целей. Зона — это лучшее место для исследований, которыми мы занимаемся. Поймите, исследования пси-полей — это же прорыв в развитии человечества. Мы создали уникальные системы, позволяющие взять под контроль массовое сознание, мы смогли здесь, в месте концентрации самых страшных аномалий, установить мир и спокойствие. Конечно, не все шло гладко, но это нормально. Мы творили человека будущего.

— Вы — это кто? — спросил Малахов.

— Мы — это ученые, объединенные в рамках проекта «О-Сознание».

— Ученые бывают обезьяны, — мрачно произнес Вадим. — И зайцы.

Сизов нервно сглотнул и поглядел на Малахова, словно ожидая одобрения. Не дождавшись, продолжил:

— Кроме того, здесь появились уникальные технические возможности. Где еще найдешь такую антенну, словно специально созданную для наших целей? На ней мы сосредоточили все наши усилия. Мы взяли под реальный контроль всю Зону!

— А как же радар с внешним контролем?

— Не верю! Мы установили там оборудование несколько лет назад, радар прекрасно работал. Кстати, идея использовать старую принимающую антенну как основу передающей с синтезом апертуры — полностью моя. Вы понимаете, в таких масштабах пси-поля никогда не создавались! — Профессора

понесло. — Одно дело облучить площадь с беснующимся плебсом, которого уже заранее подготовили к протестному поведению, это ерунда… А вот так, чтобы сканировать громадные территории! Там был гениальный ход, запараллелить коммутаторы, чтобы не задумываться об охлаждении системы, и…

— Очень интересно, главное, поучительно и вовремя, — перебил его Малахов. — Но все-таки вашими антеннами управляли извне. Некто изменил схему, подключив дополнительную аппаратуру, и этот или эти некто переключили антенны на контроль от спутников связи.

— Не может такого быть! — истерично взвизгнул Сизов. — Я головой отвечаю.

— Не беспокойтесь, придет время, ответите. Расскажите о пропавшей группе. Нашей группе.

Малахов понял, что создатель системы пси-поля совершенно не управлял своим детищем и последнее время пребывал в блаженной уверенности, что держит всю Зону если не в руках, то уж точно под полным контролем.

— Ну как это объяснить… Когда еще только начиналась работа по проекту, мы — я, Кречет, Северов, Лебедев — интеллектуальная основа проекта, мы решили, что нам пригодится некая легенда, которая будет отпугивать всякий сброд, вроде сталкеров, от лабораторий. И решили — пусть думают, что здесь существует некий артефакт, исполняющий желания. Но не те желания, которые загадаешь, а самые потаенные, темные, подсознательные. Напустили всяких слухов, что, если Сферу эту найдешь, здесь, в тоннеле у Монолита, то потом всю жизнь мучиться будешь. И главное, нам удалось убедить общественное мнение, что выполняются самые сокровенные, практически всегда смертельные желания. — Сизов преданно заглянул в глаза Малахову. — Я все сказал, вы меня не убьете?

— Да нужен ты мне… Где группа?

— Я здесь не виноват! Это все Лебедев! Он стал требовать свежий материал, еще не обработанный пси-полем, — истерично, так, как будто от этого зависит его жизнь, взвизгнул Сизов.

— Что вы с ними сделали?! — Малахов взял за грудки профессора, желая вытрясти из него душу.

— Я же говорю — Лебедев все это, у него и спрашивайте. Сначала он обработал их на локальном генераторе пси-поля. Но, видимо, переборщил. Материал перешел в коматозное состояние, и тогда Лебедев забрал их для дальнейшей проработки. Потом говорил, что они оказались малопригодными.

— Где он? — Малахов уже было пожалел, что не подключил электричество к этому псевдоученому.

— Кто? — захлопал глазами Сизов.

Потом, видя бешенство Вадима, решил, что дурака валять все-таки не стоит даже в малом, и сказал:

— Это совсем другая лаборатория, в другом месте.

— Где?!! — не отставал Малахов, повысив голос почти до крика.

— В районе Янтаря, это на юго-запад отсюда. Только нет смысла туда идти. Он уже списал материал.

— Я вам, сволочи, спишу.

Малахов еле сдерживался, чтобы не расквасить ученому лицо.

— Теперь о настоящей ситуации, что происходит. Лавинные изменения в Зоне — ваших рук дело? — продолжил Малахов.

— Так а я о чем? — Сизов, казалось, легко перескочил с темы на тему, не испытывая никакого чувства вины. — Вы же полезли, извините, конечно, не зная куда, не зная зачем. Систему сдерживания разрушили, и все, что мы созидали, рухнуло. Наш глобальный эксперимент вышел из-под контроля! Саркофаг вдруг открылся в совершенно невероятном выбросе. И не радиоактивном — это поток энергии, это какая-то безумная сингулярность! Все идет кувырком! Это все вы!

— Все — вы! — гнусным голосом передразнил Малахов. — Это все — вы! Бездари, возомнившие себя учеными, остолопы, захотевшие владеть миром, а сами и не поняли, что вы просто дурилки картонные, вроде вашей Сферы придуманной. Неучи, мечтающие измерить кубатуру сферы, не задумываясь, что у нее есть только площадь! И что теперь? Будете в новом месте новые горизонты событий искать?

— Мы не уйдем отсюда, мы будем бороться! Пси-поле — это наше будущее!

— Мудачье ты и твои коллеги, это я тебе в третий раз говорю. — Малахов стал разматывать ленту на Сизове. — А Сухой, ну, Сухомлинов, кто он у вас?

— Он работал тут, очень хороший сотрудник. — Профессор почуял, что его, наверное, не убьют и даже, возможно, не будут бить сильно, и оживился. — Но однажды, когда начались ключевые работы по воздействию пси-полем, взял и ушел. Не все выдерживают напряжения работы. И ведь коллектив подвел как! Он руководил работами по генным мутациям и сочетанным организмам. Там у них такие результаты…

— Не у всех совесть и честь атрофированы, — прервал поток мыслей Сизова Вадим. Но, вспомнив, что Сухой предал его, добавил: — Хотя, наверное, в вашей конторе — у всех. Кто еще

есть сейчас в помещении?

— Все ушли на объекты, пытаются починить радар. Когда мы узнали от Сухомлинова, кто вы и где вы, у нас появилась свобода маневра.

— Слушай, Сизов, хоть ты и моральный урод, но я тебе рекомендую — вали отсюда быстро. Я сделаю все, чтобы здесь в течение суток порезвилась авиация. А они умеют работать аккуратно. Саркофаг не тронут, а вот вашу конуру прочистят.

— Да, конечно, — упавшим голосом ответил Сизов.

— Да, и еще. — Малахов остановился уже у самой двери. — А почему же Сухой, если ушел от вас, сдал меня?

— От нас не уходят. — Голос Сизова неожиданно стал жестче. — У нас или остаются навсегда, или погибают. Да узнай бы ты, чем тут Сухомлинов занимался, пусть и возражал, но занимался, то ты бы его первый придушил.

— Я и думаю, что буду первым, кто его придушит. Вне зависимости от его научной деятельности,

Больше не надеясь выяснить у Сизова ничего полезного, Вадим решил прекратить разговоры. Он пинком отбросил стул, который блокировал дверь, и вышел в небольшой холл. В холле было еще две двери, соединявшие его с другими помещениями, и громадный запорный люк, который скорее всего вел в тоннель. Со стороны тоннеля было совершенно невозможно найти какие-либо признаки лаборатории, но отсюда, изнутри, все выглядело иначе. Сложная система запоров и кулисная подвеска. Судя по толщине металла, дверь могла бы выдержать не только новый взрыв реактора, но и прямое попадание нуклонной бомбы. Двери, которые вели дальше в помещения подземелья, были простыми, без особых изысков и бронировки. Обычные двери, уместные в каком-нибудь научно-исследовательском институте. У стены стоял автомат Малахова, рядом валялась разгрузка с боекомплектами и палмом. Видимо, те, кто вязал его, не рассчитывали, что Вадиму удастся освободиться так быстро. Или же просто не думали о последствиях. Первым делом Вадим проверил оружие и работоспособность наладонника. Все было в отличном состоянии, однако связи с очками-коммуникатором не было. Или их унесли вне зоны приема, или просто растоптали в сутолоке.

— Эй, профессор, это куда двери? — вернулся в место своего заточения Вадим. — Там что у вас?

— Там лаборатории, ничего интересного, — немедленно ответил ученый.

— Ясно, ты тогда посиди тут маленько, не высовывайся. У тебя есть связь? На всякий случай?

— Да, конечно, вот пульт. — Сизов показал на стоящий на стойке прибор со шкалой и переключателями. — Это очень надежная система, мы используем ее и для радиосвязи, и для проводной. Очень хорошая разработка.

Несмотря на довольно плачевное положение, этот профессор не только не переставал гордиться своими достижениями, но и старался при каждом удобном случае убедить в этом Вадима. Судя по всему, любая гайка в лаборатории была поводом для самодовольства. Посвятив всю свою работу созданию лаборатории, Сизов и на минуту не мог представить, что его деятельность может кого-то не только не интересовать, но и вызывать отвращение.

— Ага! — удовлетворенно произнес Малахов и одним выстрелом разнес блок связи вдребезги. — Сиди и не высовывайся до особого распоряжения. Понял?

— Так точно! — Сизов даже дернулся отдать честь.

— Говно ты, а не ученый, так я скажу, — повторил Малахов. — На хрен ты тут ефрейтора мне изображаешь? Сиди нишкни!

Вадим, всю свою сознательную жизнь общавшийся с экспертами и исследователями, не мог не скрывать отвращения к Сизову. Он вышел из помещения и с обратной стороны заблокировал дверь стулом.

Вход в следующую лабораторию был не заперт, и Малахов оказался в помещении, заполненном различными колбами, перегонными колоннами и приборами неизвестного назначения. На большом гранитном столе стоял модерновый спектрометр. Те, кто финансировал «О-Сознание», денег не жалели. В лаборатории, судя по оборудованию, проводились исследования, связанные с химией или биохимией. У задней стенки, освещенный слабым голубоватым светом, стоял прозрачный куб с мутной жидкостью. К нему сходились провода и трубки со всей лаборатории. Малахов подошел поближе и сразу почувствовал присутствие слабого пси-поля. Его слегка замутило, и начало неритмично биться сердце. Вадим постучал костяшками пальцев по стеклу куба. От места удара разбежались легкие опалесцирующие круги, как по морской воде в августовскую ночь. Потом содержимое куба успокоилось, но внезапно состояние емкости изменилось. Словно кто-то злой проснулся в глубине мутной жидкости. Пси-поле усилилось во много раз, вызвав нестерпимую боль в висках, серо-грязный сгусток плоти ударился в стекло куба изнутри, как будто пытаясь его разбить. Пискнули электронные приборы, пытаясь усмирить плоть за стеклом, булькнули жидкости в трубках.

— Да что у них тут за хрень, — пробормотал Малахов.

Он не желал задумываться о целях исследований этой

лаборатории, отступил на несколько шагов и от живота пустил короткую очередь из автомата. Малахова не интересовали ни амбиции ученых, ни фантастические проекты Зоны, у него наступило то состояние, когда противник слился в одну сплошную черную массу, и задача была одна — уничтожать зло. Жижа, издавая неприятный запах морга, рухнула на пол, увлекая за собой скользкую плоть, которую Вадим добил парой контрольных выстрелов. Потом так же безжалостно он уничтожил и электронику.

Вадим не стал заходить во вторую лабораторию, содержимое его нисколько не интересовало. Он просто кинул в приоткрытую дверь гранату и отступил под прикрытие стены. Сначала хлопнула фаната, а через мгновение горизонтальный огненный столб вынес в коридор осколки лаборатории, едва не опалив самого Малахова.

— Что они там, керосин хранили? — буркнул себе под нос Вадим и направился к выходу. В предбаннике он разблокировал помещение с Сизовым, крикнув ему в приоткрытую дверь: «Ты тут полчаса еще побойся, потом выходи!», и, крутанув запорный механизм люка, покинул подземный исследовательский центр. Наладонник показывал, что Вадим пробыл в лаборатории около четырнадцати часов. Снаружи было раннее утро. Не встречая никаких препятствий, он выбрался из подземелья на газон. Лил противный осенний дождь, казалось, все кругом окрашено в оттенки черного. От пространственного перехода, созданного «дыроколом», ничего не осталось, установить связь с группой не удалось, и Вадим, тяжело вздохнув, двинулся к забору. Перебраться через четырехметровую бетонную стену, верхний срез которой украшала колючая проволока, Вадим не пытался. Недалеко обнаружились запертые на громадный амбарный замок ворота. Впрочем, ломать замок не пришлось — перелезть ажурные ворота было делом плевым.

Малахов стоял под тяжелым осенним дождем и, наверное, впервые после две тысячи первого года не знал, что делать. И если тогда он был просто взбешен от бессилия, от предательства властей, то сейчас он мог злиться только на себя. А не хотелось. Связи нет, где находится группа — неизвестно. Любой шаг в Зоне может оказаться последним. Да еще появились новые враги. И на помощь Сухого рассчитывать уже не приходится. Но стоять вечно у забора было нельзя, и, не обращая внимания на дождь, Малахов двинулся в направлении площадки аттракционов. Он надеялся, что его товарищи там. А если и нет, то поиск необходимо было начинать оттуда, с того места, где они расстались.

Через несколько минут вода, стекая по лицу, стала попадать

за воротник. К тому же осенний промозглый холод сковывал движения, заставляя Малахова отвлекаться от дороги, от которой несло опасностью. Нематериализованное зло витало в воздухе, и казалось, только стена дождя ограждает от него человека. Но у Малахова не было выбора, нужно было идти. Скоро шоссе, обогнув справа чахлый кусочек леса, вывело к мосту. Этот мост совсем недавно Вадим с друзьями пересекал на машине. Теперь по мокрому асфальту, на котором черной слизью валялись гнилые листья, Малахову приходилось идти пешком. На мосту дул сильный боковой ветер, струи дождя хлестали в правую щеку и заливали лицо. Капюшон куртки помогал не много, да и закрывал видимость, поэтому Вадим отбросил его назад, вывернув наизнанку, чтобы в нем не скапливалась вода. На самой середине моста что-то заставило его остановиться.

Что-то незаметное изменилось в облике моста, который проезжали всего день назад. Внешне все оставалось по-прежнему, но одна маленькая деталь, неприметная и невидимая, которая тревожила подсознание, заставила остановиться. Сейчас Вадим не рисковал сделать еще один шаг, не поняв этого изменения. Все оказалось просто. Так и есть. Когда ехали через мост, ограда была монотонной — стальные квадратные стержни, приваренные через полтора метра ромбы из стальной полосы, все однообразно и строго. И не было никаких хомутов, по пять с каждой стороны моста. От хомутов вниз к воде уходили штанги из такого же черного, неровного материала. Водяная пелена и ветер не давали понять, как следует, что за новое украшение появилось на мосту.

Старый мост, словно почувствовав сомнения Малахова, отозвался тревожным скрежетом. Скрип сопровождало легкое подрагивание, как будто промозглый ветер пытался раскачать конструкцию. В какое-то мгновение хомуты на ограде слева от Вадима разомкнулись, и нечто огромное, совершив гимнастический пируэт, выскочило на асфальт. Чудовищная тварь, смесь насекомого с гигантской тушей теплокровного животного, покрытая хитиновыми пластинами, на худых лапах с короткими рудиментарными ладонями, похожими на коготки мухи. Именно этими коготками создание держалось за ограду моста, затаившись в ожидании добычи. Несоразмерно тонкие ножки нервно скребли по асфальту, готовясь к броску. Маленькая головка на толстом туловище оканчивалась несуразной химерой — набор челюстей, готовых перегрызть всё и вся, не скрывал хоботка.

«Этот голову откусит и еще кровь высосет», — подумал Вадим.

На рассуждения не было времени, автомат скользнул в руки.

Несколько беглых выстрелов, которые слились в очередь, отрубили у твари хлипкие конечности. Чудовище, упав на брюхо, забилось в злобной дрожи, но через мгновение встало на культи и двинулось к Малахову, оставляя на асфальте лужи зеленоватой жижи. Длинными очередями Вадим пытался остановить тварь, но казалось, той было на все наплевать. Близость пищи подавила все остальные инстинкты. Пули с визгом рикошетили от хитина или вязли в плоти, не причиняя видимого вреда. Вадим быстро оглянулся, готовя пути к отходу. Но сзади на мост выползала такая же мерзость, как и наступавшая спереди.

Понимая, что ситуация безвыходная, Малахов отступил к перилам, чтобы держать в поле зрения обоих и оценить обстановку. Прыгать с моста было смертельно опасно. Высоко, шансов переломать ноги много, а уж твари потом не преминут спуститься вниз. И уж там, внизу, шансов у Вадима не останется никаких. Но это был единственный выход, боезапас подходил к концу, и надо было решаться.

Вадим уже приготовился к смертельному прыжку, но тут из-за деревьев на обочине раздался хлопок. Дымный след за ракетой из гранатомета прочертил плавную дугу и окончился на одном из созданий. Резкий взрыв, и Малахова обдало горячей светло-коричневой слизью, издававшей неприятный щелочной запах. Следующий хлопок — ошметки второй твари разлетелись в стороны и, перелетев перила, упали на ржавые рельсы заброшенной железнодорожной ветки.

Вадим стоял, прислонившись к мокрым перилам, и тяжело дышал. Он ждал, когда покажется его неожиданный спаситель. Знакомая фигура в черном от дождя пыльнике вышла на мост.

— И что, господин ученый, вы опять поменяли мировоззрение? — спросил, подняв лицо навстречу струям дождя, Малахов, когда Сухой подошел совсем близко. — Или вам, Валериан Андреевич, понравилось меня по затылку прикладом бить? Но боюсь, фактор неожиданности тут вам не поможет. Или у вас другие планы?

— Я сколько раз говорил, не надо в тоннели идти. Ты послушал меня? — спокойно ответил Сухой. — И я тебя не бил.

— Ага, я сам с разбегу мордой об стену себя долбанул. И потом примотал себя скотчем к креслу.

— Пси-импульс оборонительный. Вот ты сам себя именно так и шарахнул — мордой об стену. А потом налетел народ из тех, кто лабораторию охраняет. Меня тоже сгребли, допрашивали. Но я-то там свой. Так — поговорили и отпустили.

— Ну ты и пошел себе спокойно, да? — Вадим ненавидяще смотрел на сталкера, не веря ему ни на грош.

— Успокойся, а что я должен был делать?

— Во-первых, не врать три дня! Во-вторых, у тебя же связь есть, почему ты наших не позвал? Или это опять какие-то таинства кодекса сталкеров? Погибай, а товарища замочи?

— Все у тебя просто, как мушка на твоем автомате. И не товарищ ты мне. Ты мой клиент, — жестко ответил Сухомлинов. — И не болтать надо, а твоих спасать. Там все плохо.

— Что там? — Малахов почти закричал. — Ты можешь нормально рассказать?

— Я и пытаюсь, а кто-то тут все предъявы кидает. — Сухой тоже сорвался и перешел на повышенные тона. — Неужели ты до сих пор не понял, что надо меня слушать? Не попрись бы мы туда, сейчас бы все по-другому было.

— Рассказывай, — сказал Малахов уже спокойно.

— Когда в тебя шарахнули пси-импульсом, мне тоже досталось боковым лепестком. Словно мешком по голове стукнули. Я тихо в уголке сидел. Ну, налетели эти, из охраны. Раньше, когда я тут работал, их не было. Тебя внутрь уволокли, у меня только спросили, как мы сюда попали. Ну, про «дырокол» смысла врать не было, коридор еще открытый был. Ну, они туда все и ломанулись. Я, как очухался, тоже туда пошел. В общем, там твоих уже не было. Судя по всему, была порядочная драка, а потом их куда-то утащили. Я гранатомет с вашей машины забрал и пошел сюда. Я знал, что ты выберешься, сидел, ждал.

— Спасибо за помощь, кстати, — прервал его Малахов. — Я твой должник, в Зоне за все платить надо. Ловко ты их завалил.

— Еще заплатишь, — согласился Сухой. — А валить их — не проблема. Я знаю, я сам их создал.

— Блин, естествоиспытатели! Вы тут что, седьмой день творения устраивали? Первые четыре поправки к библии сочиняли? — Малахов поправил куртку, накинул капюшон и уже спокойно добавил: — Пошли к колесу.

Сухой молча повернулся и, не дожидаясь Малахова, пошел по мосту в сторону города. Только на секунду задержался, переступая останки своего детища, смердящего кучей кишок посередине моста. До самого бульвара с черными от осени и дождя деревьями шли, не разговаривая, словно не замечая друг друга. Сухой только раз оглянутся, проверяя, что Вадим идет за ним след в след, не рискуя напороться на аномалию. У КПП, где вчера их встречал часовой-зомби, не было никого, и сам бульвар, ведущий к ДК «Энергетик», выглядел стерильно мертвым. Только один раз, слепая собака, видимо, отбившаяся от стаи, промелькнула среди тополей и скрылась между многоэтажек, зияющих черными окнами.

— Вон вертолет. Видать, ваш парень там порезвился, Тимур, — прервал молчание Сухой, показывая пальцем на стоящий в конце бульвара натовский вертолет.

— Ну, он тогда не совсем человеком был, вернее, совсем не человеком, — отозвался Малахов. — Только меня одно беспокоит. Вот ты же биолог, может, объяснишь. В последней сводке из Центра по этому вирусу анализ давали. Сказали — из организма не выводится. И до следующего обострения находится в спящем режиме.

— Это значит, что жизнь у Тимура изменится. Время от времени вирус будет обостряться. А это значит, что время от времени Тимур будет опять становиться монстром. Скорее всего в полнолуние. Представляю, как там, в столице, будут ученые рады. Уж они с ним поработают, — угрюмо произнес сталкер.

— Сухой, обещай… — Вадим замолчал. — Ладно, я тебя позже попрошу.

— Попроси, попроси, — кивнул Сухой.

Взяв левее, он стал обходить площадь перед ДК по краю, сразу направляясь за здание, к аттракционам.

На аттракционной площадке одиноко стоял «Патриот» без верха. Дверцы были распахнуты, и внутри салона не накопилось много воды. Малахов немедленно запустил главный компьютер. Система долго перегружалась, приходя в себя после полного небытия, но в конце концов заработала. Сама по себе тихо завыла турбина, пополняя энергоресурсы внедорожника. Машина подавала признаки жизни. Вслед за компьютером ожила система защиты, показав, что в рабочем состоянии остались только пулеметы, спрятанные под крыльями. Боезапас был крайне ограничен. Вадим попытался установить связь с группой, но ничего не вышло.

— Ты очки свои не потерял? — не оглядываясь, спросил Сухого Вадим.

— Что я, совсем? — Сухомлинов выудил из внутреннего кармана пыльника аккуратно замотанные в тряпочку очки. — Вот они.

— Надень, проверим связь.

— Нормально работают, — отозвался Сухой после того, как, водрузив на нос коммуникатор, увидел данные с основного компьютера.

— Так, значит, остальные коммуникаторы уничтожены, раз не выходят на связь.

Вадим включил блок связи с Центром. Он надеялся, что Гера все-таки восстановил поврежденную антенну. Сразу, словно на той стороне только и ждали, на экран посыпались сообщения.

«Код НОЛЬ. Операцию прекратить, личный состав немедленно эвакуировать, сообщить время прибытия на точку доставки».

— Что там? — Сухой заглядывал через плечо Малахову, но понять ничего не мог.

— Они уже почти десяти часов как отозвали нас. Подожди… — Вадим запустил голосовую связь. — Центр, я «Табигон», срочная эвакуация невозможна, прошу отсрочку.

— «Табигон», что у вас, почему не выходите на связь? — отозвался с той стороны строгий безликий голос.

— У нас форс-мажор, прекратить операцию не могу, — ответил Малахов. — Мне необходимо время для поиска членов группы.

— Операцию прекратить, время эвакуации один час. — Голос был неумолим.

— Прием, прием, не слышу вас. — Малахов стучал по микрофону, изображая помехи. — Прием, при…

Вадим отключил связь.

— Сейчас все брошу и срочно начну убегать, — пробормотал Малахов. — Козлы.

Пискнул сигнал запуска сканера. Через несколько секунд, когда сканирование было закончено, на экране засветился отчет.

— Вот они. — Вадим показал Сухому три синие точки на экране. — Это их персональные датчики.

— В одежду вшиты?

— Нет, это капсулы, которые вживляются под кожу. — Вадим протянул руку и сдвинул рукав. На обратной стороне запястья был едва заметный бугорок.

Малахов повертел трекбол и изменил точку наблюдения.

— Вот! Первый этаж ДК, левое крыло. Только сколько же там народу всюду!

На трехмерной модели здания можно было легко разобрать общую обстановку внутри дома культуры. Судя по картинке, практически в каждом помещении на втором этаже находились люди. У всех было стрелковое оружие.

— Ну что, время собирать камни? — Вадим вопросительно поглядел на Сухого. — Остаешься здесь, если увидишь, что дело плохо, а это значит, все синие отметки погаснут, выходи на связь с Центром и сообщи о гибели группы. Понял?

— Не тупой! — угрюмо ответил Сухомлинов. — Только куда ты полезешь один на двадцать человек.

— Тебя не спрошу. А скажи, почему мне Сизов сказал, что это ты меня двинул в тоннеле?

— Почему, почему, — пробурчал Сухой. — Надеялся, что ты

меня прибьешь, как на волю выберешься.

— Это у вас, у ученых, так принято?

— Да пойми ты, — взвился внезапно Сухой, — какие ученые, это обычный гадючник! Сизов раньше комсомольским лидером был, потом благодаря старым связями деньги на это «О-Сознание» выбил. А работать-то надо кому-то? Надо! Собрал толковых людей по всей стране, ну и как стали результаты появляться — так он начал по одному от основных сотрудников избавляться! Зачем ему конкуренция? Только не понял он своим умом скудным, что в конце концов наделает делов. Вон посмотри вокруг!

— Ладно, примем пока твою версию. Что-то мне кажется, что я еще побеседую с твоими бывшими коллегами. Все, пока вопрос закрыт.

Малахов начал колдовать над главным компьютером.

— Так, теперь все с моих очков будет идти на этот экран, будешь смотреть репортаж с места события. Он и в Центр идти будет.

Закончив с компьютером, Вадим вылез из машины и потянул на себя оставшуюся половинку задней двери. Та, пронзительно скрипнув, отвалилась. Чертыхнувшись, Вадим открыл оружейный ящик, служивший боковым сиденьем машины. Подумав, он сбросил куртку и вместо обычной разгрузки достал из своей камуфляжной сумки другую, рассчитанную на большой боекомплект. Разгрузку он повесил поверх тонкого фуллеренового бронежилета. Десяток рожков он разместил в нагрудных клапанах. «Беретта» устроилась в облегченной кобуре на поясе. Из ящика он извлек короткоствольный автомат и, проверив его, перекинул ремень через голову. Потом достал титановую полусферу, подогнал ремень под себя. Из кармана брюк выудил тонкий шнурок и привязал его к дужкам очков, чтобы не потерялись в критической ситуации.

— Ты говоришь, у «О-Сознания» вашего появилась охрана? Как они выглядели? — спросил Вадим.

— Да такие мордовороты, как сборная Тырдыкистана по вольной борьбе.

— Ну, это, наверное, хорошо, громче сопеть будут. Издалека услышу. Давай жди.

— Ты бы лучше через черный ход пошел, — остановил Малахова сталкер. — Там с фасада все разбито.

— Мы что с тобой, в игрушки компьютерные играем? — отозвался Вадим. — Ты мне еще предложи из подвала заходить.

ГЛАВА 31

Факты не существуют — есть только интерпретации.

Фридрих Ницше

Ступеньки, ведущие к главному порталу ДК, были давно разбиты и оползли вниз обломками гранита. Сейчас эти гранитные осколки, залитые осенним дождем, тоскливо блестели на полированных местах. Все стекла в здании выбили, и даже алюминиевые рамы, в которых когда-то держались эти стекла, были растащены мародерами. Стекольное крошево тревожно хрустело под ногами, и Вадиму казалось, что звук разносится по всему зданию дома культуры. Первый этаж встретил Малахова диковатым панно, в котором, несмотря на осыпавшиеся фрески, еще угадывались и творческие порывы советских ученых, и ленинский энтузиазм миллионов. За деревянным барьером стояли разбитые вешалки — здесь раньше был гардероб. Вадим даже заметил несколько алюминиевых жетонов, висящих на крючках уже несколько десятилетий. Среди хаоса полуразрушенного здания дико смотрелось громадное зеркало на стене слева, непонятно каким образом сохранившееся.

Вадим представил, как много лет назад у этого зеркала толпилась молодежь, приводя себя в порядок перед танцами. Сверху уже доносилась музыка, сюда, на нижний этаж, долетали блики цветомузыки. Словно услышав несвоевременные мысли Вадима, зеркало отозвалось и, завибрировав призрачным отражением, изменилось. Не было темного здания и слегка освещенной осенним светом лестницы, ведущей наверх. В зеркале отражались люди, снующие возле стойки гардероба, сдавали легкие плащи и куртки, получали номерки, смотрелись в зеркало, стоя рядом с Вадимом. Никто не обращал внимания ни на Малахова, ни на его оружие и экипировку.

Внезапно люди заметались в панике, пытаясь бежать прочь от лестницы. Сверху, в контражуре дискотечных огней, спокойно ступая, шел черный человек. Те, кто оказывался рядом с ним, разлетались роем темных частиц и исчезали вместе с дыханием идущего. Человек шел не останавливаясь. Даже непроницаемость затененного лица не скрывала взгляда этого страшного человека. Казалось, что глаза его светятся, и смотрят они прямо на

Малахова. Расстояние сокращалось, Вадим там, в зеркале, схватил автомат, пытаясь беззвучными очередями остановить черного. Но тот шел неотвратимо, как смерть в чумном бараке. Подойдя, он наклонил свое черное лицо и, приблизив его вплотную к лицу Малахова, стал высасывать из него жизнь. Внутри похолодело, как во сне при падении в бездну. И тут видение исчезло. Призрачный мир в зеркале исчез, не было ни дискотеки, ни страшного призрака. Остались лишь темные своды цокольного этажа — отражалось только то, что было в реальности. Потом, внезапно покрывшись густой сетью трещин, уже ничего не отражая, стекло рухнуло на бетонный пол горой серебристого крошева.

Малахов сбросил оцепенение, отвернулся от зеркала и пошел на лестницу, ведущую на второй, основной этаж здания. Несмотря на то, что, по показаниям сканера, в здании было не менее двадцати вооруженных людей, никто на встречу Малахову не выдвинулся. На втором этаже напротив лестницы обнаружились гандбольные ворота. Кто их притащил сюда, зачем их поставили здесь, в холле когда-то роскошного дворца культуры? Вадим подумал, что вот эти ворота могут быть символом всей Зоны — когда неуместное и бессмысленное оказывается в самом неожиданном месте.

Тоскливо воняло необитаемым домом, домом, в котором уже много лет не было человека. Умирающей штукатуркой, раскисающим от вечной сырости ракушечником, которым были облицованы стены, плесенью неухоженных стен и размокшим гнилым деревом. Осторожно, так чтобы спина была всегда прикрыта, Вадим двинулся по холлу ДК туда, где справа был проход в противоположную часть здания. Обойдя концертный зал, пахнувший из выбитых дверей темной жутью, Малахов очутился в той части дома культуры, где когда-то находились подсобки, помещения кружков самодеятельности и ленинская комната. И здесь не оставалось целых окон, и сквозь бетонные конструкции просматривалась площадка аттракционов. Даже Сухой, сидящий в разбитом «Патриоте», казался на расстоянии вытянутой руки. И одновременно совершенно далеко, на расстоянии в вечность. Там у разбитых, никогда так и не служивших людям качелей и каруселей, хоть и блуждали аномалии и время от времени бесновались зомби, не пахло смертью так сильно, как пахло здесь. Тревожное предчувствие начало сковывать Вадима. Он не понимал, почему спрятавшиеся за чередой дверей люди не проявляют себя. Ведь они же, очевидно, давно его обнаружили и готовы вступить в бой. Но ничего не происходило. Вадим встал сбоку от входа, так чтобы его прикрывала стена, и рванул на себя

первую дверь. Хватило доли секунды, чтобы рассмотреть двух человек у письменного стола в дальнем конце комнаты. Два выстрела упредили любое действие этих людей. Осторожно, вдоль стенки, Малахов двинулся к следующей двери. Опять удар по трухлявой фанере, опять люди внутри, но здесь уже пришлось молниеносно отскочить за угол, из комнаты ответили длинными очередями. Одного взгляда мельком Малахову хватило, чтобы оценить обстановку. Резкий кувырок, несколько выстрелов, и помещение очищено. Вадиму все это очень не нравилось. Происходящее походило своим безумием на китайский боевик, когда двадцать соперников дерутся с одним главным героем, при этом в драке больше одного соперника не появляется — все степенно ждут своей очереди.

А вот со следующим помещением было хуже. Дверь там вырвали давно. Здесь пришлось не рисковать и использовать гранату. Вместе с дымом из комнаты вылетели куски мебели и осколки стекла. А до крайней двери, за которой, если сканер не ошибся, находились заложники, оставалось еще пять помещений, и пройти их надо было одно за другим, вычищая от врага. От врага, похитившего друзей, но зачем и почему — непонятно. Что они хотят от Вадима, от его группы?

Но тут противник изменил тактику. Следующая дверь открылась сама, и оттуда, осторожно ступая, вышел человек в камуфляже с автоматом наизготовку. Вадим опять оказался быстрее и метче, враг тихо завалился на стенку и сполз на бетонный пол. Чуть впереди по коридору была сложена солидным штабелем облицовочная плитка. Когда-то давно мародеры ободрали, почистили и сложили ее перед тем, как отвезти на строительные базары ближайшего города. Судя по проросшей на этой куче молодой березке, с тех пор прошло много лет. Вадим в стремительном броске укрылся за штабелем, теперь он был под прикрытием ракушечника и мог наблюдать оставшиеся помещения. Малахов выжидал, пытаясь заставить противника действовать. Перекинув автомат в левую руку, он наблюдал из-за укрытия за тем отрезком холла, который оставалось пройти с боем.

— Сухой, картинку видишь? — тихо спросил Малахов.

— Да, вижу.

— Это та самая охрана лаборатории? Униформа такая же?

— Да хрена там, впервые таких уродов вижу. Те ребята пошустрее были, — ответил Сухой.

— Вот же, блин, куда ни глянь, лягушка какая-то попадется. — Малахов стал тихонько высовываться из-за укрытия, готовый немедленно спрятаться, как рак-отшельник за ракушечник.

Вадим ждал, что очередное его движение вызовет шквал огня, но ничего не происходило. Словно противник потерял к нему всякий интерес. Поколебавшись, он встал во весь рост и медленно пошел вперед, к открытой двери. Как только Вадим приблизился настолько, что можно было рассмотреть, что же там внутри, шквал автоматного огня заставил его уйти под прикрытие стены. Одной гранаты хватило, чтобы угомонить стрелков, но тревога росла все больше и больше. Не бывает такого, чтобы, как в детской игре или плохом фильме, шагать по трупам врага без единой царапины. Или они там все больные на голову, или…

— А пошли вы все, — сам себе сказал Малахов. Все сомнения, тревоги неожиданно отступили.

Совсем рядом находились его товарищи, и только Вадим мог помочь им. Почему его должно волновать что-то еще? Слать надо все подальше. Цинично наплевать на коварные замыслы врага, не придумали еще ловушку для Малахова, а если придумали, то и черт с ней. Сейчас надо спасать своих. А цинизм — очень хороший консервант, чтоб не портилась картинка жизни, вроде антибиотика. Словно сказочный терминатор, Вадим двинулся вперед. Не останавливаясь ни на секунду, поливая огнем все, что пряталось за проклятыми дверями, он шаг за шагом очищал проход к последней комнате. А потом резко, как будто выключили звук в телевизоре, наступила тишина. Сквозняк выдул пороховую гарь, и только хруст стекла под ногами нарушал покой разбитого холла. Позади Малахова лежали трупы, кровь растекалась лужами, а перед ним была последняя дверь. Не было никаких признаков ловушки, но все равно Вадим сначала постучался.

— Да-да, входите, — раздался Клавин голос. — Не заперто!

Гера, Тимур и Клава лежали на полу, спеленатые все той же серебристой липкой лентой. Ленту использовали с большим знанием дела, и никаких шансов выбраться самостоятельно у ребят не было. Несколько взмахов ножом, и освободившиеся друзья стали растирать затекшие конечности.

— Шумно ты шел, мы уже заскучали, считая, сколько ты дверей прошел, — сообщил Герман.

Веселость Тельбиза была деланная. Было хорошо видно, что все пленники напряжены, на лбу у Тимура блестит пот, а Клава, не терявшая самообладания никогда, сидела поникшей и, казалось, безразличной к происходящему.

— Как вы вообще допустили, что вас как свиней повязали и штабелями сложили? — Вадим помог подняться Клаве первой. — Ну, я понимаю, там, у подстанции, была совершенно нештатная ситуация. А что здесь?

— Они же из пространственного тоннеля выскочили в метре от нас! Толпой! Человек десять мордоворотов. В бронежилетах, вооруженные до самых зубов. Они Клаву первую завалили и пистолет ей к голове приставили, — нервничая, стал рассказывать Тимур. — В общем, они предложили переговоры, а потом спеленали нас и оттащили сюда.

— Тимур, посмотри, это они в холле валяются? — Вадим кивнул в сторону двери.

Тимур вернулся почти сразу.

— Форма не та, да и оружие другое. У этих «узи» поголовно, а охранники с «калашами» были.

— Так, ладно, устал я от бессмысленных загадок. Двигаться можете? Тогда пошли. — Вадим первый вышел из комнаты и направился направо, на выход. — Валим отсюда, наша миссия окончена. Как всегда, признаков инопланетных цивилизаций не обнаружено, летающие тарелки отсутствуют.

— Машина дотянет, я проверяла, — отозвалась Клава. — Вернее, успела проверить.

Сохраняя осторожность, опасаясь и людей, и аномалий, группа двинулась на выход. Дождь, казалось, пришел в Зону навсегда. Нудный и бесполезный, вычернивший враз желтые палые листья, старые телеграфные столбы и стволы деревьев. Молча обогнув здание, группа вернулась к «Патриоту».

— Веселенькая поездочка будет в кабриолете под дождем, — мрачно пошутил Герман. Он без всякой паузы принялся проверять системы связи.

— Дать Центр? — Тельбиз словно угадал мысли Вадима.

— Здесь «Табигон», операция прекращена. — Вадим говорил бесстрастно, словно на той стороне был робот, которому не нужны человеческие эмоции. — Время прибытия на точку эвакуации — тридцать минут.

— Принято, — кратко сообщили с той стороны.

— Ну что, поехали? Валериан Андреевич, подбросить? Кстати, там, в гостинице, и рассчитаемся, мы же перед вами в долгу? — Вадим открыл дверцу изуродованной машины, вернее, то, что от дверцы осталось, и жестом предложил Сухому место в салоне.

— Считай, в расчете, мне сейчас надо пойти хабар сдать, перекупщик ждет. Он как раз сегодня в Киев собрался, моим передаст денег. Да и разобраться надо, что тут теперь будет.

— Да, сейчас в Зоне работы много, могу представить, — согласился Вадим. — Только имена дать новым тварям — уже замучаешься. Я думаю, теперь жизнь у вас изменится. Ну, бывай!

— До скорого. — Сталкер протянул руку, прощаясь. — Зла не

держи, не всегда мы вольны в поступках.

— Да ладно, чего там… — Вадим ответил на рукопожатие.

Тягучую паузу разорвал рокот тяжелых вертолетов. С запада на низкой высоте, ничего не боясь, медленно проплыл конвой из десятка двухвинтовых «Чинуков» под прикрытием нескольких «Апачей».

— Что за хрень, — пробормотал Малахов, как только стих грохот. — Война здесь начинается? Что за силы тут барражируют? Почему Центр молчит? Быстро уходим к вертолетной площадке. Что-то тут становится неуютно.

— Ага, а раньше тут был курорт пять звездочек, — ответил Гера, занимая свое место рядом с Клавой. — СПА на костях.

Машина, слегка подвывая уставшей турбиной, двинулась по шоссе. Через несколько сотен метров, как всегда, белая стена тумана обозначила границу Зоны. За Зоной светило чахлое осеннее солнце.

— Стой. — Хриплый голос Тимура заставил Клаву резко нажать на тормоз. — Назад!

Тимур, мертвенно-бледный, съезжал на пол машины, теряя сознание. Из последних сил он пытался расстегнуть ворот куртки, которая, казалось, душила его. Но движения Тимура были неуверенны и бесполезны — пальцы скользили по застежке и ничего не могли сделать.

— Назад, Клава, немедленно! — Малахов попытался посадить Тимура нормально, но Рымжанов соскальзывал на пол. — Скорее!

Машина задним ходом вернулась сквозь туманный заслон в Зону. Мертвенная бледность быстро отступила от лица Тимура. Он рассеянно оглядел окружающих, но очень быстро пришел в себя и виновато произнес:

— Я, кажется, приехал.

— Тимур, ты чего? — осторожно спросил Малахов.

— Вадим, — ответил Рымжанов. — Я же сводку по анализам видел. Я думал, что все проще, буду время от времени вас рожей мохнатой пугать…

— Ну и что? Мы тебя всякого любим! Даже когда ты на чмо болотное похож, — перебил его Малахов.

— Я боюсь, что меня там многие теперь любить будут, особенно ребята из отдела биоаномалий. Но не в этом дело. Там, в анализе из Центра, была одна мелочь, на которую ты, наверное, не обратил внимания. Вирус, кроме всего прочего, заставляет организм вырабатывать токсин.

— Ну и?

— А то, что у меня здесь, в Зоне, он никакого токсина не вырабатывал. Вывод один — это особенность гомеостаза в Зоне.

Извините, ребята, я не хотел вас так подводить. — Голос Тимура дрогнул. Но Рымжанов немедленно взял себя в руки. — В общем, я тут пока остаюсь. Поселюсь на болоте, буду зверушек лечить. В Зоне доктор нужен. Вот Сухого от грибка вылечу. Если не снимая берцов неделями ходить, точно грибок умучает. Ты же мне позволишь анализатор и аптечку забрать? А как с вирусом разберусь — вернусь. Я думаю, ненадолго тут застряну.

Герман и Клава непонимающе следили за диалогом и боялись вмешаться.

— Хорошо, — после краткой паузы сказал Малахов, но голос его перехватил легкий спазм. — Клава, давай еще назад, Сухой далеко не ушел.

Машина, крутанувшись на месте, покатила назад. Сухой, как оказалось, сидел на обочине там же, где его и оставили.

— Я чего-то думал, что вы вернетесь, — бесстрастно сказал сталкер. — Подозревал.

— Тоже мне, Кумская сивилла, — буркнул Малахов. — Тимур остается пока, поможешь ему поначалу? Хоть пристанище найти?

— Что я, не человек? Пошли, Тимур, будем обустраиваться. Если в Зоне оставаться, то лучше болота места не найти. Там такая брусника летом… И мерзостей мало. Было.

Тимур легко, словно и не было три минуты назад обморока, выскочил из машины. Клава сидела, остолбенев, приложив ладонь к губам, не веря в происходящее. Гера тоже вышел из машины и подошел к Тимуру.

— Ну, ты это… — Тельбиз не мог найти нужные слова. — В общем, давай, мы за тобой вернемся. И ты не рискуй, да?

— В Зоне отныне риск — образ жизни, — мрачно пошутил Тимур, хлопнув по плечу товарища. Клава просто махнула рукой и отвернулась, а Рымжанов зашагал прочь.

Две фигуры, Сухой в несуразном промокшем пыльнике и Тимур, худой, с длинными волосами, которые не промокли даже под дождем, с сумкой, полной медицинского оборудования, медленно шли по дороге в сторону Припяти.

— Что с Тимуром, ты хоть объяснишь? — спросила Клава, как только смогла нормально говорить.

— Вирус у него остался внутри, и судя по тому, что Центр передал, метаморфозы будут происходить время от времени. Кроме того, при выходе из Зоны вирус работает как убийца. А в Зоне что-то тормозит наиболее опасные функции вируса. Так что Тимуру лучше пока здесь побыть. Что-то мне подсказывает, что в Зону мы еще вернемся. Блин, Гера, ты почему не включаешь сканер? — Последние слова Малахов произнес, увидев в небе с десяток «Геркулесов». Самолеты появились оттуда же, откуда

совсем недавно пролетел вертолетный конвой, и, пройдя на средней высоте над Зоной, стали кружить невдалеке, к востоку от того места, где сейчас тихонько крался «Патриот».

— Включаю, включаю, — озабоченно ответил Герман. — Только вот Центр совсем от связи отказался.

Тельбиз еще немного повозился с компьютером и в сердцах ударил по нему кулаком.

— Все, это уже куча мусора с амбициями, а не система. Он теперь не может даже координаты определить. Связь GPS есть, а вычислить положение не может. Пора домой окончательно.

— Да что там у них происходит вообще? — Вадим раздраженно двинул кулаком по спинке сиденья. — Давай, Клава, выдави из своего зверя все, не нравится мне тут, ой не нравится.

Через пару минут машина подъехала к гостинице в Копачах. А у самой гостиницы ждал новый сюрприз. Дорога была перегорожена колючей проволокой и деревянными конструкциями на манер противотанковых ежей. Сразу за заграждениями стояли несколько человек, настроенных очень воинственно. Они были все как один вооружены, кто карабинами, кто автоматами.

— Гера, шугани этих демонстрантов, — сказал Малахов.

Гера понимающе кивнул. Открылись обтекатели на месте крыльев, и трассирующая очередь из обоих пулеметов прошла чуть выше голов демонстрантов. Люди моментально разбежались и залегли на обочине.

— И точно, тут война, как минимум партизанская, тормозни, Клава. Дай я поговорю. — Вадим тронул за плечо Клавдию.

— Не стоило бы, я могу в обход, — ответила Клава.

— Не надо.

Машина остановилась метрах в десяти от заграждения.

— Эй, мужики, что за хрень? Объясните, что случилось? — Малахов встал в полный рост в машине, при этом внимательно наблюдая за спрятавшимися на обочине.

— А то ты сам не знаешь, — ответил чей-то голос. — Ты — не жилец!

— Да объясните наконец, что сразу за вилы хвататься?

Поняв, что никто стрелять не собирается, видимо, предупредительный огонь подействовал на местных как положено, Вадим осторожно вышел из машины и медленно направился к заграждению.

— Смотрите, мужики, я без оружия. — Вадим даже поднял руки. — Давайте поговорим!

Но тут слева вдруг взревел мотор, и, словно взбесившийся бизон, из-за гостиницы вылетел ободранный грузовик. Вадим в

безнадежном прыжке попытался отскочить от летящего на него автомобиля, и это ему почти удалось. Малахов ушел от удара бампером, но водитель, видимо, пытаясь развернуться, пустил машину юзом и бортом достал Малахова. Обмякшее тело Вадима скатилось по битому асфальту на обочину. Огненные полосы из обоих пулеметов «Патриота» разорвали борт грузовика, а потом и сталь кабины, превратив автомобиль в огненный шар. Клава, оставив машину, рванулась туда, где в осенней грязи лицом вниз лежал Вадим. Гера прикрывал огнем, пока Клава, не замечая ни веса Малахова, ни скользкой грязи и битого асфальта, тащила его к машине. Там она открыла заднюю дверь, осторожно положила его на пол и, не теряя ни минуты, ввела лошадиную дозу каспарамина. Вадим признаков жизни не подавал, однако тонкий пульс говорил о том, что он еще жив.

— Ну, суки, получайте. — Клава крутанула руль и выскочила на обочину, выведя машину на такую позицию, с которой залегшие местные оказались как на ладони. Шквальный огонь размел защитников шоссе.

— Клава, не надо, давай к вертолету. — Гера понял, что Клава заходит на второй, смертельный вираж. — Мы еще успеем с ними разобраться!

Женщина взяла себя в руки, на мгновение оглянулась назад, где в багажном отсеке лежал смертельно бледный Малахов, и, вдавив педаль газа в пол, бросила машину вперед по шоссе.

Быстро проскочили ошарашенных постовых на КПП Лелив, мост через реку, и вот уже прямое шоссе, которое вело прямо к вертолетной площадке, где в диспетчерской должен был ждать Сулима. Отсюда было уже хорошо видно, что стая грузовых «Геркулесов» кружила именно в районе вертолетной площадки. Грузовые самолеты, построившись друг за другом в круг, заходили вниз и после этого опять взмывали в небо на новый вираж.

Только подъехав ближе, удалось понять, что же там происходит на самом деле. Вертолетной площадки не было. С десяток гигантских скреперов, они уже стояли в стороне, срезали лес и выровняли почву так, что появилось некое подобие взлетной полосы. Именно на нее опускались тяжелые натовские транспорты. Но они не садились, а, пролетев на минимальной высоте, десантировали контейнеры. Контейнеры немедленно сволакивали в сторону автопогрузчики, а самолет уходил на новый круг, чтобы, отстояв свою очередь в небе, выбросить новую порцию груза.

Все окрестности бывшей вертолетной площадки и диспетчерской были забиты машинами — ощетинившимися

пулеметами «хаммерами», грузовиками, автомобилями связи и медицинской помощи. Сотни людей в форме занимались инженерными работами — растягивали колючую проволоку, устанавливали временный лагерь. Кипела активная жизнь по развертыванию контингента. Судя по развевающимся флагам над одной из палаток, операция шла сразу под эгидой НАТО и ООН. Естественно, в этой организованной кутерьме не оставалось никакого места вертолету для спасения группы «Табигон». Более того, подъехать ближе было просто невозможно, весь район бывшей вертолетной площадки был оцеплен новеньким забором из стальной сетки. С самым настоящим КПП и вооруженными людьми при нем. По обе стороны от въезда были сооружены из мешков с песком временные блокпосты. В них укрылись расчеты со скорострельными пушками.

— Центр, подтвердите эвакуацию. — Тимур вышел на связь. — Мы на точке.

— Ты что, дурак? — совершенно неожиданно раздалось из рации. — Ты соображаешь, что говоришь? Кому вы теперь нужны?

Рация после этого умолкла — связь с Центром была потеряна окончательно. Но тут вякнул главный компьютер, сообщая о сигнале с локального коммуникатора.

— Это кто тут у нас? — под нос себе буркнул Герман, но на связь вышел.

— Это Лазненко. — Голос высшего начальства Гера знал хорошо. — Немедленно съезжайте с шоссе налево и углубитесь в лес по просеке, что впереди от вас!

Голос был жестким и не подразумевал обсуждения. Не говоря ни слова, Клава осторожно приняла влево и свернула в указанную просеку.

— Двести метров вперед, и сразу сворачивайте. — Лазненко дал новую вводную. — Там поворот красной ленточкой отмечен.

И правда, через указанное расстояние, как в какой-то спортивной игре по ориентированию, на ели нашелся красный маркер, и «Патриот» уже с натугой — сказывались повреждения — продрался сквозь чащу, объезжая редкие сосны. Там, в глубине, на небольшой поляне машину встретил сам Лазненко. Он был не один, небольшая хорошо вооруженная группа спецназа тщательно охраняла поляну.

— Немедленно вколите это Малахову, — без всяких вводных слов приказал генерал и протянул инъекционный пистолет Клаве.

— Это что? — Клава с некоторой неприязнью взяла в руки инструмент. — Я уже ввела все необходимое, у него нет серьезных травм.

— После этой инъекции никто не усомнится, что он мертв,

еще примерно час, вводите. Опасности для него никакой нет. Вернее, это единственный шанс уберечь его от тех опасностей, которые его ожидают сейчас. Так надо. Это приказ.

Клава приложила наконечник инъектора к плечу Вадима, предварительно разрезав рукав, и спустила курок. Негромко и легко пшикнув, прибор ввел дозу.

— Теперь его запакуют. — Лазненко кивнул одному из своих охранников.

Три человека подбежали к машине и, развернув принесенный черный мешок для транспортировки трупов, аккуратно запаковали туда Малахова. Еще несколько человек принялись деловито и бесстрастно снимать с «Патриота» всю специальную электронную начинку: компьютер, сканер, систему связи. Герман с Клавой смотрели на эту процедуру как на вивисекцию. Когда машина была полностью освобождена от секретного оборудования, установили взрывчатку и радиовзрыватель. Потом из глубины леса выехал армейский грузовик с парусиновым тентом. До сих пор грузовик прятался в густом ельнике. Погрузили технику, осторожно, на носилках, упакованного Вадима, и потом уже туда поднялись Лазненко и члены группы. Несколько спецназовцев в качестве сопровождения устроились у заднего борта.

— Пока молчите и ничего не спрашивайте. — Генерал предупредил любые вопросы.

Дорога заняла несколько минут. Грузовик остановился, и полог, закрывающий кузов сзади, распахнулся. Здоровенный негр, не выпуская из рук M16, заглянул внутрь и прогундел:

— Permit, please? — хотя в интонациях никакого «пожалуйста» не присутствовало.

Лазненко, чуть привстав, показал воину какую-то заламинированную бумажку. Негр выудил из кожаного чехла на поясном ремне ручной сканер штрих-кода. Сканер, пискнув, выдал расшифровку. Проверяющий слегка изменился в лице и, лихо отдав честь, радостно проорал:

— Please, sir, welcome to the international base, — и закрыл полог.

Машина, фыркнув дизелем, продолжила движение и, попетляв недолго, остановилась. Спецназовцы немедленно выскочили наружу и открыли задний борт. Машина стояла у трапа небольшого самолета, похожего на «Фалькон», но с совершенно другими по форме двигателями. Никаких опознавательных знаков на нем не было. Спецназовцы осторожно перенесли Малахова, за ними последовали Лазненко, Клава и Герман. Закрылся автоматический люк, и самолет, взвыв

турбинами на полной мощности, взмыл вертикально вверх. Зависнув на секунду, плавно перешел в горизонтальный полет. В салоне почти не чувствовалось шума двигателей в маршевом режиме.

— Прежде чем вы начнете задавать вопросы и готовить отчет, посмотрите вот этот ролик, — без всякого вступления начал Лазненко. Он открыл свой ноутбук, стоявший перед ним на низком столике, и повернул его экраном к Клаве и Тимуру.

На экране была запись с очков коммуникатора, код в углу экрана был малаховский. На первых кадрах Вадим разговаривал с Сухим, тот стоял возле «Патриота» уже без крыши. Сзади виднелось колесо обозрения.

— Ты бы лучше через черный ход пошел. — Сухой показал Малахову куда-то за спину. — Там с фасада все разбито.

— Мы что с тобой, в игрушки компьютерные играем? — ответил Вадим. — Ты мне еще предложи из подвала заходить.

Малахов развернулся, картинка была дерганая, как всегда бывает, когда снимают на бегу. Промелькнули серые, обшарпанные стены здания, время от времени камера показывала беглую панораму. Это Малахов осматривался, опасаясь ловушек и аномалий. Вадим двигался хоть и быстро, но осторожно, постоянно контролируя обстановку. Теперь было понятно, что он направляется к главному входу в ДК «Энергетик». Разбитые ступени, сумрак первого этажа. Малахов приблизился к громадному зеркалу справа от него. Он стоял почти вплотную к зеркалу и смотрел на свое отражение. Потом раздался голос:

— Я эту Зону кровью умою! — Голос был отрывистый и злой. Но это был голос Малахова. Вадим, подняв автомат на уровень груди, длинной очередью разнес зеркало на тысячи осколков.

Быстро взбежав по лестнице на второй этаж, Малахов развернулся налево и, обойдя концертный зал, вышел в холл с чередой дверей. Немедленно ударом ноги была выбита первая дверь. Внутри комнаты у дальней стенки сидел старик в инвалидном кресле. От удара он вздрогнул и, повернув голову к Малахову, спокойно спросил:

— Что случилось, молодой человек?

Старик с трудом развернул свое кресло на колесах и, улыбаясь, медленно двинулся к Малахову.

— Заходите, у меня как раз чай поспел, — гостеприимно предложил старик.

Но Малахов медленно поднял свой автомат и, ничего не говоря, выстрелом разнес старику голову. Тот дернулся и, заливая одежду кровью, обмяк в кресле.

В следующей комнате оказалась пара молодых людей, они

спали, когда ворвался Малахов. Юноша попытался заслонить собой свою спутницу, но Малахов ударом приклада свалил его на пол. Одним движением руки Вадим приковал юношу наручниками к батарее. Потом резко сдернул одеяло с девушки, она пыталась прикрыться руками, но это только развеселило нападавшего. Под страшный хохот и дикие крики Малахов медленно отрезал грудь девушке и, насладившись потоками крови, убил обоих. Так, сея страшную смерть, он двигался по коридору. В предпоследней комнате оказалась женщина, рядом с ней стоял и держался за юбку ребенок лет двух. Когда женщина упала на пол с простреленной головой, ребенок закричал: «Мама, мама!» Удар ботинка оборвал детский крик.

— Что это? — спросила побледневшая Клава. — Это же…

— Вот это было показано в прямом эфире всеми телеканалами мира. Причем комментарии были везде одинаковые — так российский спецназ празднует кровавую тризну на территории Украины. — Лазненко захлопнул ноутбук, рискуя разнести его вдребезги. — Говорилось, что далее невозможно терпеть произвол в зоне отчуждения.

— Ни у кого не возникло вопроса, откуда эти люди в Зоне? — Гера был тоже ошарашен. — Ведь бред же!

— Это никого не интересует, сказали, что мирная группа туристов отдыхала после экскурсии по местам давней катастрофы. И что вся эта бойня — результат борьбы за ресурсы Зоны.

— Но ведь это же фейк явный, есть же запись настоящая! — Гера осмотрелся, ища рядом оборудование из «Патриота».

— Это мы знаем, что есть. А вот специальную комиссию ООН мало интересует то, что мы говорим, и то, что у нас есть. Экстренное заседание Совбеза объявило Зону районом международного протектората. Вы же видели — сейчас сооружают периметр, туда теперь и мышь не проскользнет. Сначала колючкой обтянут, потом начнут укреплять…

— Да кому это все надо? Кому мы перебежали дорогу? — возмутилась Клава.

— Клава, ты должна привыкнуть к тому, что ко многому происходящему в мире проявляют интерес различные силы. На этот раз они сильнее нас. Обычная борьба цивилизаций.

— И что теперь? Что теперь с нами, что с Вадимом? Мы что, тоже расходный материал в этой игре? Ведь Малахова теперь каждая тварь пристрелит и гордиться будет!

— Все гораздо сложнее. Нет той Зоны, куда вы отправились несколько дней назад. Ее вообще нет. Вернее, она осталась только для систем наблюдения. А в реальности Зона находится где-то

совсем в другом месте. Та туманная дымка, которая вас встречала при входе в Зону, теперь стала границей между двумя мирами. Куда попадает человек, пересекая границу, — неизвестно. Может, это лес в Сибири, может, заповедник на Венере, а может — это вообще другое пространство.

— Я думаю, игра не окончена. Игра только начинается. И Зона только начинается. А до кукловодов мы доберемся…

Далеко внизу в разрывах облаков мелькала земля. Обычные деревни, черные змеи дорог. Осень норовила уйти, оставив зиме поле боя. А где-то позади начиналась вечная осень Зоны.

2009

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Слюсаренко Сергей
Кубатура сферы
Фантастический роман

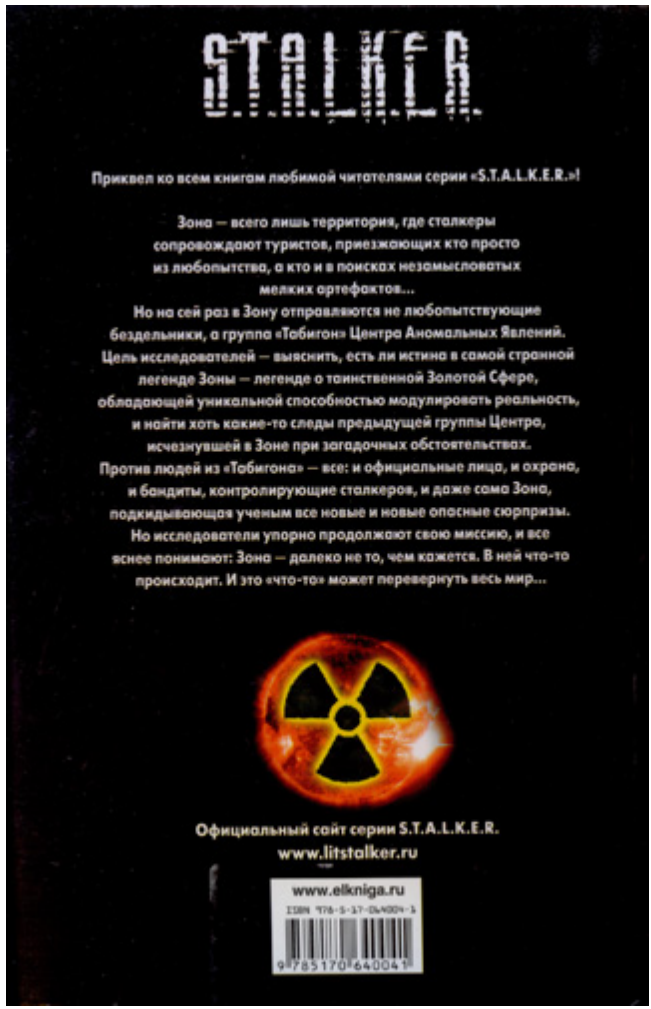
Ответственный редактор А.Т. Синицын
Технический редактор О.В. Панкрашина
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.012280.10.09 от 20.10.09 г.
ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса: http://WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru
Широкий ассортимент электронных и аудиокниг ИД АСТ Вы можете найти на сайте http://www.elkniga.ru

ООО «Издательство Астрель» 129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а, стр. 3
Издано при участии ООО «Харвест».

ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Тенцинг Норгейм — 29 мая 1953 года вместе с новозеландцем Эдмундом Хиллари впервые покорил самую высокую гору мира — Эверест


S.T.A.L.K.E.R.
Приквел ко всем книгам любимой читателями серии «S.T.A.L.K.E.R.»!
Зона — всего лишь территория, где сталкеры сопровождают туристов, приезжающих кто просто из любопытства, а кто и в поисках незамысловатых мелких артефактов...
Но на сей раз в Зону отправляются не любопытствующие бездельники, а группа «Табигон» Центра Аномальных Явлений. Цель исследователей — выяснить, есть ли истина в самой странной легенде Зоны — легенде о таинственной Золотой Сфере, обладающей уникальной способностью модулировать реальность, и найти хоть какие-то следы предыдущей группы Центра, исчезнувшей в Зоне при загадочных обстоятельствах.
Против людей из «Табигона» — все: и официальные лица, и охрана, и бандиты, контролирующие сталкеров, и даже сама Зона, подкидывающая ученым все новые и новые опасные сюрпризы.
Но исследователи упорно продолжают свою миссию, и все яснее понимают: Зона — далеко не то, чем кажется. В ней что-то происходит. И это «что-то» может перевернуть весь мир...
Официальный сайт серии S.T.A.L.K.E.R.
www.litstalker.ru
www.elkniga.ru

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

16.05.2010